

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ.

ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЙ. 300 +

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

НИЖНИЙ ТАГИЛ, 3 – 4 ДЕКАБРЯ 2020 г.

Администрация города Нижний Тагил
Управление государственной охраны объектов
культурного наследия Свердловской области
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ.
ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЙ. 300 +**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Нижний Тагил, 3 – 4 декабря 2020 г.

**Нижний Тагил
2020**

УДК 930.85+94(47)
ББК 79.0

Печатается по решению Ученого совета МКУК Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (протокол № 3 от 27.10.2020 г.)

Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 3 – 4 декабря 2020 г. – Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020 – 200 с.

Редакционная коллегия:

Меркушева Э.Р.
Матвеева И.Ю.
Кокшарова Л.В.
Гулякина И.Г.

В сборник включены доклады участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+». В публикациях нашли отражение идеи и позиции ученых, музейных специалистов, работников образования и культуры на актуальные проблемы изучения, сохранения и актуализации индустриального наследия.

ISBN 978-5-9904023-5-5

Авторы статей, 2020

МКУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е.В. СОХРАНЕНИЕ МИРОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: ЛИДЕРЫ ДВИЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ	6
Барабошина Н.В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ГОРОД: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ.....	13
Бекленищева М. В. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 1950-е – 1960-е гг. В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	18
Будкевич Н. М. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ»	22
Быстрова Т. Ю. ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ В РАБОТЕ С ИНДУСТРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ В 2020-х гг	26
Высоцкая Н.А. ВОДОПОДЪЕМНЫЕ ШТАНГОВЫЕ И ПАРОВЫЕ МАШИНЫ ТАГИЛЬСКИХ МАСТЕРОВ I ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ОБЪЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	32
Гаврилов Д.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПЛАНОВО-РЫНОЧНЫЕ ЭКОНОМИКИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ	41
Гомонюк О.И. ОПЫТ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА КАК ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КОМПЛЕКСА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА.....	50
Грошева О.В. АРХИВ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МЕТАЛЛУРГА В.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО В СОБРАНИИ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»	57

Зайцева Е.В., Азоркин Е.А. РЕДЕВЕЛОПМЕНТ ГОРОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ С ЦЕЛЮ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА	63
Зайцева Н.В. НАСЛЕДИЕ ГОРНЫХ ГЕОМЕТРОВ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ГОРНОЗАВОДСКОГО ДЕЛА В МУЗЕЕ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ИМЕНИ Е.А. И М.Е. ЧЕРЕПАНОВЫХ.....	67
Запарий В.В. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ	75
Иливицкая Л.Г. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ГОРОДА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ГОРОЖАНАМИ.....	96
Козлова В.Ю. ИСТОРИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРМИ, ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СЛЕДЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ.....	101
Короткова И.Б., Корепанов Н.С. РУКОПИСЬ А. С. ЯРЦОВА «РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ИСТОРИЯ»: НАУЧНОЕ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ РЕШЕНИЕ	107
Кузовенкова Ю.А. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЛОКАЦИИ ДЛЯ ГРАФФИТИ И СТРИТ-АРТА.....	114
Кузовкова М.В., Ю.М.Баранов КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТА ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ XVIII – XXI ВВ. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВА СОХРАНЕНИЯ В XXI ВЕКЕ. 300+. НА ПРИМЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КОМПЛЕКСА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА	119
Лахтионова Е.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1960-1980-е гг. В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	128
Матвеева И.Ю., Рыжкова О.В. МУЗЕЙ И ВУЗ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО АКТУАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА	133
Неймышева Т. В. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КОМПЛЕКСА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА (НТМЗ) КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	143
Осетрова Г.А. РАРИТЕТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА	148
Пятаева Е.В. РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	155
Симонова Д.М. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В СОБРАНИИ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»	158
Скочилова М.Н. ВЫЙСКИЙ ЗАВОД. ИСТОРИЯ ДОМОВЛАДЕНИЯ	164
Смирнова Т.В. СОХРАНЕНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕДИАФОРМАТЕ БУДУЩЕЙ СТАЦИОНАРНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬБОМА НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДОВ 1828 г.)	172
Тютюнник Ю.Г. ЗАВОДСКИЕ РУИНЫ КАК ФОРМА ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	180
Чуднов А.Л. ГЛОССАРИЙ ШАХТЫ «МАГNETИТОВАЯ» КАК ЧАСТЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.....	186
Шипицына О.А., Солонина Н.С. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА: ОПЫТ РЕВАЛОРИЗАЦИИ ЗА 50 ЛЕТ (1970 – 2020 гг.)	191
Штафетова Е. А. К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ. АКТУАЛЬНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ БЕЗ ГОСУЧАСТИЯ В СФЕРУ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	198

УДК 327.7

Е.В. Алексеева,

доктор исторических наук, профессор РАН,
в.н.с. Института истории и археологии УрО РАН;
620990 г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
alekseeva167@mail.ru

СОХРАНЕНИЕ МИРОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: ЛИДЕРЫ ДВИЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В статье представлен ряд выдающихся зарубежных деятелей международного движения за сохранение индустриального наследия (в том числе президентов ТИССИМ), кратко охарактеризован их вклад в развитие исследовательского направления и реализацию практических проектов ревалоризации наследия. Обращение к трудам и деятельности первопроходцев и последователей рассматриваемого направления – попытка включения их достижений в пока еще слабо разработанную историографию темы.

Ключевые слова: индустриальное наследие, Международный комитет по сохранению индустриального наследия, М. Ниссер, Л. Бергерон, Г. Дорель-Ферре, Э. Касанеллес, М. Прете.

E.V. Alekseeva,

Doctor of History, Professor of RAS,
leading researcher at the Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
620990 Ekaterinburg, 16, S. Kovalevskaya st.
alekseeva167@mail.ru

PRESERVATION OF THE WORLD INDUSTRIAL HERITAGE: LEADERS OF THE MOVEMENT AND RESEARCH

The article presents a number of prominent foreign figures of the international movement for the preservation of industrial heritage (including the presidents of TISSIM), briefly describes their contribution to the development of the research direction and the implementation of practical projects of heritage revalorization. An appeal to the works and deeds of the pioneers and followers of the trend under consideration is an attempt to include their achievements into the still poorly developed historiography of the topic.

Keywords: industrial heritage, the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage, M. Nisser, L. Bergeron, G. Dorel-Ferré, E. Casanelles, M. Preite

Закат эры индустриализма повлек за собой массовое разрушение традиционных производств, сопутствующей инфраструктуры, уничтожение рабочих мест, глубокую трансформацию всего уклада жизни. Перед лицом этих масштабных

изменений гражданское общество в развитых странах Запада через различные организации, ассоциации стало настойчиво выступать с призывом обратить внимание на свидетельства индустриального прошлого, ставшие наследием, сбереchenные созданным инженерным гением и тяжелым трудом рабочих ценности, передать знание о них будущим поколениям.

Тема «индустриального наследия» зазвучала одновременно как насущная гражданская инициатива и как исследовательское направление в конце 1960-х гг. в Соединенных Штатах, десятилетие спустя – в Западной Европе, немногим позже – в 1990-е гг. – в России и других странах. По мере того, как мир захлестывала волна деиндустриализации, на защиту истории индустриальной эпохи вставало все больше историков, искусствоведов, архитекторов и градостроителей, преподавателей, технических специалистов. Их усилиями не только отдельные производственные предприятия, но и целые промышленные регионы с начала 2000-х гг. стали признаваться ЮНЕСКО выдающимися памятниками всемирного наследия. Количество общественных организаций в защиту индустриального наследия, проводимых конференций, различных мероприятий, публикаций за последнее десятилетие возросло многократно. Деятельность этих организаций и специалистов, их вклад в исследование и сохранение индустриального наследия заслуживают специального подробного освещения. Ограничения небольшого текста заставляют остановиться лишь на нескольких выдающихся зарубежных личностях рассматриваемого направления.

Большое влияние на развитие движения и ключевую роль в формировании Международного комитета за сохранение индустриального наследия (ТИССИМ) сыграла шведский искусствовед, выпускница Уппсальского университета *Мари Ниссер* (Marie Nisser, 1937 – 2011). Она была постоянным участником и большим энтузиастом первых конференций по индустриальному наследию в английском г. Бате в 1960-х гг., встреч, которые в конечном итоге привели к Международной конференции по промышленным памятникам (International Conference on Industrial Monuments, ТИССИМ) в Айронбридже в 1973 г., за которой в 1975 г. последовало второе мероприятие - в Бохуме (Германия). Профессор Ниссер организовала третью конференцию ТИССИМ, которая успешно прошла в Швеции в 1978 г., в результате чего был подготовлен обстоятельный сборник трудов [17], а также проект структурного изменения ТИССИМ в более постоянную и широкую организацию - Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТИССИМ), президентом которого она была в 1984 - 1990 г., внеся существенный вклад в процесс, в результате которого ТИССИМ был признан ЮНЕСКО и ИКОМОС [11].

Мари Ниссер работала в Королевском технологическом институте в Стокгольме и участвовала в многочисленных инициативах по сохранению промышленного наследия Швеции, включая металлургические заводы, гидроэнергетику, лесную промышленность и целлюлозно-бумажные комбинаты. В 1976 г. увидели

свет ее путеводители по металлургическому заводу в Энгельсберге, который впоследствии стал объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, и по промышленным зданиям Норрчёпинга. М. Ниссер не была кабинетным ученым, но активно взаимодействовала с региональными структурами, обосновывая исследовательские и охранные проекты, участвовала в раскопках на металлургическом заводе в Лапфитте.

Как признание заслуг М. Ниссер в изучении и сохранении наследия промышленности, в 1992 г. в Королевском технологическом институте была создана первая кафедра исследований индустриального наследия, работа которой развернулась под ее руководством, и где она создала международную программу обучения и исследований - Платформу индустриального наследия стран Северной Европы и Балтии (Nordic/Baltic Industrial Heritage Platform). Профессор активно выступала с докладами на конференциях по промышленному наследию в европейских странах и на американском континенте. Благодаря поддержке М. Ниссер, в 1993 г. с большим успехом прошла первая в России международная конференция, имевшая статус официального межконгрессного мероприятия ТИССИН [2]. В работе конференции, организованной Институтом истории и археологии УрО РАН и Нижнетагильским музеем-заповедником горнозаводского дела Среднего Урала, приняло участие свыше ста ученых из научных центров и музеев многих городов России, государств СНГ, а также 23 иностранных специалиста из стран Европы, Америки, Австралии [1].

М. Ниссер настаивала на том, что «индустриальное наследие» должно развиваться как академическая дисциплина в контексте таких насущных процессов, как глобализация и деиндустриализация, в связи с основными теоретическими дискуссиями в общественных науках, в дополнение к практической борьбе за сохранение исторических ресурсов и управлению ими. Ее деятельность наглядно демонстрировала возможность снятия фундаментального противоречия, дихотомии между теоретическим и прикладным аспектами индустриального наследия - коренной проблемы, которую нельзя игнорировать без риска для развития молодой научной дисциплины. В этом ключе М. Ниссер сосредоточила свое внимание не только на объектах всемирного наследия и выдающихся сооружениях, но и «на заброшенных городах, не только на технических памятниках, но и на домах рабочих, индустриальном наследии в целом, поскольку интеллектуальная и культурная история неразрывно связана с материальной культурой и ландшафтом, места и предметы в истории так же важны, как идеи и люди, а производственные площадки не менее значимы для понимания истории человечества, чем дворец и собор» [13, р. 40].

Выдающимся французским ученым, много сделавшим для признания важности изучения индустриального наследия во взаимодействии с такими крупными международными организациями, как ИКОМОС и ЮНЕСКО, был профессор Луи Бержерон (Louis Bergeron, 1929 – 2014). Он родился в Страсбурге и учился в

École normale supérieure, которую окончил в 1951 г. Проработав учителем в течение десяти лет, он вернулся в высшую школу, к тому времени свободно говоря на немецком, английском и итальянском языках. Его интерес к промышленной археологии возник в 1970-х гг. под влиянием историка Мориса Дома (1910 – 1984). Л. Бержерон стал активно использовать данные полевых исследований при изучении промышленной и экономической истории, что в то время было новым подходом. В 1971 – 1997 гг. он преподавал и руководил исследованиями в Высшей школе общественных наук (EHESP) в Париже. Первоначально его собственные исследования касались Французской революции и Наполеоновской империи, позднее сосредоточившись на банках, бизнесе, социальной и экономической элите XIX в. В 1978 г. он стал одним из основателей, а затем и вице-президентом Комитета по информации и связям для археологии, исследования и развития индустриального наследия (Comité d'information et de liaison pour l'archéologie, l'étude et la mise en valeur du patrimoine industriel (CILAC), ныне является национальной ассоциацией, представляющей Францию в ТИССИН, насчитывает 500 членов). Профессор Л. Бержерон активно участвовал в организации и проведении четвертой конференции Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИН) в Лионе и Гренобле в 1981 г., в результате которого в 1984 г. в министерстве культуры Франции была создана группа, ответственная за создание национального реестра промышленного наследия. С 1996 по 2004 г. он возглавлял экомузей Ле-Крёзо-Монсо-ле-Мин (Le Creusot-Montceau les Mines, Франция). Будучи президентом ТИССИН в 1990 – 2000 гг., он добился признания организации со стороны ИКОМОС и ЮНЕСКО, что было озвучено на конгрессе в Лондоне в 2000 г. [10]. К числу наиболее значительных из его многочисленных публикаций можно отнести «Промышленное наследие: новая территория» и «Производство роскоши во Франции» [6, 7].

За первопроходцами в направлении индустриальной археологии и сохранения индустриального наследия последовали продолжатели их идей, новые поколения исследователей и энтузиастов. Луи Бержерон стал научным руководителем диссертации о каталонских промышленных колониях *Грасии Дорель-Ферре* (Gracia Dorel-Ferré, род. в 1943 г. в г. Эспаррэгүэра, Каталония), ей же профессор доверил должность секретаря журнала «Промышленная археология» во Франции, вдохновлял и стимулировал ее дальнейшую работу. В 1997 г. Г. Дорель-Ферре основала Ассоциацию индустриального наследия региона Шампань-Арденн (Association pour le patrimoine industriel de Champagne-Ardenne (APIC), безусловным лидером которой является до сих пор [4]. Научный интерес Г. Дорель-Ферре преимущественно сосредоточен на тематике развития жилищ рабочих и фабричных поселков в целом [21, 22]. Среди нескольких десятков подготовленных под ее редакцией публикаций (все они очень содержательны, широки по охвату, прекрасно иллюстрированы) - «Атлас индустриального наследия Шампань-Арденны», ставший результатом многолетнего труда более шестидесяти специалистов

[5]. Она также инициировала серию «Наследие» университета Савойя-Монблан, книги которой вышли за пределы западно-европейского круга индустриальной истории [3]. Она является секретарем секции ТИССИН по агропромышленности и производству продовольствия, читает курсы лекций по индустриальному наследию. С 1997 г. под руководством Г. Дорель-Ферре состоялось более пятнадцати конференций, которые собирали многочисленные аудитории выдающихся ученых со всех континентов, членов различных любительских ассоциаций. Коллоквиум во французском г. Шарлевиль-Мезье (2017 г.), посвященный Л. Бержерону, подвел некоторые итоги четвертьвековой деятельности АРИС – ассоциации, которая ныне является членом СИЛАС (ассоциации промышленного наследия во Франции) и ТИССИН (международной ассоциации, эксперта ЮНЕСКО по включению промышленных объектов в список всемирного наследия) [12].

Каталонец *Эусеби Касанеллес* (Eusebi Casanelles, род. в 1948 г.) – основатель (1984 г.) и почти тридцать лет глава Национального музея науки и техники Каталонии (MNACTEC). За эти годы музей превратился в сеть из более чем 25 самостоятельных филиалов, каждый из которых посвящен отдельной промышленной и технической теме. Э. Касанеллес являлся исполнительным президентом, а затем президентом ТИССИН (2000 – 2006 гг.) и президентом Испанской ассоциации индустриального наследия (1987 – 1992 гг.). Принятие Нижнетагильской хартии на конгрессе ТИССИН в 2003 г. расценивается как одно из главных достижений Эусеби Касанеллеса. Его научные интересы включают колониальное индустриальное наследие, которое он рассматривает в транснациональном контексте [8, р. 247 – 258]. Принципиальная позиция Э. Касанелеса заключается в том, что сохранение индустриального наследия происходит, по большей части, за счет его повторного использования для различных целей. Негативной тенденцией он полагает сосредоточение отделов культуры на искусстве и организации на бывших промышленных площадках различных мероприятий (музыкальных, выставочных, фестивальных), которые по сути эфемерны, требуют лишь разовых затрат. Туристический сектор также, с одной стороны, способствует популяризации наследия, с другой, часто занимается этим очень поверхностно. Напротив, политика, направленная на сохранение культурного наследия, осуществляемая, прежде всего, музеями, требует больших инвестиций и постоянного действия [9].

Итальянский профессор *Массимо Прете* (Massimo Preite, род. в 1946 г.) преподает на архитектурном факультете во Флорентийском университете, с 2008 г. читает курс «Промышленное наследие: исследования и проекты» в магистратуре Erasmus Mundus, «Patrimoines, Territoires de l'Industrie (ТРИИ)» в Университете Падуйи, преподавал и читал лекции в различных зарубежных университетах Франции, Испании, Швейцарии, Румынии, Канады. Он является вице-председателем Итальянской ассоциации индустриального археологического наследия (Italian Association for the Industrial Archaeological Heritage) (АИРАИ) и членом правления Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИН),

членом правления Европейского маршрута промышленного наследия (ЕРИН). М. Прете не только широко эрудированный профессор урбанистики, но глубоко погруженный в проекты современной ревалоризации специалист-эксперт. Он разработал и координировал многочисленные проекты по реконструкции объектов горнодобывающего и промышленного наследия: Парк / Горный музей Аббадиа С. Сальваторе, генеральный план Национального горного парка Colline Metallifere (2006 г.), технико-экономическое обоснование Музея железа и стали в Пьомбино (2008 г.), технико-экономические обоснования и планы управления для многих итальянских горнодобывающих парков: Parco minerario dell'Amiata (Сиена), Parco Museo di Cozzo Disi (Агридженто). В качестве эксперта-консультанта он участвовал во включении промышленных объектов в список всемирного наследия ЮНЕСКО, а в качестве члена комиссии ИКОМОС участвовал в оценке номинаций в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2018 - 2020 гг. К числу его крупных публикаций относятся «Индустриальные пейзажи XX века», «Генплан, развитие горного ландшафта», «Индустриальные пейзажи и наследие ЮНЕСКО» [14, 15, 16, 20].

Большой вклад в развитие направления внесли и продолжают активно работать почетные президенты ТИССИН сэры Нил Коссонс, (Neil Cossons), профессор Патрик Мартин (Patrick Martin), ныне действующий президент ТИССИН доктор Майлз Оглторп (Miles Oglethorpe), выдающиеся исследователи и организаторы Кит Фальконер (Keith Falconer), Массимо Негри (Massimo Negri), Стюарт Смит (Stuart Smith), доктор Барри Триндер (Barrie Trinder), профессор Хельмут Альбрехт (Helmuth Albrecht), Джеймс Дуэ (James Douet), доктор Вольфганг Эберт (Wolfgang Ebert), профессор Бенджамин Фрагнер (Benjamin Fagner), доктор Ян Аф Гейерстам (Jan af Geijerstam), Йоханнес Гроссвинкельманн (Johannes Grossewinkelmann), доктор Стивен Хьюз (Stephen Hughes), доктор Хелен Ларднер (Helen Lardner), доктор Сяо-Вэй Лин (Hsiao-Wei Lin), Мириам Макдональд (Miriam McDonald), доктор Хайме Мигоне Реттиг (Jaime Migone Rettig), доктор Туйя Микконен (Tuija Mikkonen), доктор Бодэ Морин (Bode Morin), профессор Гёрги Немет (Györgyi Németh), профессор Масааки Окада (Masaaki Okada), Белем Овьедо Гамес (Belem Oviedo Gamez), Густав Роснес (Gustav Rossnes), доктор Поль Смит (Paul Smith), Питер Стотт (Peter Stott), Иэн Стюарт (Iain Stuart), Норберт Темпель (Norbert Tempel), Марк Уотсон (Mark Watson), Анна Сторм (Anna Storm) и многие другие [18, 19].

Круг исследователей, практических специалистов в области индустриального наследия во всем мире постоянно расширяется, что свидетельствует о бурном и плодотворном развитии этого направления, отличающегося синтезом знаний и методов многих предметных областей (истории, археологии, архитектуры, градостроительства, инженерных специальностей, культурологии и др.), насущной актуализации смыслов наследия индустриальной эпохи на современном этапе развития человечества.

Список источников и литературы:

1. Бюллетень ТИССИИ. Екатеринбург, 1996. №1.
2. Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Материалы международной научной конференции ТИССИИ. Екатеринбург, 1994. 283 с.
3. Alekseev V. L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine / V. Alekseev, E. Alekseeva. Chambéry. Université de Savoie. Édition française de G. Dorel-Ferré, 2011. 178 p.
4. Association pour le patrimoine industriel de Champagne-Ardenne (APIC) [Электронный ресурс]. URL: www.patrimoineindustriel-apic.com (дата обращения: 15.09.2020).
5. Atlas du patrimoine industriel de Champagne-Ardenne. Les racines de la modernité. CRDP de Champagne-Ardenne, 2006. 187 p.
6. Bergeron L. Le patrimoine industriel. Un nouveau territoire / L. Bergeron, G. Dorel-Ferré. Paris : Éditions LIRIS, 1996. 127 p.
7. Bergeron L. Les industries au luxe en France / L. Bergeron. Paris: Odile Jacob, 1998. 240 p.
8. Casanelles E. Transnational Heritage in Europe // TICCIIH Congress 2012. The International Conservation for the Industrial Heritage Series 2. Selected Papers of the XVth International Congress of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage: Chung Yuan Christian University, 2013. P. 247-258.
9. Casanelles E. «A Catalunya, el patrimoni industrial és part de la nostra identitat» [Электронный ресурс]. URL: <https://mnactec.cat/revista-eix/eusebi-casanelles-a-catalunya-el-patrimoni-industrial-es-part-de-la-nostra-identitat/>
10. ERHI. Lois Bergeron [Электронный ресурс]. URL: <https://www.erih.net/how-it-started/stories-about-people-biographies/biography/show/Biografies/bergeron/> (дата обращения: 15.09.2020).
11. ERHI. Marie Nisser [Электронный ресурс]. URL: <https://www.erih.net/how-it-started/stories-about-people-biographies/biography/show/Biografies/nisser/>
12. Le patrimoine industriel dans tous ses états, un hommage à Louis Bergeron / Ed. G. Dorel-Ferré: Apic - Université de Savoie, 2019. 463 p.
13. Martin P., Avango D. Remembering Marie Nisser: TICCIIH's Past & Future // TICCIIH Congress 2012. The International Conservation for the Industrial Heritage Series 2. Selected Papers of the XVth International Congress of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage: Chung Yuan Christian University, 2013. 332 p.
14. Masterplan: La valorizzazione del paesaggio minerario / Masterplan, the Development of the Mining Landscape / Ed. by Preite. Moskoj: Edizioni Polistampa; Bilingual Edition, 2009. 200 p.
15. Preite M. Paesaggi industriali del Novecento / M. Preite: Edizioni Effigi, 2006, 288 p.
16. Preite M. Paesaggi industriali e patrimonio Unesco / M. Preite: Edizioni Effigi, 2017. 281 p.
17. The industrial heritage. The third international conference on the conservation of industrial monuments / Ed. by M. Nisser; Nordiska museet. Stockholm, 1981.
18. TICCIIH Congress 2012. The International Conservation for the Industrial Heritage Series 2. Selected Papers of the XVth International Congress of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage: Chung Yuan Christian University, 2013. 332 p.
19. TICCIIH guide to industrial heritage conservation. Industrial heritage re-tooled / Ed. by James Douet. Lancaster: Carnegie Publishing Ltd, 2012. 238 p.
20. Towards a European Heritage of Industry / Ed. by M. Preite: Edizioni Effigi, 2014. 256 p.
21. Villages ouvriers et villes-usines à travers le monde / Édition de G. Dorel-Ferré: Université de Savoie Mont Blanc, 2016. 288 p.
22. Villages ouvriers, utopies ou réalités. Actes du colloque de Guise. №24-25 de la revue L'archéologie industrielle en France. 1994. 256 p.

УДК: 008(1-6)

Н.В. Барабошина,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Самарский государственный медицинский университет» Мини-
стерства здравоохранения Российской Федерации;
443099, г. Самара, ул. Чапаевская, 89.
baraboshina@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
ГОРОД: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ**

В статье проанализированы ключевые подходы к осмыслению времени/пространства исторического, провинциального, индустриального города в России. Выявлены преимущества анализа данного типа поселений с позиций дихотомии «сакральное-профанное». Показаны перспективы хронотопического анализа для программ брендинга городов и разработки стратегий устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: время/пространство, хронотоп, столица, провинция, сакральное, профанное.

N.V. Baraboshina,
candidate of philosophy,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Samara State
Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate
Professor of the Department of Philosophy and Culturology, 443099, Moscow, st.
Samara, st. Chapaevskaya, 89.
baraboshina@mail.ru

**HISTORICAL PROVINCIAL INDUSTRIAL CITY: SPATIAL AND
TIME CHARACTERISTICS AND DEVELOPMENT POTENTIAL**

The article analyzes the key approaches to understanding the time / space of a historical, provincial, industrial city in Russia. The advantages of the analysis of this type of settlements from the standpoint of the "sacred-profane" dichotomy are revealed. The perspectives of chronotopic analysis for city branding programs and development of strategies for sustainable development of territories are shown.

Key words: time / space, chronotope, capital, province, sacred, profane.

Провинциальный индустриальный город в границах современной науки обрел прочный статус междисциплинарного предмета исследований. Воплощенные в конкретно-исторические формы, развивающиеся в определенных

пространственных и временных координатах, провинциальные города символизируют собой особое поле российской «внеаходимости» [10, с. 265-266]. Рабочие слободы, псевдогородские поселения, типичные монопрофильные города-заводы, транспортные узлы зачастую в глазах исследователя лишены своего «лица», образа, а значит, и перспективы развития. Все чаще звучат призывы отказать от бесперспективной сети подобных городов в пользу более интенсивного развития мегаполисов. При этом авторы данных проектов забывают, что исторические провинциальные индустриальные города традиционно служили «мостом» между сельской периферией и большими городами. Их ограниченное, в первую очередь, с экономической точки зрения, и «бедное», с точки зрения гуманитаристики, пространство традиционно направляло в столицы уникальные человеческие ресурсы, составляющие впоследствии гордость нации. На сегодняшний день, в условиях глобальной цивилизации потенциал провинциального исторического города недостаточно осмыслен. В этой связи представляется актуальным рассмотреть малый провинциальный индустриальный город как особое культурное пространство с позиций сакрального/ профанного времени и места.

Время и пространство – это те базовые категории, согласно которым сознание человека выстраивает и структурирует картину мира. Потребность определить свое местоположение в изменчивой повседневности заставляет обывателя постоянно уточнять свои координаты в текущем времени-пространстве. Человек предпочитает отталкиваться от дихотомических величин пространства, таких, как верх – низ, лево – право, центр – периферия, запад – восток, город – деревня; а также дихотомических величин времени, таких, как далекое – близкое, архаическое – современное и т.д. Так происходит освоение пространства и времени, а в ходе него формируется более глубокая оппозиция, переводящая время и пространство из их количественного восприятия в качественное – «сакральное – профанное», имеющее особое культурное значение.

Феномен «сакрального» стал предметом научного исследования после выхода в 1917 г. работы Р. Отто «Священное». Отто говорит, что в основе человеческой жизни переживание сакрального как сверхзначимого – это некое иррациональное ощущение, которое «можно только вызвать, пробудить» [7, с.14]. М. Элиаде впоследствии доказал, что деление мира на зону «сакрального» и «профанного» свойственно всем типам человеческих практик. Как отмечал Элиаде, «священное и мирское – это два образа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе истории» [8, с. 19].

Таким образом, сакрализация и десакрализация представляют собой особый взгляд на пространство и время, в котором предусмотрена дифференциация «мест» и «времен» на обыденные («профанические») и сакральные.

Характеризуя город как исторический, принято учитывать наличие значительного временного стажа поселения, объем культурного наследия [6]. В этой связи, согласно типологии Ж. Баландоржиева, большинство провинциальных

индустриальных городов попадает под категорию эссорных - основанных в советский период, имеющих сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующихся наличием градообразующего предприятия, обладающих отдельными памятниками истории, культуры и современной архитектуры и развивающихся как центры административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения [1, с.117]

Но, на наш взгляд, качественная оценка места как исторического напрямую зависит от его способности хранить и транслировать сакральные символы, образы, архетипы, положенные в основу исторической памяти. Город возникает в процессе сакрализации человеком пространства и времени, наделении особым смыслом ограниченной городскими стенами территории, ощущении особого статуса места, пригодного для воспроизведения миропорядка. Так, исторический город – это не столько официальный статус, сколько особое место, время/пространство которого поддерживается потенциалом исторической памяти, когда историческая и коллективная память, пересекаясь, взаимно обогащают друг друга. Исторический провинциальный город пронизан системой социальных связей, основанных на личных знакомствах, родственных отношениях, землячествах, которые можно считать особой структурой «живой исторической памяти» места. В этом плане возможности больших городов действительно очень ограничены в силу обезличенности, поверхности, формальности большинства социальных контактов. Поэтому проекты сохранения «живой памяти» провинциального индустриального могут быть особенно востребованными в условиях тотальной мегаполизации и типового ребрендинга городских территорий.

Говоря о провинциальном измерении времени/пространства города, следует отметить особую смысловую дихотомию – сакральное пространство столиц (столичный город Санкт-Петербург и «древняя столица» Руси Москва) и профанное пространство русской провинции. Часто невозможно зафиксировать необходимую степень удаленности от столицы для определения границ провинциальности. За исключением двух столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга все остальное евразийские территории могли быть рассмотрены как провинциальные. Провинция – один из самых популярных концептов, используемый для обозначения многих социокультурных явлений российской действительности. Городские провинциальные феномены, составляющие данный концепт, чрезвычайно широки по смыслу и максимально эмоционально окрашены (особенно в этом плане разнообразны художественные концепты), но в большинстве своем не способствуют их научному осмыслению [9].

Пространство провинциального города практически невозможно четко зафиксировать – оно не имеет границ, ощущается плоскостно в единстве города и окружающего ландшафта. Провинциальный город описывается как своеобразный симбиоз топографических сегментов города и деревни, чтобы показать ущербность пространства провинции по отношению к сугубо городскому про-

странству столиц. Сад, лес, улица (проулок), мостик, кабак, городской сквер – вот основные топосы, организующие городское пространство провинциала.

Возможно определить временные характеристики провинциального города, такие, как статичность (отсутствие ощутимого движения времени), однообразие или единообразие (цикличность ощущения времени), повторяемость (воспроизводимость временного цикла), бесцельность (отсутствие направленности и осмысленности времени). Это особое ощущение времени зафиксировал М.М. Бахтин, говоря, что «здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания» [3, с. 396].

Но, несмотря на то, что в провинциальном городе профанное время/пространство продолжает осмысляться как ущербное, лишенное своеобразия, бедное, культурный потенциал провинции имеет ряд преимуществ. Уже Н. А. Бердяев пишет об особой жизненной силе провинции, этой «огромной, неведомой, народной, обывательской России» [4, с. 73 – 75]. Именно профанное время/пространство обеспечивает надежные механизмы преемственности памяти, сохраняет особый миропорядок и традиционность, что особенно важно в условиях стремительно меняющейся столичной реальности. Для многих провинциалов город – это Родина, а не контрпункт временного проживания.

Время Родины – это близкое, личное, живое время, начальная точка отсчета опыта мира, время памяти, а не истории. Память не знает линейности воспоминаний, восстановленной последовательности хода событий. Память вытесняет на периферию пространства те факты и события, которые были нераспознаны как смыслозначимые, но произвольно воссоздает запечатленное по секундам прожитое и прочувствованное время-пространство. Именно в этот момент рождается ощущение «притяжения места», «схватывания пространства». Родина необходима, чтобы мир приобрел смысловую размеренность того, что проросло сквозь личностный опыт, получило статус смысла, личностных позиций. В этом плане профанный провинциальный город гораздо более эффективен с позиций идентификации, нежели мегаполис, где идентичность человека во многом зависит от профессиональной успешности в ее формальных показателях [2].

Феномен индустриального города связан с резким стартом индустриализации и урбанизации. В нашей стране, как известно, мало городских агломераций возникало в ходе постепенного и качественного хозяйственного освоения регионов. Сакральное пространство индустриального города определяется предприятиями-новостройками, транспортными узлами и сырьевыми энергоузлами, создаваемыми по воле государственного строительства. Происходит инверсия сакрального и профанного. Сакрализуются общественные территории, а приватные частные пространства все чаще ассоциируются с единоличным владением и мещанским бытом. Развитие индустриального производства изменяет темп города – делает его более динамичным, планомерным, подчиненным ритму труда и отдыха. Как отмечает А.О. Костина: «Город, рассматриваемый как простран-

ство потоков доминирующих сил, буквально «выбивает почву из-под ног» у его жителей» [5, с. 4]. В условиях глобализации провинциальные индустриальные города все чаще оказываются заложниками стратегии «догоняющей индустриализации», выбирают стратегию города-спутника. Односторонние инициативы городских властей по «оживлению» территории за счет наращивания псевдо-сакральных публичных пространств – торговых центров, фитнес-залов, пешеходных улиц имеют мало успеха, поскольку рассчитаны на обратную инверсию, которая невозможна в рамках прежнего понимания города как индустриального центра. Существуют некоторые счастливые примеры «обретения себя» такими городами, как Великий Устюг или Мышкин, но это лишь подчеркивает исключительность данных проектов на общем фоне кризиса малых городов в России.

Тем не менее, говоря о трансформационных возможностях исторического провинциального индустриального города, следует подчеркнуть, что его особый хронотоп способен создать резервуар «человеческого сопротивления унификации», создать условия для самопознания, рефлексии, гармоничной самооценки его жителей. В свете новых урбанистических теорий провинциальный город перестает рассматриваться как сугубо профанное пространство, приобретая на фоне столичной повседневности характер сакрализованного места, способного сохранить и преумножить ценности уникальной территории.

Список источников и литературы:

1. Балдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. Чита, 2011. № 3 (27) С. 112-119; С.117.
2. Барабошина Н. В. Хронотоп Родины // Молодой ученый. 2015. № 11-1 (91). С. 25-27.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва, 1975. С.234-407.
4. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. Москва, 1990. 246 с.
5. Костина А. О. Философские аспекты исследования городского пространства: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.08 / Костина Алина Олеговна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. Москва, 2016. 31 с.
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федерал. закон от 28.11.2011 № 337-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.04.2012) (ред. 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
7. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. Санкт-Петербург, 2008. 272 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. Москва, 1994.
9. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX - начала XX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Елена Николаевна Эртнер; Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2005. 42 с.
10. Юрчак. А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение / А. Юрчак. Москва, 2014. 604 с.

УДК 94(47).084.9 + 908

М. В. Бекленищева,аспирант, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
РФ, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.
bekmv88@yandex.ru**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРЕДПРИЯТИЙ
ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 1950-е – 1960-е гг. В КОНТЕКСТЕ
СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**

В статье рассмотрены такие направления международного сотрудничества предприятий Нижнего Тагила в 1950-е – 1960-е гг., как прием иностранных делегаций, стажировки зарубежных специалистов, экспонирование продукции на крупнейших международных выставочных площадках и ее экспорт, импортные поставки оборудования. Сделан вывод об интегрированности в повседневную жизнь тагильских предприятий международного сотрудничества, а также о важности изучения данного направления в контексте индустриального наследия.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Нижне-Тагильский металлургический комбинат, международные выставки, иностранные делегации.

M. V. Beklenishcheva,PhD student of history of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education «Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin»
19 Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia.
bekmv88@yandex.ru**INTERNATIONAL COOPERATION OF NIZHNY TAGIL
ENTERPRISES IN THE 1950S-1960S IN THE CONTEXT OF
PRESERVING THE INDUSTRIAL HERITAGE**

The article deals with such areas of international cooperation of Nizhny Tagil enterprises in the 1950s-1960s as the reception of foreign delegations, internships of foreign specialists, product display at major international exhibition venues and its export, import supplies of equipment. It is concluded that international cooperation is integrated into the daily life of Tagil enterprises, as well as the importance of studying this area in the context of industrial heritage.

Keywords: international cooperation, Nizhny Tagil metallurgical plant, international exhibitions, foreign delegations

В современном мире все большее внимание общественности, научных, деловых и правительственных кругов вызывают вопросы изучения и сохранения индустриального наследия, к которому относят, в том числе, оборудование, произведенное до 1960-х гг. [9, с. 216]. Учитывая междисциплинарный характер темы,

формируются исследования в различных областях науки. Важно отметить, что для российской историографической традиции характерно стремление не ограничиваться исключительно материальной сферой, а, как отмечает крупнейший исследователь данного направления В.В. Запарий, нужно «обратить внимание на человеческий фактор, придать этому движению антропологическую и экономико-историческую окраску» [Там же, с. 213]. Вместе с тем, ряд исследователей справедливо отмечает, что работ, посвященных объектам индустриального наследия XX века, существенно меньше, т.к. эти предприятия еще не воспринимаются в полной мере в качестве историко-культурного наследия [17, с. 27]. В этом ключе особую ценность приобретает изучение истории международных связей советских предприятий. К примеру, А.А. Петрова в своем исследовании, посвященном сохранению индустриального наследия на примере фабрики «Красное знамя», приводит информацию о том, что на предприятие английской фирмой было поставлено оборудование, а также направлены инженеры для проведения инструктажа по работе на машинах. Автор отмечает, что такого рода информация важна для сохранения исторической памяти и формирования представления об индустриальном периоде страны и повседневной жизни людей [Там же]. Однако в целом можно констатировать, что тема международного сотрудничества индустриальных центров Советского государства еще ждет своих исследователей. В этой связи представляется интересным обратиться к опыту города Нижний Тагил.

Нижний Тагил – второй по величине город Свердловской области. К началу 1950-х годов являлся мощным промышленным центром мирового уровня. В городе функционировали такие гиганты, как Ново-Тагильский металлургический завод (позже Нижне-Тагильский металлургический комбинат), Уралвагонзавод и другие предприятия, созданные в годы индустриализации [21].

Это определило историческую судьбу города: индустриальная мощь становится объектом гордости и демонстрации. Середина 1950-х годов характеризуется началом массового приема различных иностранных делегаций в Свердловской области из капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Для организации приема дорогих гостей в 1955 году Свердловский обком КПСС утверждает список предприятий, научных и культурно-бытовых учреждений, подлежащих показу иностранным делегациям, в который вошли Ново-Тагильский металлургический завод, Высокогорское рудоуправление, Дворец культуры Ново-Тагильского металлургического завода, Нижне-Тагильский краеведческий музей [23, лл. 16-19, 35-37].

Предприятия Нижнего Тагила посещали зарубежные промышленные, профсоюзные, партийные и другие специализированные делегации. К примеру, группа ведущих финских геологов во главе с директором рудного отдела государственного геологического института Финляндии доктором Пяхна посетила Тагильскую экспедицию Уральского геологического управления и Высокогорский рудник, где знакомились с постановкой геологоразведочных работ и методикой поисков и раз-

ведок полезных ископаемых на Урале [6]. С новейшими достижениями советской науки и техники, организацией труда на предприятиях, жилищным строительством и благоустройством рабочих поселков ознакомились английские металлурги [2], а также металлурги из Бельгии и Люксембурга, прибывшие в Советский Союз по приглашению Министерства черной металлургии СССР и побывавшие на Ново-Тагильском металлургическом и коксохимическом заводах [14].

Как известно, до 1966 года у Нижнего Тагила не было городов-побратимов. Однако для демонстрации лучших практик в программы посещения делегаций из городов-побратимов Свердловска включалось посещение Нижнего Тагила. Так профсоюзная делегация из английского Бирмингема остановилась в Нижнем Тагиле даже на два дня. Гостей подробно знакомили с Ново-Тагильским металлургическим заводом, были организованы беседы с рабочими, для лучшего понимания жизни и быта тагильчан было организовано посещение ряда объектов социальной инфраструктуры [5]. Делегация из свердловского побратима – румынского города Тимишоара ознакомились с жизнью и бытом трудящихся Нижнего Тагила [8].

В 1957 году в Нижнем Тагиле побывали специалисты из КНР, ГДР, КНДР, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Румынии, приехавшие на Всесоюзное совещание сталеплавильщиков в Свердловске. Члены делегации посетили Нижне-Тагильский металлургический комбинат, где ознакомились с производством и отметили высокий уровень механизации и автоматизации основных производственных процессов в обжимном, рельсо-балочном и доменном цехах [12]. По итогам посещения венгерскими и тагильскими металлургами принято решение о проведении между собой социалистического соревнования и обмене письмами, в которых сообщались достигнутые результаты [22]. Многолетнее сотрудничество связывало нижнетагильские предприятия с Индией. Индийские делегации приезжали на предприятия Нижнего Тагила. На карьере Высокогорского железного рудника одна из делегаций познакомилась с работой экскаваторов, рудничного транспорта, на аглофабрике – с работой дробильной и обогатительной фабрик [7]. Сотрудники нижнетагильских заводов выезжали за границу для помощи в организации работы предприятий на местах. Тагильчане, в частности, работали в китайском Ухане на металлургическом комбинате [3], на сооружении Бхилайского металлургического комбината в Индии [13].

На предприятиях Нижнего Тагила проходили практику иностранные студенты из Болгарии, Венгрии, Китая, Северной Кореи, Польши, Румынии и Чехословакии, обучавшиеся в вузах Свердловска, проходили стажировки иностранные специалисты.

Продукция нижнетагильских предприятий экспонировалась за рубежом. К примеру, Нижне-Тагильский медико-инструментальный завод представлял свою продукцию на советской торгово-промышленной выставке в Бразилии [24], на международной ярмарке в Югославии [4], в Германии на Лейпцигской ярмарке [11]. Продукция Нижне-Тагильского металлургического комбината не-

однократно демонстрировалась на Лейпцигской ярмарке. К примеру, в 1965 году там были представлены облегченная балка, низколегированные облегченные корытообразные вагонные стойки, производство которых было впервые налажено в Советском Союзе [Там же]. Кроме того, изделия Нижне-Тагильского металлургического комбината демонстрировались на международных выставках в Австралии и Японии [19], на ярмарке в Болгарии [16].

Осуществлялись поставки продукции тагильских предприятий за рубеж, в том числе в Великобританию, Францию, Финляндию [11], Иран [10], Болгарию [1], Италию, ГДР, Румынию, Чехословакию, Турцию, Венгрию, Монголию [20] на Кубу [15]. На заводах Нижнего Тагила устанавливалось импортное оборудование. К примеру, оборудование для дрожжевого завода было поставлено из Польши [13, 18].

Очевидно, что в рассматриваемый период предприятия Нижнего Тагила были интегрированы в мировой контекст, а участие в международном сотрудничестве, в том числе прием зарубежных делегаций, стажировки иностранных специалистов и студентов-практикантов на нижнетагильских заводах, экспорт и импорт оборудования, – стало частью повседневной жизни. В связи с этим особую значимость приобретает дальнейшее изучение и осмысление международных производственных контактов как неотъемлемой составляющей индустриального наследия. Перспективным представляется формирование архива воспоминаний непосредственных участников международной промышленной кооперации посредством проведения анкетирования, интервью, изучения дневниковых записей, личных фотографий.

Список источников и литературы:

1. Адрес – Болгария // Уральский рабочий. 1962. 19 мая. № 116 (14.164).
2. Английские металлурги в Нижнем Тагиле // Уральский рабочий. 1956. 3 июля. № 154 (12.348).
3. Братские связи // Уральский рабочий. 1960. 14 февр. № 38 (13.475).
4. Векшегонов П. На ярмарке в Загребе // Уральский рабочий. 1962. 15 сент. № 218 (14.266).
5. «Всюду встречают нас как друзей». Профсоюзная делегация Бирмингема в Нижнем Тагиле и Свердловске // Уральский рабочий. 1956. 8 мая. № 106 (12.300).
6. Группа ведущих геологов Финляндии... // Уральский рабочий. 1957. 1 сент. № 207 (12.707).
7. Делегация индийских специалистов в Нижнем Тагиле // Уральский рабочий. 1955. 25 авг. № 201. (12.087).
8. Десять дней в гостеприимном Свердловске // Уральский рабочий. 1957. 13 нояб. № 267 (12.767).
9. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13 / под ред. Л. И. Бородин. Москва, 2007. С. 211-217. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 39).
10. Ковалевич В. Адрес получателя: Иран // Уральский рабочий. 1965. 25 июня. № 147 (15.110).

11. Константинов В. На Лейпцигскую ярмарку // Уральский рабочий. 1965. 2 марта. № 50 (15.013).
12. Крепнет дружба со сталеплавильщиками стран народной демократии // Уральский рабочий. 1957. 23 мая. № 120 (12.620).
13. Курашова Т. Узы дружбы и мира // Уральский рабочий. 1962. 24 окт. № 251 (14.299).
14. Металлурги из Бельгии и Люксембурга // Уральский рабочий. 1956. 6 сент. № 210 (12.404).
15. На Кубу // Уральский рабочий. 1960. 6 сент. № 211 (13.648); Для Кубы // Уральский рабочий. 1960. 11 окт. № 241 (13.678).
16. На ярмарку в Пловдив // Уральский рабочий. 1964. 9 сент. № 212 (14.869).
17. Петрова А. А. Проблемы сохранения индустриального наследия: историческая ценность и перспективы современного использования (на примере завода «Красный гвоздильщик» и фабрики «Красное знамя») // Проблемы современной науки и образования. 2017. №29 (111). С. 26-31.
18. По дорогам дружбы // Уральский рабочий. 1964. 30 июля. № 177 (14.834).
19. Попов В. На международные выставки и ярмарки // Уральский рабочий. 1961. 23 февр. № 46 (13.790).
20. Слава тагильских мастеров // Уральский рабочий. 1964. 24 мая. № 121 (14.778).
21. Тагил достопримечательный. Путешествие по культурным ландшафтам и памятникам индустриального наследия Нижнего Тагила / Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»; авт.-сост. И. Г. Меменов. Нижний Тагил, 2018, 300 с.
22. Тагильские металлурги соревнуются с венгерскими // Уральский рабочий. 1957. 29 дек. № 305 (12.805).
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 Оп. 54. Д. 53. ЛЛ. 16-19, 35-37.
24. Яковлев П. Свердловск – Рио-де-Жанейро // Уральский рабочий. 1962. 8 апр. № 83 (14.131).

УДК 72.01 + 72.03 + 725

Н. М. Будкевич,

аспирант ФГБОУ ВО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»

РФ, 420043, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Зеленая, 1.
archinik07@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Осмысление постиндустриальной эпохи и ее новейшие реалии в истории европейских государств имеют яркое философско-методологическое и научно-исследовательское соответствие – постнеклассический этап развития теоретической мысли [8, с. 2]. Можно предположить, что наиболее явной составляющей

постнеклассики является междисциплинарность. Имея широкий охват материальных и культурных проявлений, концепция «Индустриальное наследие» обладает особенностью, которая открывает возможности обращения к предмету с позиции различных сфер знания, в то же время являет собой богатый пример постнеклассического поискового исследовательского осмысления.

Ключевые слова: концепция, индустриальное наследие, междисциплинарность, музеефикация.

N. M. Budkevich,

postgraduate student

of the Department of reconstruction and restoration of architectural heritage and the foundations of architecture of Kazan state university of architecture and engineering

archinik07@gmail.com

INTERDISCIPLINARY CHARACTER OF THE CONCEPT «INDUSTRIAL HERITAGE»

Comprehension of the post-industrial era and its latest realities in the history of European states have a vivid philosophical-methodological and scientific-research correspondence - a post-non-classical stage in the development of theoretical thought [8, с. 2]. It can be assumed that the most obvious component of postnonclassics is interdisciplinarity. Having a wide coverage of material and cultural manifestations, the concept of «Industrial Heritage» has a feature that opens up the possibility of addressing the subject from the standpoint of various spheres of knowledge, at the same time it is a rich example of post-nonclassical exploratory research comprehension.

Keywords: concept, industrial heritage, interdisciplinarity, muzeefication.

Широкая общественность, так или иначе связанная с вопросами исследования наследия индустриального периода, характеризуется различным происхождением научных интересов. Предположения отечественных исследователей о ценностном восприятии индустриального наследия, которое не должно ограничиваться лишь недвижимыми объектами и их эстетической составляющей, развивает идею привлечения плеяды специалистов к проблемам самой концепции. Очень часто археологические технологии и методологии являются первым шагом в изучении физических останков индустриальной деятельности. Этнологические изучения относятся к исследованиям мира и повседневной жизни данного рабочего периода; технология и ее эволюция, а также изучение зданий и сооружений является, несомненно, областью работы историков-технологов, инженеров и архитекторов. Географы, экономисты и социальные историки изучают ландшафт, бизнес-историю и рабочую жизнь [2, с. 214].

Появление дисциплины «индустриальная археология», как одной из множества подходов к исследованию, основательно подтверждает вышесказанное.

Суть предмета укладывается в рамки изучения материальных и духовных составляющих производственной деятельности, хронологические границы которой простираются от второй половины XVIII века до сегодняшнего дня, не исключая при этом предшествующие доиндустриальные и протоиндустриальные корни [7, с. 4]. На ранних этапах становления дисциплины в западной практике основные методы исследования представляли собой выявление (описание) и документирование (фиксацию) индустриальных памятников. По мере сокращения числа неучтенных объектов на передний план вышли задачи изучения, консервации, реставрации и музеефикации. Вариативность аспектов обуславливает многодисциплинарность с участием разнообразного круга специалистов в области истории техники, промышленной архитектуры, реставрации, музейного дела и т.д. Отечественные исследователи предпочитают не выделять индустриальную археологию в отдельный предмет, предлагая использовать его как тематический и хронологический раздел археологии, изучающий промышленные памятники XVII – XX вв., в том числе и традиционными археологическими методами. Это комплексное исследование, базирующееся на различных типах и видах источников, и интегрированное в междисциплинарное направление деятельности по изучению и охране индустриального наследия [4, с. 105].

Как уже было отмечено ранее, широкомасштабная деятельность по поиску и документированию индустриального наследия приводит к закрытию пробелов в выявлении большинства объектов. В стремлении ввести в научный оборот собранные материалы активизируется музейная отрасль как одна из форм изучения истории. Ценность комплексного исследования индустриального наследия в данном случае актуализируется по средствам экспозиционно-выставочной деятельности, которая не ограничена в способах трансляции и может содержать в себе как письменные и изобразительные источники, инструменты и артефакты производства, так и в целом может являться музеем в стенах бывшего индустриального предприятия или комплексом на территории индустриального ландшафта. Последнее относится к утверждению, которое базируется на простом факте: какой угодно памятник неразрывно связан со своей средой – ландшафтной и исторической. Объекты индустриального наследия лучше всего воспринимаются и идентифицируются в том случае, если их культурологическое толкование сопровождается рассмотрением контекста, в котором они существуют [6, с. 10]. Такой подход использует системный метод, когда весь комплекс объектов индустриального наследия изучается целостно, как единая система, особенности которой формируются в процессе промышленного производства и отражаются представления общества о данных объектах в каждый исторический период развития [5, с. 23].

В противовес традиционным методикам музеефикации, «нестандартность» архитектурной среды индустриальных объектов привлекает внимание представителей различных направлений искусства. Художественное творчество,

аудио-визуальная трансформация, архитектурная адаптация – все это есть уникальные примеры постиндустриального использования промышленных пространств, которые позволяют взглянуть на индустриальную среду под другим углом, способствуя решению одной из основных задач – интерпретации индустриального наследия [3, с. 47–48].

На nive проявления интереса к социально-экономической истории открывается направление по изучению системы капитализма как важной части общественных взаимоотношений феномена индустриализации. Капиталистическая индустриализация стала закономерным результатом господства рационализма и утилитаризма, обеспечивших скачок в науке и технике. Изучение воздействия процесса индустриализации на общество, мировоззренческий подход ко всему комплексу проблем, которые ставит перед культурой развитие техники, стали в современную эпоху неотъемлемой частью научного знания. На решение этих проблем претендуют все сколько-нибудь значительные научные центры экономической истории [1, с. 48].

На первый взгляд может показаться, что межведомственный характер концепции способствует созданию угрозы размытия предмета изучения, однако такое предположение – заблуждение, не являющееся помехой для единовременной ориентации на глубокие фундаментальные исследования, обладающие своеобразным академизмом. Зародившись в отдельных объединениях энтузиастов, концепция «Индустриальное наследие» приобрела значение национальной и международной культуры всего человечества, объединяя под своим началом всех заинтересованных лиц от гражданского общества до профессиональных сообществ.

Имея широкий охват материальных и культурных проявлений, концепция «Индустриальное наследие» обладает особенностью, которая открывает возможности обращения к предмету с позиции различных сфер знания. Междисциплинарная природа концепции «Индустриальное наследие» выражается в процессе консолидации интересов абсолютно разных областей научного познания. Свою во многом определяющую нишу в этом процессе занимают разномасштабные конференции и симпозиумы, позволяющие собрать всевозможные профили и подходы, вырабатывая, в едином ключе, комплексные методы исследований. Принципиально иные, в отличие от традиционных, в первую очередь, проектные, формы междисциплинарного сотрудничества позволяют поднять на новый уровень осознание индустриального периода истории, обеспечивая сохранность его наследия.

Список источников и литературы:

1. Арсентьев Н. М. Индустриальное наследие: опыт исследования ученых мордовского университета // Индустриальное наследие: сб. материалов междунар. науч. конф. Саранск, 2005. С. 48.
2. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции

в России и за рубежом) // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13. Москва, 2007. С. 211-217.

3. Курлаев А. Е. Историографическое осмысление индустриального наследия в России // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 47-48.

4. Курлаев Е. А. Промышленная Археология и сохранение индустриального наследия в России. К вопросу об исследовании и реконструкции промышленных памятников // Индустриальное наследие: сб. материалов междунар. науч. конф. Саранск, 2005. С. 105.

5. Никонова А. А. Завод-Музей: Теоретические проблемы музеефикации «Общего дела» // Вопросы музеологии. 2015. 2(12). С. 23.

6. Тютюнник Ю. Г. Объекты индустриальной культуры и ландшафт: монография / Ю. Г. Тютюнник. Киев, 2007. С. 10.

7. Там же. С. 4

8. The Nizhny Tagil Charter for the Industrial Heritage // The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (ТИССИН), 2003. С. 2.

УДК 72.02

Т. Ю. Быстрова,

доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
РФ, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19,
taby27@yandex.ru

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ В РАБОТЕ С ИНДУСТРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ В 2020-х гг.

В статье осмысляются новые методики работы архитекторов и урбанистов с индустриальным наследием. Показаны социокультурные факторы, усиливающие стремление специалистов к разнообразию и индивидуализации проектных подходов. Приведена авторская классификация методов и подходов к историко-архитектурным индустриальным объектам, разработанная в результате анализа и обобщения более чем 30 кейсов по теме.

Ключевые слова: индустриальное наследие, архитектура, историко-архитектурное наследие, методы реабилитации наследия, классификация методов.

T. Y. Byistrova,

doctor of philosophy, Professor,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal
University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin»
19 Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia,
taby27@yandex.ru

DIVERSIFICATION OF DESIGN SOLUTIONS IN WORKING WITH THE INDUSTRIAL HERITAGE IN THE 2020s

The article comprehends new methods of work of architects and urbanists with industrial heritage. The socio-cultural factors are shown that enhance the intention of specialists to the diversity and individualization of project approaches. The author's classification of methods and approaches to historical and architectural industrial objects, developed as a result of the analysis and generalization of more than 30 cases on the topic, is presented.

Keywords: industrial heritage, architecture, historical and architectural heritage, methods of heritage rehabilitation, classification of methods.

Актуализация историко-архитектурного наследия – вопрос первостепенной важности для многих городов постиндустриального мира. Процесс приобрел такие масштабы, что о нем серьезно говорят с экономических позиций. Так, в Великобритании, где наследием занимаются местные муниципалитеты и сообщества, показатель экономической активности в этой сфере в 2018 году составил около 200 млрд фунтов стерлингов. Кроме того, стало очевидным, что, разрушая индустриальное наследие, в том числе индустриальную и вернакулярную архитектуру, можно потерять культурную и / или этническую идентичность, о чем пишут авторы, к примеру, из Латинской Америки, всерьез обеспокоенные деградацией культуры своего региона [17, с. 1]. Строительство новых зданий сегодня в целом ряде случаев признается неоправданным, задача поддержания «в строю» исторических промышленных объектов и зданий, строившихся рядом с ними, выходит на первый план [3], [10], в том числе в качестве драйвера развития целых районов [11]. Важно не просто любоваться руинами и создавать условия их эмоционального переживания [12], но реабилитировать объекты и территории, вводя их в городскую ткань и в социальную жизнь, тем самым даже наращивая их ценность по мере нахождения новых видов использования [14, с. 4]. В противном случае города приобретают депрессивные районы, поддержание которых в текущем и, как правило, деградирующем состоянии нецелесообразно.

Определенный негативный имидж промышленности и индустриального труда существует во многих регионах, которые столкнулись с социально-экономическими трансформациями. Особенно это заметно у молодежи. Тем не менее, авторы публикаций, ссылаясь на примеры в США и Европе, говорят о том, что так называемые города «ржавого пояса» имеют все для того, чтобы стать центрами инноваций [19]. Они утверждают, что «ржавые» пояса могут быть преобразованы в новые «интеллектуальные пояса», которые представляют собой «гораздо больше, чем регион или набор физических объектов» [8, р. 265]. Взгляд на (старо) промышленные регионы как стареющие производственные центры с высокими затратами на работу с наследием, которая делает их неконкурентоспособными на мировом рынке, заменяется на целенаправленные инвестиции в технологии обновления, разработанные на основе холистского подхода. В них доминирует

тема целого, сменяющая прежние устремления к рефункционализации или реконструкции.

Деятельность по реабилитации индустриального историко-архитектурного наследия сопровождается разработкой таких понятий, как «культурный ландшафт» [7], «территория историко-культурного назначения» [4], «культурная регенерация» [11], при том с использованием категории «ценность», а также введением терминов типа «регенерация» [2], [6], [21]; «актуализация» (Е. Я. Кальницкая; Н. Н. Титова); «трансформация» (С. Копич; С. Шиччи), «адаптация» (А. А. Яковлев), «интеграция» [1]. Разрабатываются критерии оценки историко-архитектурного наследия за пределами паспортизованных объектов [5]. Полезную информацию дают справочные материалы по теме [13].

Риски сохранения и реабилитации культурного наследия обсуждены в статье А. Р. Рамальхино и М. Ф. Маседо, собравших и классифицировавших 27 моделей оценки рисков [18]. Они подсчитали, что 33 % методик являются качественными и еще 19 % – качественно-количественными, и динамика 1999–2016 гг. шла именно в сторону качественных методик. В свою очередь, новые подходы в теории приводят к ряду практических последствий, хотя пока «классический» и междисциплинарный типы профессионального мышления, скорее, сосуществуют параллельно друг другу – первый в административных институтах, второй – у урбанистов, девелоперов, энтузиастов городского развития.

В целом за последнее десятилетие можно констатировать переход от деятельности по консервации и сохранению к деятельности по использованию и актуализации историко-архитектурного наследия, а также к действиям по превентивной консервации историко-архитектурных объектов;

Две парадигмы работы с архитектурным наследием

Позиция тех, кто меняет сегодня отношение к индустриальному наследию, возможно, неоднозначна и дискуссионна. Но она есть, и ее влияние расширяется. На первое место выходит нематериальная ценность архитектуры [9], задачи создания новой идентичности, приводящие к пониманию архитектурного объекта как динамического процесса, связанного с прошлым, но не подчиненного ему [19]. XX век ставил во главу угла непрерывность самодостаточной архитектурной формы, удерживаемую аутентичными материалами и конструкциями, тогда как сегодня более важной признается связь объекта с людьми, социальной жизнью места. Что именно можно или нельзя менять в здании, определяют показатели экологии и устойчивости. Подлинность истории связана не столько с материалами или технологиями строительства, сколько с историей тех, кто строил здание или использовал его. «Ничто не создано для вечности», – отмечает в этой связи М. П. Осорио [17, с. 14]. Более мягкий подход показывают итальянские специалисты, разделяющие консервацию и культурный девелопмент, однако в документах этой страны фиксируется, что работа с индустриальным

наследием представляет собой работу со всеми компонентами его территории, включая социальные и культурные [14, с. 5].

Эту новую установку подтверждает и изучение позиций специалистов по поводу противоположного процесса – деградации историко-архитектурного наследия, в которой решающая роль отводится не столько физическому ветшанию, сколько утрате его функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, чаще всего вызванную недопониманием его ценности и социально-экономического и культурного потенциала [2].

Проанализировав более 30 кейсов по работе с индустриальным архитектурным наследием, мы создали первичную классификацию методов и подходов. Такая работа происходит впервые и ценна тем, что ее результат может стать своеобразным полигоном обкатки профессиональных идей в отношении работы с индустриальным наследием. Детали ряда методик освещены в других публикациях автора и могут быть представлены в докладе на конференции. Мы отталкивались от особенностей проектного мышления и «стандартных» техник проектирования. Географическое положение объекта или территории при этом не играет роли.

Архитектурные методики реабилитации историко-архитектурного наследия показывают широкий спектр намерений специалистов и заказчиков, от следования стилю до полного изменения формы. Архитектурные методики предполагают работу с формой и функциональным наполнением единичных историко-архитектурных объектов. Сегодня это, как правило, промышленные здания либо общественные здания индустриального периода, от XVIII века до модернистской архитектуры. Акцент на форму определяет как их сильные, так и слабые стороны. Так, цеховые здания в Больцано, Италия, наполнены новыми функциями при сохранении стилистических особенностей решения в стиле ар-деко [16]. Вокзал Estación Central de Santiago, Сантьяго, Чили, стал основой реабилитации других архитектурных объектов целого городского района. При этом в ряде случаев архитекторы приходят к полному изменению формы, как, например, в здании тепловой электростанции Powerbarn в Русси, Италия, что нельзя оценить положительно.

Градостроительные и девелоперские методики реабилитации историко-архитектурных объектов и территорий объединены в одну группу в силу их генетического родства и общности количественных методов исследования и проектирования. Сегодня они развиваются под влиянием указанных выше обстоятельств, сохраняя, тем не менее, исходное ядро. В них:

- как правило, приоритетом обладают пространственные и экономические характеристики;
- проекты опираются на градостроительную документацию;
- учитываются стратегии развития городов и территорий;
- учитывается текущее состояние транспортных и иных коммуникаций;
- специалисты склонны алгоритмизировать и стандартизировать проектные решения.

Индустриальное наследие рассматривается в контексте городской ткани, но достаточно часто целью является хозяйственно-экономическое перепрофилирование историко-архитектурных объектов и мест. Это приводит к овнешнению архитектурной формы, ее отрыву от исходного содержания. Наиболее аккуратным и внимательным можно считать подход японских специалистов в отношении индустриальных объектов XIX–XX вв. [22]. Интересен и метод сохранения образа места, применяемый итальянскими специалистами на портовых территориях, включая Геную. Основными стратегиями выступают концепции «превентивной реставрации» и «плановой реставрации». При использовании обеих данные систематизируются: 1) общая информация о здании или территории (от местоположения и типологии, даты и т.п.); 2) техническая информация, показывающая, что именно нужно сохранить. Происходит оценка уязвимости материальных элементов, антропо-функциональной и культурно-ландшафтной уязвимости. Комплексный характер работы не исключает учета уникальности объектов [16].

Урбанистические методики реабилитации историко-архитектурных объектов и территорий предполагают:

- понимание уникальности каждого города и места;
- трактовка города как места жизни людей;
- признание роли социологических исследований и формирования комьюнити;
- уход от узкого целеполагания, типа только туризм или только имиджевые объекты.

Как правило, эти проекты – более масштабны и комплексны, имеют долгосрочный характер и финансируются из различных источников. Привлечение к исследованиям специалистов по археологии, экономической и культурной географии, социологии, экономике позволяет идентифицировать аспекты архитектурного наследия, которые не выявляются традиционной практикой защиты типа кадастров – или другими документами о статусе наследия.

Важно сочетать задачи идентификации наследия, оценки состояния объекта, управления городом. При этом необходимо учитывать, что опыт крупных городов может не подходить малым и средним городам, документы и методология нуждаются в корректировке сообразно местной специфике.

Разработки К. Ганзера [3] и Р. Хаага [22] были пионерскими. Из более современных доказали свою перспективность методы усиления региональной идентичности и качества жизни посредством системной масштабной работы с бывшими индустриальными территориями, используемые специалистами из Мексики [19].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 20-49-660009 «Индустриальное наследие Большого Екатеринбурга: методология изучения, принципы презентации, актуализация ценности».

Список источников и литературы:

1. Буш П. Д. Интеграция руинированных исторических объектов в современный архитектурный контекст: науч. доклад / П. Д. Буш. Москва, 2017. 23 с.
2. Быстрова Т. Ю. Реабилитация историко-архитектурного наследия: международный опыт // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2019. № 4. С. 32–37.
3. Быстрова Т. Ю. Реабилитация промышленных территорий городов: теоретические предпосылки, проектные направления (Ч. 1, 2) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2013. № 3. С. 21–25; № 4. С. 21–26.
4. Долгов А. В., Бердюгина Ю. М. Территория историко-культурного назначения как особый вид зоны с особыми условиями использования территорий // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2014. № 4. С. 61–65.
5. Зеленова С. В. Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России: дисс. ... канд. арх.: 18.00.01 / Зеленова Светлана Валерьевна; [Место защиты: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т]. Нижний Новгород, 2009. 257 с.
6. Крогиус В. Р. К вопросу о трактовке термина «регенерация» [Электронный ресурс] // Infoisto: авторский сайт об архитектуре, градостроению и путешествиях. URL: <http://infoisto.ru/razmyshlizmy/termin-regeneratsiya/> (дата обращения: 11.01.2018).
7. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета. Серия : Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 151–157.
8. Agtmael A. van, Bakker F. The Smartest Places on Earth. Why Rustbelts are the emerging Hotspots of Global Innovation / A. Agtmael. New York: Public Affairs, 2016. p. 265.
9. Buchli V. The Social Condenser: again, again and again – the case for the Narkomfin Communal House, Moscow // The Journal of Architecture. 2017. № 22(3). pp. 1–16.
10. Cizler J. Urban regeneration effects on industrial heritage and local community – Case study: Leeds, UK // Sociologija i prostor. 2012. Vol. 193 (2). pp. 223–236.
11. Culture-led regeneration. Achieving inclusive and sustainable growth: Summary. London: Local Government Association, 2016. 24 p. p. 2.
12. Edensor T. Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality [Электронный ресурс]. Oxford: Berg Publishers, 2005. 197 p. URL: <https://epdf.pub/industrial-ruins-space-aesthetics-and-materiality.html> (дата обращения: 2.01.2020).
13. Guide for the Structural Rehabilitation of Heritage Buildings. Rotterdam: CIB General Secretariat, 2010. 53 p.
14. Lusiani M., Panozzo F. Culture on Top: Beyond Museification and Culture-Led Regeneration of Industrial Heritage // Università Ca' Foscari Venezia Department of Management. Working Paper 2016. № 2. 17 p.
15. Martino A., Fatiguso F., Tommasi G. Architectural heritage of historic Mediterranean ports: a methodology for vulnerability assessment // Conference: REHABEND 2016. Euro-American Congress on Construction Pathology, Rehabilitation Technology and Heritage Management. Burgos (Esp). Vol. 1. pp. 1–8.
16. NOI Techpark by Claudio Lucchin & Architetti Associati and Chapman Taylor [Электронный ресурс]. URL: www.architecturalrecord.com/articles/14449-noi-techpark-by-claudio-lucchin-architetti-associati-and-chapman-taylor (дата обращения: 05.02.2020).
17. Osorio M. P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // ICOMOS University Forum. 2018. № 1. pp. 1–17.
18. Ramalhinho A. R., Macedo M. F. Cultural Heritage Risk Analysis Models: an Overview // International Journal of Conservation Science. 2019. Vol. 10, Iss. 1. pp. 39–58.

19. Schrenk M., Amine Casanova Rosado A., et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research: a Tool for Conservation [Электронный ресурс] // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband. 8–20 May 2011, Essen. pp. 285–292.; P. 287. URL: <http://www.corp.at> (дата обращения: 21.01.2020).

20. Strangleman T. Networks, Place and Identities in Post-Industrial Mining Communities // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. 25 (2). p. 253–67.

21. Tsenkova S. Urban Regeneration: Learning from the British Experience / S. Tsenkova. Calgary: University of Calgary, 2002. 84 p.

22. Tze M. Loo Japan's Dark Industrial Heritage: An Introduction // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2017. Vol. 15. Is. 1. № 1. P. 1–4.

23. Way T. The Landscape Architecture of Richard Haag: From Modern Space to Urban Ecological Design / T. Way. Seattle: University of Washington Press, 2015. 50 p.

УДК 624
ББК 71.122.6+30г

Н.А. Высоцкая,

научный сотрудник МКУК Нижнетагильский
музей-заповедник «Горнозаводской Урал»,
г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.
visotskaja1976@yandex.ru

ВОДОПОДЪЕМНЫЕ ШТАНГОВЫЕ И ПАРОВЫЕ МАШИНЫ ТАГИЛЬСКИХ МАСТЕРОВ I ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ОБЪЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассмотрен вопрос о решении проблемы водоотлива шахт Меднорудянского рудника в I пол. XIX в. Автор раскрывает особенности реализации двух проектов по созданию водоотливных машин разного принципа действия. Особое внимание обращено на строительство водоподъемных штанговых машин С.Е. Козопасова. Показано значение разных подходов к решению сложной технической проблемы тагильских мастеров I пол. XIX в. в контексте изучения промышленного наследия.

Ключевые слова: штанговая машина, Меднорудянский рудник, паровая машина, Нижнетагильский завод, промышленное наследие.

N.A. Vysotskaya,

research associate of The Nizhny Tagil
museum-reserve «Mining and Work Ural»,
622000, Nizhny Tagil, Lenin St., 1.
visotskaja1976@yandex.ru

A WATER-RAISING MACHINE WITH A HYDRAULIC DRIVE AND A STEAM-POWERED WATER PUMP MADE BY TAGIL'S MASTERS IN THE 1st HALF OF THE 19th CENTURY AS SUBJECTS OF INDUSTRIAL HERITAGE STUDIES

The article deals with the issue of solving the problem of water pumping in the shafts of the Mednорudyansky Mine (Mednорudyanskoye Cu Deposit) in the 1st half of the 19th century. The author speaks about the peculiarities of realizing two projects to create water-pumping machines of different operation principles. Particular attention is paid to the construction of water-raising machines with a hydraulic drive by S.Ye. Kozopasov. The paper emphasizes the significance of different approaches to a complex technical problem by Tagil's masters in the 1st half of the 19th century in the context of studying industrial heritage.

Keywords: water-raising machine with a hydraulic drive, the Mednорudyansky Mine (Mednорudyanskoye Cu Deposit), steam-powered water pump, Nizhny Tagil works, industrial heritage.

В течение всей своей двухсотлетней истории (XVIII–XIX вв.) заводы Нижнетагильского горнозаводского округа являлись крупнейшим российским центром научно-технического творчества в области металлургии, горного дела и машиностроения. Активное участие в мировом технологическом обмене, деловые и личные связи с ведущими промышленными центрами мира стали причиной того, что на заводах и рудниках округа отразились все основные тенденции технологического развития. Изучая весь объем мировых технических новшеств, совершенствуя и развивая приобретенный производственный опыт, тагильские мастера стали создателями новых, более совершенных вариантов техники и технологий.

Вопросы исследования промышленного наследия: роль и вклад местных специалистов в становление и развитие металлургии, машиностроения на Урале активно изучаются в настоящее время. Эта тема актуальна, с одной стороны, для специалистов, ученых, научных сотрудников, занимающихся научно-исследовательской работой, с другой стороны, представляет интерес для учащихся и студентов, которые участвуют в проектной деятельности образовательных учреждений и представляют результаты своих исследований не только на городских, региональных, но и всероссийских и международных уровнях.

Развитие мощной технической новаторской мысли такими крепкими специалистами I пол. XIX в., как Е.А. Черепанов, М.Е. Черепанов, А.А. Черепанов, П.П. Мокеев, Ф.И. Швецов, С.Е. Козопасов, Ф.А. Шептаев, И.Ф. Макаров и др., способствовало созданию и внедрению передовой, иногда инновационной горнозаводской техники разного назначения. История развития технической новаторской мысли на Нижнетагильских заводах в I половине XIX в. часто рассматривается в личностном аспекте. Иногда несколько мастеров работали над решением одной технической проблемы, искали различные способы ее решения.

В 20-е гг. XIX в. одним из актуальных вопросов демидовского хозяйства стала проблема водоотлива шахт Меднорудянского рудника, самого крупного месторождения меди в России в XIX в. Рудник находился в русле реки Рудянки, грунтовые воды которой постоянно заливали шахты. После пожара на Меднорудянском руднике в октябре 1825 г., когда сгорела одна из конных водоотливных машин, положение стало критичным, т.к. грозило резким снижением объемов добычи медной руды. Для решения данной проблемы Н.Н. Демидову было предложено два проекта тагильских механиков.

Главный механик Нижнетагильских заводов Е.А. Черепанов (1774 – 1842) предложил построить паровую машину. С.Е. Козопасов (1781(?82) – 1838), механик Нижнетагильских заводов, ученик тагильского мастера Е.Г. Кузнецова, – штанговую машину по «шведскому образцу».

Еще в июне 1825 г. Е.А. и М.Е. Черепановы, А.А. Любимов, С. Желваков и С.Е. Козопасов были командированы в Швецию. Основной целью поездки демидовских мастеров и служащих был осмотр центрального горнозаводского района Швеции – Бергслагена, который «своим горным ландшафтом, обилием рек и искусственных водохранилищ, множеством небольших металлургических заводов и рудничных вышек напоминал Урал» [3, с. 71].

На Даннеморских железных рудниках Степан Козопасов и другие мастера увидели в действии установку для откачки воды из рудника с глубины около 170 м, причем двигателем этой установки было водяное колесо диаметром около 12 м, а передаточным механизмом «полевые штанги», протяженность которых составляла более 2 км: «...видели на Денаморском (Даннеморском) железном руднике, как отливают воду из 80 сажень (глубины) вододействующим колесом, которое в диаметре 51/2 сажень, и оно устроено от рудника не менее 2 верст и проведены полевые штанги...» [3, с. 258].

Хотя «штанговые машины» нередко назывались устроенными «по шведскому манеру», но ничего специфически «шведского» в них не было. Подобные деревянные системы качающихся рычагов были хорошо известны в русском горно-металлургическом производстве XVIII в. и описаны в трудах М.В. Ломоносова. На том же Даннеморском руднике имелась и паровая машина, которой «вытаскивают из оной шахты руду», причем эта паровая машина «устроена как для подъема руды, так и на случай останковки вододействующей» [3, с. 259].

С.Е. Козопасов считал приоритетным для решения проблемы водоотлива шахт Меднорудянского рудника создание штанговой машины. «Вместо имеющейся ныне при Меднорудянском руднике водоподъемной машины, действующей 18 лошадьми, могу устроить такую, коя при действии только 9 лошадей будет доставать воды не только такое же количество, какое достается ныне осмнадцатую, но еще и более... Для легчайшего ж откачивания воды необходимо бы нужно устроить при заводе его пр-ва одно вододействующее колесо близ заводского ларя, и, как устроено в Швеции...привести от оногo до самого рудника полевую

штангу, посредством коей можно не только воду из всего рудника выкачивать, но даже вытаскивать из шахт руду, глину и другие тяжести...» [3, с. 261].

Е. А. Черепанов был убежден, что полностью решить вопрос по откачке вод может только использование паровой машины, о чем он неоднократно сообщал Н.Н. Демидову в своих донесениях: «...не благоугодно ли будет в пр-ву и даже необходимо нужно разрешить при оном руднике построить паровую, без которой обойтись никак будет невозможно, которая уже действовать может в глубину шахты на 50-ти саженьях...», «...зная твердо Меднорудянского рудника прилив воды, нахожу, что никак без паровой машины обойтись будет невозможно. Успешность же ее в подъеме воды в минуту может непременно подняться оной до 85-ти ведер» [3, с. 262].

Согласно смете на устройство штанговой машины С.Е. Козопасова необходимо было 9487 рублей, а для создания паровой машины Е.А. Черепанова – 8500 рублей, т.е. ее строительство было значительно дешевле. Несмотря на данный факт, управляющим Санкт-Петербургской конторы А.А. Любимовым было принято решение о строительстве, в первую очередь, штанговой машины С.Е. Козопасова. По «счислению, учиненное Степаном Козопасовым и плотинным Никитой Горбуновым о расходе денег, употребиться могущих к устройству водоподъемной машины, действующей прудовой водой» [10]. После согласования с Н.Н. Демидовым, в апреле 1826 г. началось сооружение штанговой машины С.Е. Козопасова, а в июле того же года Е.А. Черепанов получает разрешение «к постройке паровой водоподъемной при Медном руднике машины по повелению в. пр-ва ...управляющего Александра Акинфиевича ...», – сообщалось в рапорте Нижне-Тагильской конторы Н.Н. Демидову от 16.07.1826 г. [3, с. 267].

На сооружение штанговой машины С.Е. Козопасова, как и паровой машины Е.А. Черепанова, на Меднорудянском руднике было затрачено более года, о чем постоянно сообщали в своих рапортах приказчики Нижне-Тагильской конторы Н.Н. Демидову.

«Штанговая ж по шведской методе машина строится довольно успешно. В доказательство сего контора имеет представить, что от самого Меднорудянского рудника столбы все для проведения полевых штанг поставлены и на оные до половины означенного расстояния положены обвязки, равно и под вододействующее колесо реж срублен и самое колесо приготавливается...» [3, с. 267].

«Водоотливательные машины, – штанговая, согласно существующих в Швеции и одна паровая строятся со всевозможной поспешностию. У первой столбы и обвязки для подвесных штанг проведены от реки Тагила до самого рудника и для постройки под вододействующее колесо режа режа набиваются сваи. А к паровой машине чугунные цилиндры отлиты...и для оной паровой машины каменный корпус кладкою уже начат...» [3, с. 270].

С.Е. Козопасов в своем письме Н.Н. Демидову (от 26.08.1827 г.) сообщал, что 5 августа 1827 г. «водоподъемная штанговая машина пущена в действие [8]. Для

создания штанговой машины на Нижнетагильском заводе, ниже плотины было установлено водяное колесо (диаметр – 15 аршин (~ 10,7 м)). Штанговая машина представляла собой водяной двигатель с качающейся шатунной передачей. Сам же передаточный механизм штанговой машины состоял из крестовин, горизонтальных шестов-«штанг» и вертикальных рычагов, которые качались и приводили в действие насосы или другие механизмы. Такая система передачи механической энергии на огромное расстояние была даже уникальной в своем роде. Длина машины С.Е. Козопасова была больше километра, а передаваемая мощность, по подсчетам тагильского инженера Е.А. Канделя, достигала 112 лошадиных сил [7, с. 140].

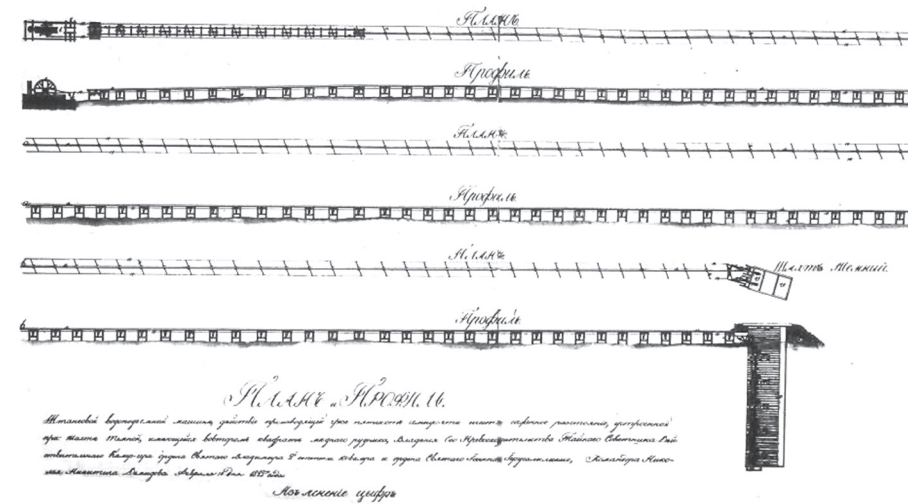
Инженер В. Колтовский в своей статье «Рудники и прииски в округе Нижнетагильских заводов» (1846 г.) дал следующее описание «техническому шедевру» С.Е. Козопасова: «машина состоит из наливного водяного колеса, соединенного посредством штанг и стоячих валов с насосными ставами. Движением кривошипов, из коих при образовании колеса один поднимается, а другой опускается; кривошесты то подаются вперед, то отходят назад, приводя в подобное же движение и штанги, при стоячих валах находящиеся, которые поддерживаются в горизонтальном и параллельном между собою положении крестовинами; а от этого и устроенные над шахтами чугунные балансиры, подымаясь и опускаясь, ... производят то же самое и с горными и полевыми штангами, сопутствуемыми движением насосных поршней» [6, с. 183 – 184].

Первая машина дважды – в 1832 г. и в 1877 г. – модернизировалась и благополучно проработала до конца XIX в. [7, с. 140]. Краткое описание этой машины дано в обзорной ведомости «Об устройствах Нижне-Тагильских заводов» (1859 г.): «Для откачивания вод. Гидравлические машины. Первый Павловский водоподъем. Штанговая машина с приводом на протяжении 570 ½ сажен, действующая от гидравлического колеса, устроенного в Нижне-Тагильске» [3, с. 308].

В 1828 г. была построена вторая штанговая машина на Меднорудянском руднике, о чем сообщает С.Е. Козопасов Н.Н. Демидову в своем письме (от 23 мая 1829 г.): «...Присем осмеливаюсь Вашему Высокоблагородию доложить, что и вторая машина штанговая мною 23-го числа прошлого апреля была перепущена, и оказала действие не только не хуже первой, но еще лучше ...» [9].

Первая штанговая машина С.Е. Козопасова была установлена на Анатольевской шахте (также откачивала воду из шахты Темной (позже – Павловская), а вторая машина – на шахте Владимирская Меднорудянского рудника: «... машины эти выкачивают воду: одна из шахты Владимирской, на расстоянии 604 сажен, двумя насосными трубами из глубины 40 сажен; другая из шахты Павловской, на расстоянии также 604 сажен, двумя насосными трубами из глубины 50 сажен» [6, с. 193 – 194], [ил.1].

Выгода «водоотливных машин против употребившихся здесь прежде машин конных» была очевидна. «От введения первых сберегаются ежегодно заводского

Ил.1. План и профиль штанговой водоподъемной машины для шахты Темной.1828 г. РГИА. Ф.37.Оп.63.Ч.II. Д.88. Л.16.

капитала в деньгах и припасах ... 63000 рублей... водоотливные штанговые машины требуют в течение года, постоянных расходов только: на содержание трех сторожей при наливных колесах и 6 работников при водоподъемных шахтах, на деготь, рыбий жир и различные починки...» [6, с. 184]. «На содержание двух водоотливных штанговых машин в год – 646 рублей», а «на содержание трех конных водоподъемных машин (включая корм, покупку лошадей, изготовление и ремонт упряжи, подковка лошадей, оплата работы конюхов, погонщиков, смотрителей при машинах, кузнецам и т.д.) – 63422 рубля» [6, с. 186 – 187].

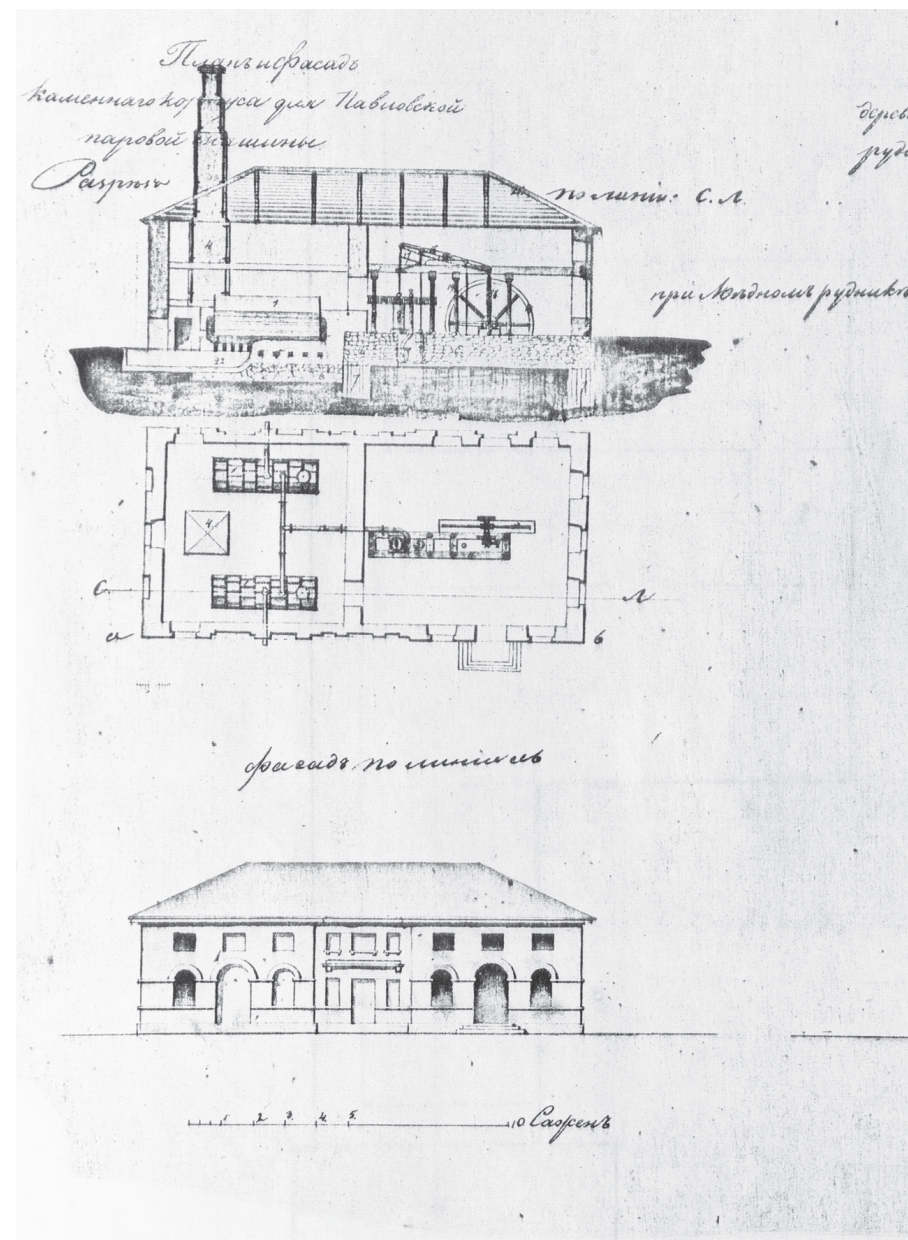
Для решения проблемы водоотлива Меднорудянского рудника был реализован и проект Е.А. Черепанова по строительству паровых машин. Ефимом и Мироном Черепановыми при шахтах «были устроены» 4 паровые машины, которые откачивали воду, в основном, в зимнее время, когда штанговые машины останавливались, т.к. воды в Нижнетагильском пруду едва хватало на работу всех доменных и кричных фабрик Нижнетагильского завода.

В 1828 г. вступила в строй паровая машина мощностью в 30 (или 36) л.с., использовалась для откачки воды из Анатольевской шахты, в 1830 г. была построена паровая машина в 36 (или 40) л.с. для Владимирской шахты, в 1838 г. – паровая машина в 40 л.с. для Павловской шахты [ил. 2], в 1847 г. – паровая машина в 60 л.с. для Ново-Анатольевской шахты. Паровая машина Черепановых для Анатольевской шахты произвела большое впечатление на известного немецкого ученого А. Гумбольдта, посетившего Медный рудник 15 июня 1829 г. во время своей экспедиции по Уралу.

Таблица. Виды водоотливных машин при Меднорудянском руднике, 1827-30-е гг. Сост. по материалам В.С. Виргинского и В. Колтовского.

Характеристики водоподъемных машин	Штанговые машины С.Е. Козопасова		Паровые машины Е.А. и М.Е. Черепановых	
	1-ая машина	2-ая машина	1-ая машина	2-ая машина
Место действия (шахты)	1.Анатолевская глубина 50 сажень Установлено 2 насоса. 2.Темная (позднее – Павловская). Установлен 1 насос (позднее– 2 насоса).	Владимирская глубина 40 сажень Установлено 2 насоса.	Анатолевская глубина 50 сажень Установлено 2 насоса.	Владимирская глубина 40 сажень Установлено 2 насоса.
Дата установки	1827 г.	1828 г.	1828 г.	1830 г.
Скорость выкачивания воды	4100 куб. вершков/мин.	2600 куб.вершков/мин.	60 ведер/мин. 36м ³ /мин	90 ведер/мин. 48м ³ /мин
			6200-8200 куб.вершков/мин.	
Мощность машины	40 л.с.	40 л.с.	30/36 л.с.	36/40 л.с.
	заменили собою 388 лошадей		заменила 200 лошадей	заменила 224 лошади

Таким образом, на Меднорудянском руднике эффективно использовались два принципиально разных типа водоподъемных машин – штанговых и паровых, представляющих собой единый энергетический комплекс, [табл.]. Содержание данных машин было экономически обусловлено: «При медном руднике вместо... погонов для откачки из шахт воды устроено своим механиком Козопасовым 2 штанговые машины...из которых одна выкачивает в минуту воды 4100 куб. вершков, а другая 2600 из углубления в 40 сажень и заменили собою 388 лошадей... Тож при медном руднике и для откачки воды устроено своим механиком Е.Черепановым две паровые машины, одна в 30, а другая в 40 сил и откачивают воды от 6200 до 8200 куб. вершков в минуту из углубления в 40 сажень и заменили собой 292 лошади. На все годичное безостановочное действие сих машин потребно дров до 635 куб.сажен... Всего же денежного расхода на обе машины последует в год около 8500 рублей. Машины сии гораздо выгоднее и с большим успехом откачивают воду, нежели прежде существующие конные погоны» (Из рапорта в Пермский

Ил. 2. План и фасад каменного корпуса для Павловской паровой машины Черепановых.Чертеж из альбома Планы 1851 года Нижнетагильского и Выйского заводов.1851г. ГАСО.

мануфактурный комитет из Нижнетагильской заводской конторы, февраль 1833 г.), [11, с. 334 – 335].

Благодаря применению как оригинальных штанговых машин С.Е. Козопасова, так и паровых машин Е.А. и М.Е. Черепановых была решена одна из сложных технических задач Меднорудянского рудника, а именно, проблема водоотлива. Как отмечал академик В.В. Данилевский, «пар и вода здесь действовали, дополняя друг друга» [5, с. 171]. Так была создана передовая для того времени система водоотлива.

Данная тема представляет интерес для научно-исследовательской и проектной деятельности для различных возрастных групп, которые занимаются изучением специфики уральской горнозаводской техники и технологий I пол. XIX в. Изучение, сохранение и популяризация историко-культурного наследия Нижнего Тагила направлено на формирование культуры индустриального наследия, на «вовлечение» в такое понятие, как «горнозаводская цивилизация».

Список источников и литературы:

1. Баташов Н.С., Гагарин Е.И. Е.Г. Кузнецов. Москва, 1953. С. 26.
2. Белов В.Д. Исторический очерк Уральских горных заводов. Санкт-Петербург, 1896. С. 62.
3. Виргинский В.С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. Москва, 1956. С. 71; 258 - 259; 261 - 262; 267 - 268; 270; 303; 308.
4. Ганьжа С.В. Имена в истории Нижнетагильского горнозаводского округа, конец XVII – XIX вв. [Рукопись]. Нижний Тагил, 1995. С. 74 – 75. Место хранения: филиал Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» Краеведческая библиотека.
5. Данилевский В.В. Русская техника. Ленинград: Ленингр. газетно-журн. кн. изд-во, 1948. С. 171.
6. Колтовский В. Рудники и прииски в округе Нижне-Тагильских заводов // Горный журнал. 1846. Ч. III. Кн.8. С. 183 - 191.
7. Комратов Ю.С., Семенов И.Г., Устьянцев С.В., Хлопотов С.И. Нижнетагильский металлургический завод XVIII – XIX века. Екатеринбург, 1996. С. 140.
8. Письмо С.Е. Козопасова Н.Н. Демидову о пуске штанговой машины. 26.08.1827 г. [Копия]. Место хранения: фонды Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Коллекция «Письменные источники». ЦГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. № 533. Л. 7 об.
9. Письмо С.Е. Козопасова П.Н. Демидову о построенной им второй штанговой машине. 23.05.1829 г. [Копия]. Место хранения: фонды Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Коллекция «Письменные источники». ЦГАДА. Ф. 1267. Оп.4. № 225. Л. 5, л. 5 об.
10. Рапорт Нижне-Тагильской конторы Н.Н. Демидову. (С приложением сметы на постройку С. Е. Козопасовым штанговой машины). 19.02.1826 г. [Копия]. Место хранения: фонды Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Коллекция «Письменные источники». ЦГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 524. Л. 15 – 16 об.
11. Рябов Б.Г. Уникальные «машины» горнозаводского Урала и Сибири. (XVIII – сер. XIX веков). Екатеринбург, 2016. С. 334 – 335.

УДК 008:94(47).084

Д.В. Гаврилов,

доктор исторических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ,

главный научный сотрудник,

Институт истории и археологии УрО РАН.

620990. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

ia-history@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПЛАНОВО-РЫНОЧНЫЕ ЭКОНОМИКИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ

В условиях рецессии современной мировой экономики, спада производства, падения темпов развития, ухудшения благосостояния масс, пандемии коронавируса, весьма актуальное значение приобретает проблема выхода из рецессии и поиска вариантов эффективных способов развития. Сейчас как ресурс для развития всё чаще стали называть планово-рыночные экономики. Государственное планирование впервые было применено в СССР, воплощено в плане ГОЭЛРО и пятилетних планах. В статье анализируются достижения и недостатки советской плановой системы, последствия отказа от планирования сторонниками либеральной экономики. Отмечается, что несмотря на то, что сторонники либеральной экономики негативно относятся к любому государственному планированию, в настоящее время оно в разных формах и различных масштабах широко используется во многих странах мира.

Ключевые слова: рецессия современной мировой экономики, государственное планирование, план ГОЭЛРО, пятилетние планы развития народного хозяйства, попытки реформирования советской экономики, развал СССР, либерально-демократическая экономика, планово-рыночная экономика, «прорывные национальные проекты РФ».

D. V. Gavrilov,

doctor of historical Sciences, Professor,

honored scientist of the Russian Federation,

chief scientific officer,

Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS

MODERN PLANNED MARKET ECONOMIES AS A RESOURCE FOR DEVELOPMENT

In the recession of the modern world economy, recession, falling growth rates, deterioration in the welfare of the masses, pandemic coronavirus, it is highly pertinent to the problem out of the recession and effective ways of development. Now, as a resource for development, planned-market economies are increasingly being called. State planning was first applied in the USSR, embodied in the GOELRO plan and five-year plans. The article analyzes the achievements and shortcomings of the Soviet planning system, as well as the consequences of the rejection of planning by supporters of the

liberal economy. It is noted that despite the fact that supporters of a liberal economy have a negative attitude to any planning, at present state planning in various forms and on various scales is widely used in many countries of the world.

Keywords: recession of the modern world economy, state planning, GOERLO plan, five-year plans for the development of the national economy, the collapse of the USSR, attempts to reform the Soviet economy, liberal-democratic economy, planned market economy, «breakthrough national projects of the Russian Federation».

Современная мировая экономика находится в состоянии глубокой рецессии, резко обозначившейся с 2008 г. и продолжающейся до наших дней. Она проявилась почти во всех странах мира в резком ухудшении основных экономических показателей, падении темпов развития, спаде динамики производства, сокращении внутренней и внешней торговли, расстройстве финансов, снижении потребительского спроса, ухудшении благосостояния населения, беспрецедентном росте безработицы.

В условиях рецессии современной мировой экономики, спада производства, падения темпов развития, ухудшения благосостояния масс, глобальной пандемии коронавируса, весьма актуальное значение приобрела проблема выхода из рецессии и поиска вариантов эффективных способов развития.

Сейчас как ресурс для развития всё чаще стали называть планово-рыночные экономики. Начало государственному научному планированию было положено в России после Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти. Советское правительство с первых шагов поставило задачу всемерно развивать производительные силы страны, осуществить переход к крупному машинному производству, опираясь на собственные силы и ресурсы [24, с. 228 – 231].

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов одобрил план восстановления и развития народного хозяйства страны, подготовленный Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО). Это был первый в мире государственный план, определивший научно обоснованные пути развития народного хозяйства страны, притом на базе самого передового в то время вида энергии – электричества [33]. Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, встречавшийся с В. И. Лениным в 1920 г., назвал план электрификации России «фантазией», а В. И. Ленина – «кремлёвским мечтателем» [41, с. 78 – 90]. План, рассчитанный на 10 – 15 лет, был успешно выполнен с большим превышением.

План ГОЭЛРО положил начало советской государственной системе планирования, предопределил стратегию, методологию и проблематику будущих пятилетних планов.

Первый пятилетний план (1928 – 1932) предусматривал ускоренное развитие производительных сил страны, в первую очередь, тяжёлой индустрии - металлургии, машиностроения, энергетики, химии, создание новой угольно-металлургической базы на востоке страны, крупных предприятий лёгкой и пищевой промышленности, коллективного земледелия, определялись конкретные цели и

задачи в экономике и социальной жизни, финансовые, материальные и кадровые ресурсы. Удельный вес промышленности в валовой продукции страны в 1932 г. составил 70,7 %. СССР из страны аграрно-индустриальной превратился в страну индустриальную [35].

Начало первой пятилетки совпало с глубоким экономическим кризисом, охватившим в 1929 – 1933 гг. США и страны Западной Европы. Кризис сопровождался громадным спадом производства, массовым закрытием предприятий, многомиллионной безработицей, резким обнищанием масс. Крупные советские закупки современного оборудования в те годы помогли западным странам поддерживать производство, снижали у них уровень безработицы, ослабляли социальное напряжение [5, с. 193 – 198; 8; 36].

Первый пятилетний план был выполнен досрочно. Строившиеся предприятия оснащались самой передовой по тому времени импортной или отечественной техникой. В США было куплено основное оборудование Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, Московского и Горьковского автомобильных заводов, Сталинградского, Харьковского и Челябинского тракторных заводов и т. д. В 1931 г. в Англии была закуплена половина всех произведенных ею металлорежущих станков. К началу Великой Отечественной войны, в 1940 г., СССР имел один из самых мощных и самых молодых в мире станочных парков [15, 27, 39].

«Великая депрессия» 1929 – 1933 гг. значительно подорвала авторитет США и, наоборот, подняла престиж СССР, который в те годы успешно развивался высокими темпами, полностью ликвидировал безработицу, что вызвало острые дискуссии в западной прессе. Планирование хозяйства было воспринято на Западе как вызов системе «свободного предпринимательства», как «советский вызов Америке» [21, 44].

Английский историк, дипломат, политолог, исследователь международных отношений, автор 14-томной «Истории Советской России» Э. Х. Карр писал, что в СССР были разработаны радикально новые подходы к планированию, которые привели к созданию «экономики нового образца», трансформировали её в «контролируемую центром систему», превратили Советский Союз «в самообеспеченное хозяйство, основанное на передовой технологии». «Плановая экономика была новой и неизвестной концепцией», отрицавшей «традиционные правила рыночной экономики» [12, с. 119, 201; 14, Р. 99].

Э. Х. Карр писал, что советская система государственного планирования привела к созданию «экономики нового образца», оказала огромное влияние на весь западный мир, на мировую хозяйственную практику. «Экономическое влияние Советского Союза на остальной мир, – считал Карр, – можно суммировать одним словом – «планирование» [13, Р. 20]. Шло «плановое поветрие». Летом 1931 г. в Амстердаме состоялся большой Международный конгресс по вопросам планирования, главным на нём был вопрос об опыте плановой работы в СССР [23, с. 172].

В предвоенные пятилетки, в 1929 – 1941 гг., вступило в строй около 9 тыс. крупных предприятий, построены гиганты чёрной и цветной металлургии, машиностроения, энергетики, химии, созданы заново станкостроение, автомобильная, тракторная и авиационная промышленность, начался массовый выпуск самолётов, автомобилей, тракторов, комбайнов, вооружения и военной техники. В конце 1930-х гг. по объёму промышленной продукции СССР вышел на второе место в мире после США, обогнав Великобританию, Германию, Францию [7, с. 37; 26, с. 159 – 275; 42, с. 78 – 152].

Созданный за годы предвоенных пятилеток военно-промышленный потенциал дал возможность СССР не только выдержать огромной силы удар немецко-фашистских агрессоров, имевших в своем распоряжении промышленный потенциал почти всей оккупированной ими Западной Европы (кроме островной Великобритании), но и сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии. В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., выплавляя в 3 раза меньше стали и добывая в 5 раз меньше угля, чем фашистская Германия (с учётом ресурсов присоединённых территорий и оккупированных стран), СССР произвёл почти в два раза больше вооружения и боевой техники, чем Германия [2, 3, 22, 31].

После окончания Великой Отечественной войны за пять лет СССР восстановил разрушенное войной хозяйство и быстрыми темпами стал развивать все отрасли народного хозяйства. В 1949 г. была создана первая советская атомная бомба, в 1957 г. в космос запущен первый в мире искусственный спутник, в 1961 г. осуществлён первый в мире выход человека в космос, достигнут паритет с Западом в ракетно-ядерных вооружениях, освоены миллионы га целинных земель, возводились города в тайге, строился БАМ, создан мощный нефтегазовый комплекс в Западной Сибири. За 1950 – 1980-е гг. мощь советской экономики удвоилась [1, 6, 9, 17, 43].

Советская плановая система имела немало недостатков, была излишне централизована, предприятия не имели достаточной самостоятельности, существовала жёсткая привязанность к плану, была слабой восприимчивость к научно-техническому прогрессу, медленно внедрялись достижения науки, отсутствовала или была недостаточной конкуренция и т. п. Но государственные пятилетние планы позволяли гармонично развивать все отрасли производства, сферы обслуживания, науку и культуру, использовать финансовые, материальные и трудовые ресурсы на выполнение государственных целевых программ.

После смерти И.В.Сталина, с середины 1950-х гг., происходил демонтаж сталинской экономики, шла трансформация социалистической модели экономики в модель государственного капитализма, велось подспудное превращение общенациональной собственности в государственную и групповую. Развал экономики СССР начался с Н. С. Хрущёва. «Эксперименты» Н. С. Хрущёва (передача сельхозтехники на баланс колхозов, ликвидация МТС, производственных артелей,

появление теневой экономики), реформа А. Н. Косыгина (переориентация на стоимостные показатели, прибыль предприятий как критерий эффективности, переориентация прибыли с обновления оборудования в стимулирующие фонды, создание министерствами и ведомствами собственных фондов), «перестройка» М. С. Горбачева (предоставление самостоятельности предприятиям, права реализовывать продукцию сверх плана на рынке по свободным ценам, отставание производства от нарастания необеспеченных денег, создание чудовищного дефицита, избрание директоров, создание частных предприятий и частных коммерческих банков) - подготовили почву для раздела советско-партийной номенклатурой государственной собственности между собой, для утверждения в стране частнособственнического капитализма [16, 20].

После смены в стране в 1991 – 1993 гг. общественно-политического строя и перехода к рыночным отношениям плановая экономика была признана неэффективной, подверглась осуждению и порицанию. Был осуществлён отказ от плановой экономики, сняты ограничения внешней торговли, разрешён вывоз капиталов, восхвалялись стихийный рынок и частная собственность на орудия и средства производства, приватизация, утверждалось, что «рынок всё поставит на своё место», «эффективные собственники» обеспечат бурный рост экономики и всеобщее процветание и благоденствие. Однако благостные упования на вселикие «свободного рынка» и «эффективных собственников» не оправдались.

Либеральные реформы Ельцина-Гайдара нанесли сокрушительный удар по российской экономике. В промышленности произошёл резкий спад, сопровождавшийся массовым закрытием предприятий, их банкротством. Пришло в упадок машиностроение, до минимальных размеров сократилось самолетостроение, автомобилестроение, тракторостроение, станкостроение и т. д. Износ промышленных мощностей составляет 78%. 30 лет назад на Российскую Федерацию приходилось более 15% мировой экономики, теперь доля российского ВВП – 1,7% [25].

Страна теряет индустриальный облик, всё более превращается в сырьевой придаток западных промышленных держав. Идёт массовый вывоз капитала за рубеж. За четверть века из России легально вывезено 1,7 триллиона долларов, нелегально через офшоры – 1,5 триллиона, итого – 3,2 триллиона (13 годовых бюджетов РФ). Западный капитал захватил стратегические отрасли нашей экономики. 65% крупной собственности, в том числе многие предприятия ВПК и тяжёлой промышленности, лёгкой и пищевой промышленности, производство алюминия, никель, медь, платина, палладий, значительная часть банков, сети розничной торговли и др. – под контролем иностранцев.

Сельское хозяйство в результате ликвидации колхозов и совхозов пришло в упадок, 1/3 пахотных земель (более 50 млн. га), не обрабатывается, зарастает кустарниками и бурьяном. Подвергнуты «оптимизации» здравоохранение, образование, учреждения культуры. Страна переживает демографическую катастрофу,

много лет подряд смертность превышает рождаемость. Численность населения РФ не растёт, тридцать лет, несмотря на присоединение Крыма (2,3 млн. чел) и приём мигрантов из бывших союзных республик (12,4 млн.) находится на уровне 1989 г. - 146,8 млн. чел. В стране не хватает квалифицированных рабочих, инженеров, других специалистов. Положение осложнили карантинные ограничения в связи с пандемией коронавируса, рост безработицы [32, 37, 38].

Страна нуждается в преодолении отставания по важнейшим направлениям развития, требуется остановить нарастающую бедность населения. В 2018 г. президент РФ В. В. Путин потребовал от всех ветвей власти в течение ближайших шести лет обеспечить рост экономики, войти в пятёрку крупных экономик мира, осуществить «технологический прорыв», выдвинул 12 «прорывных национальных программ». Финансовым источником их выполнения должны послужить пенсионная реформа, рост НДС, тарифов ЖКХ, штрафов, пошлин, налогов, увеличение цен [34].

Для осуществления «прорыва» требуется, чтобы темпы роста составляли не менее 4 – 5 %. Экономика РФ уже 10 лет растёт в среднем на 1 % в год. А. Кудрин, глава Счётной палаты, руководитель Центра стратегических разработок, один из топ-менеджеров экономической ветви исполнительной власти, публично неоднократно высказывал сомнение в исполнимости выдвинутых нацпроектов и «технологического прорыва».

Россия получила в наследство от СССР производство, основывавшееся на 3-м и 4-м технологических укладах. Сейчас в экономике РФ господствуют 3-й и 4-й уклады: на технологиях 3-го уклада базируется 30 % производств, 4-го уклада – 50 %, 5-го уклада – 10 %. В промышленно развитых странах производства базируются: в США и Японии – 60 % на 5-м укладе, до 5 % на 6-м. В КНР 30 % производства базируется на 5-м укладе.

Освоить 5-й уклад (микроэлектроника, вычислительная техника, робототехника, информационные технологии) РФ в полной мере не смогла, за исключением авиакосмоса и оборонного комплекса. РФ импортирует большое количество электронных товаров (компьютеров, телефонов, смартфонов, телевизоров и т. д.), изготовленных за рубежом производствами 5-го уклада.

Для осуществления «технологического прорыва» РФ предстоит создать производство, базирующееся на 5-м и 6-м укладах (6-й уклад: нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии). Основу экономики должны составить высокотехнологичные технологии, обеспеченные высокоинтеллектуальным кадровым потенциалом [11; 30, с. 10 - 13; 40].

Несмотря на негативное отношение либерализма ко всякому планированию, оно используется во многих странах. После Великой Отечественной войны, доказавшей успехи и устойчивость советской экономики, планирование в разных формах и различных масштабах стало использоваться во Франции, Нидерландах, Норвегии, Японии, в 1950 – 1960-х гг. – в Швеции, Финляндии, Великобри-

тании, Италии, Бельгии, ФРГ, Испании, в 1970-х гг. – в США и Канаде. Сейчас в странах социалистической ориентации (КНР, Вьетнам, Куба, КНДР) широко используются планово-рыночные модели управления экономикой. Использование этой модели помогло КНР добиться больших социально-экономических успехов.

За последние 30 лет Китай, взяв курс на строительство «социализма с китайской спецификой», энергичное развитие производительных сил, повышение жизненного уровня населения, не ломая существующую политическую систему, осуществил феноменальный взлёт - из отсталой, перенаселённой, преимущественно аграрной страны с чрезвычайно низким уровнем жизни большинства населения – превратился во вторую экономику мира. Темпы роста ВВП КНР в 2 - 3 раза превышают мировые. Доля КНР в общемировом объёме экономики по данным 2018 г. составляет 16%. Неизмеримо вырос торговый оборот, Китай наводнил своими товарами и изделиями весь мир, вплоть до США. По доходам на душу населения КНР вышли на уровень страны «среднего достатка» [10, с. 2 – 3; 18, с. 82 – 88; 19, с. 163 – 164; 28, с. 3; 29, с. 162].

Важность выбора лучшего, наиболее эффективного варианта развития показывает пример Белоруссии. Экономически слабая страна, не имеющая месторождений нефти, газа, каменного угля, руд металлов, большую часть территории которой занимают леса и болота, Белоруссия под руководством президента А. Г. Лукашенко, отказавшись от американской модели развития, сохранила своё производство и сельское хозяйство, ориентировалась на китайскую модель и, по сравнению с другими постсоветскими республиками, добилась лучших результатов в развитии своей экономики.

С 1990 по 2014 гг. ВВП Белоруссии вырос в 2 раза, в РФ – на 25%, на Украине – сократился на 35% [4]. Белоруссия, твёрдо стоявшая на социально-экономических позициях, в августе-сентябре 2020 г. успешно выдержала и отразила мощный удар стран Запада, пытавшихся устроить в ней, опираясь на силы внутренней «пятой колонны» (С.Тихановская и др.), очередную спланированную, тщательно подготовленную, усердно профинансированную «цветную революцию», избежала участи Югославии, Ирака, Ливии, Украины, сохранила суверенитет, независимость, дружественные отношения с Россией.

В РФ в настоящее время надежды на резкий подъём экономики, «технологический прорыв» связываются с либерально-монетаристской моделью экономики.

Список источников и литературы:

1. Боффа Дж. СССР: от разрухи к мировой державе. Советский прорыв / Дж. Боффа. Москва, 2015.
2. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. Москва, 1947.
3. Гатовский Л. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне / Л. Гатовский. Москва, 1946.

4. Глазьев С. Ю. назвал две причины, почему белорусам выгодно, чтобы Лукашенко оставался президентом : [профиль пользователя] / Политгамма // Яндекс Дзен : [электрон. платформа]. [2015]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/politgamma/sergei-glazev-nazval-dve-prichiny-pochemu-belorusam-vygodno-chtoby-lukashenko-ostavalsia-prezidentom-5f61dbda4f0bfa38c3f931cf> (дата обращения: 17.10.20).
5. Гринин Л. Е. Великая депрессия 1929 – 1933 гг. // Философия и общество. Москва, 2009. № 2. С. 184-201.
6. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. Москва, 2008.
7. Горбунов Э. П. Социалистическая индустриализация СССР и её буржуазные критики / Э. П. Горбунов. Москва, 1962.
8. Гэлбрайт Дж. К. Великий крах 1929 года = The Great Crash, 1929 (1954) / Дж. К. Гэлбрайт. Минск, 2009.
9. Данилов А. А. Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы / А. А. Данилов, А. В. Рыжикова. Москва, 2001.
10. Зюганов Г. А. «Братский Китай сумеет преодолеть все трудности» [Электронный ресурс] // Советская Россия: [интернет издание]. 2019. 24 сентября. № 106. URL: <https://sovross.ru/articles/1896/45831> (дата обращения: 20.10.2020).
11. Каблов Е. Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4.
12. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 – 1929. : пер. с англ / Э. Х. Карр. Москва, 1990.
13. Carr E. N. The Soviet Impact on the Western World / E. N. Carr. NY., 1947.
14. Carr E. N., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy, 1926 – 1929 / E. N. Carr. London; Melbourne; Toronto. 1969. Vol. I. Pt. II.
15. Касьяненко В. И. Как была завоёвана технико-экономическая самостоятельность СССР / В. Касьяненко. Москва, 1964.
16. Катасонов В. Ю. Демонтаж сталинской экономики [Электронный ресурс] // Советская Россия: [интернет издание]. 2019. 21 мая. № 52. URL: <https://sovross.ru/articles/1842/44057> (дата обращения: 17.10.2020).
17. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / В. Ю. Катасонов. Москва, 2014.
18. Кива А. В. Реформы в Китае и России: сравнительный анализ / А. В. Кива. Москва, 2015.
19. Кива А. В. Китай, Индия: кто из них первым станет сверхдержавой? // Новая и новейшая история. 2019. № 4.
20. Киран Р. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР / Р. Киран, Т. Кенни. Москва, 2010.
21. Counts G. S. The Soviet Challenge to America / G. S. Counts. NY., 1931.
22. Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Г. С. Кравченко. Москва, 1970; Оружие Победы. 2-е изд. Москва, 1987.
23. Лельчук В. С. Индустриализация СССР: История, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. Москва, 1984.
24. Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1974. Т. 36.
25. Липатников Л. И. От плана к рынку: очерки новейшей экономической истории России / Л. И. Липатников. Санкт-Петербург, 2010.
26. Локшин Э. Ю. Очерк истории промышленности СССР (1917 – 1940 гг.) / Э. Ю. Локшин. Москва, 1956.

27. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР / Д. Д. Мишустин. Москва, 1938.
28. Мир в восхищении от мощи Поднебесной [Электронный ресурс] // Советская Россия : [интернет-ресурс]. 2019. 3 октября. № 110. URL: <https://sovross.ru/articles/1900/45962> (дата обращения: 20.10.2020).
29. Молодцова Л. И. Промышленность Китая: пропорции и диспропорции / Л. И. Молодцова. Москва, 1980.
30. Орленко Л. Модель экономики // Отечественные записки. 2018. 29 нояб. № 21.
31. Оружие Победы. 2-е изд., перераб и доп. Москва, 1987.
32. Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР / А. В. Островский. Москва, 2011.
33. План электрификации РСФСР: доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. Москва, 1955.
34. Владимир Путин : научно-технологический прорыв мы поставили в число ключевых национальных целей и приоритетов : [видеорепортаж] // 1 Первый канал. Новости [телеканал]. 28.08.2018. (21 мин. 02 сек). URL: 1tv.ru/news/2018-08-28...postavili_v...natsionalnyh...i... (дата обращения: 20.10.2020).
35. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Москва, 1929. Т. 1– 3.
36. Ротбард М. Великая депрессия в Америке: пер. с англ. / М. Ротбард. Москва, 2012.
37. Рыжков Н. И. Главный свидетель: дело о развале СССР / Н. И. Рыжков. Москва, 2015.
38. Союз можно было сохранить: белая книга: документы и факты о политике М. С. Горбачева. Москва, 2007.
39. Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке. Москва: Ленинград, 1934.
40. Технологический уклад [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.10.2020).
41. Уэллс Г. Россия во мгле: Великий фантаст и кремлевский мечтатель : пер. с англ. / Г. Уэллс. Москва, 2015.
42. Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР / А. Ф. Хавин. Москва, 1962.
43. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 2-х т. / Г. И. Ханин. Новосибирск, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов. 1987.
44. Eddy Sh. The Challenge of Russia / Sh. Eddy. London, 1931.

УДК 930.85+94(47)

О.И. Гомонюк,
научный сотрудник
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал» филиал ЭИТ
«Старый Демидовский завод», 622000, г.Нижний Тагил, пр.Ленина,1.
o.gomonuk@gmail.com

ОПЫТ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА КАК ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КОМПЛЕКСА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

В статье проанализированы перспективы и трудности сохранения старопромышленного ландшафта на примере комплекса Нижнетагильского металлургического завода (Старого Демидовского завода) проявившиеся в процессе работы сотрудников Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Особенности структуры индустриального ландшафта, требующие внимания при его изучении, подготовке к реставрационным работам и работам по приспособлению для современного использования старозаводской площадки.

Ключевые слова: индустриальное наследие, гидросистема, индустриальный ландшафт, горнозаводская цивилизация, старопромышленная территория, ландшафтно-образующая система.

O. I. Gomonyuk,
research associate, The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», branch of the EIT
«Old Demidovsky plant», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St,1
o.gomonuk@gmail.com

EXPERIENCE IN STUDYING THE INDUSTRIAL LANDSCAPE AS A CULTURAL HERITAGE OBJECT, USING THE EXAMPLE OF PRESERVING THE NTMZ COMPLEX

The article analyzes the prospects and difficulties of preserving the old industrial landscape on the example of the complex of the Nizhny Tagil metallurgical plant (Old Demidovsky plant), which appeared in the course of the work of employees of the Nizhny Tagil Museum-reserve « Mining and Work Ural ». Features of the industrial landscape structure that require attention when studying it, preparing for restoration work and adapting the old factory site

Keywords: industrial heritage, hydraulic system, industrial landscape, mining civilization, old industrial territory, landscape-forming system.

Современные исследователи, опираясь на учение о ноосфере В.И.Вернадского, подчеркивают, что энергия человеческой цивилизации «формирует культурные

ландшафты, которые могут рассматриваться как ареалы устойчивого развития, достигнутого на основании реализации опыта многих поколений по преобразованию природных ландшафтов... Поэтому изучение культурных ландшафтов выполняет определенный социальный заказ – выявление «формул» устойчивого развития различных территорий, выработанных человеческой культурой...» [8].

«Культурный ландшафт как носитель исторической памяти не может быть сохранен без бережного отношения к расположенным на территории ландшафта подлинным объектам наследия и окружающей их среде. При этом имеется в виду сохранение не только самого объекта, но и патины времени, как свидетельства длительной истории его существования» [3]. В нашей статье обе приведенные цитаты вполне могли бы выполнять роль эпиграфа. Поскольку в ходе изучения старопромышленной площадки Комплекса Нижнетагильского металлургического завода (Старый Демидовский завод) для ее сохранения и дальнейшего приспособления к условиям работы музея-заповедника сотрудниками музея-заповедника была осознана важность проявления исторической функции этого места через техногенные факторы индустриального ландшафта.

Уральская горнозаводская цивилизация, зародившаяся более трехсот лет назад как цивилизация водоедействующих заводов, создала свой уникальный культурный ландшафт. Практически повсеместно среднеуральский ландшафт – это ландшафт индустриальный, созданный горнодобывающими и железоплавильными технологиями XVII – XVIII вв. Они же сформировали характерную планировку для всех металлургических городов-заводов Урала. Центром города был собственно сам завод с заводским прудом и плотиной, ниже которой и размещались корпуса цехов. Здания правлений и служб, церкви, госпитали, наиболее зажиточные жилые дома и жилье технической интеллигенции формировали архитектурный облик города, растущего вместе с заводом. Заводовладельцы и управляющие, организуя школы и училища, воспитывали заводских служащих и мастеров, создавая таким образом административно-техническую интеллигенцию. Вся горно-металлургическая специализация края, начало которой дали старые уральские заводы, продолжила в 20-м веке развитие тяжелой промышленности на Урале и формирование техногенного ландшафта.

Следовательно, говоря об индустриальном наследии Урала, мы должны иметь в виду не только технику и технологии тяжелой промышленности, но ту основополагающую роль, которую они внесли в культурные, архитектурные, образовательные, научные и другие аспекты нашей современной жизни.

Музеефикация Нижнетагильского металлургического завода 1725 – 1987 гг. в составе полного металлургического цикла, произошедшая в 1987 г., была уникальна именно тем, что охватила всю заводскую территорию. Первоначально даже предполагалось включение в проект и поймы реки Тагил с плотиной (как памятника инженерно-строительной архитектуры) [12, с. 3].

Сотрудники филиала Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозавод-

ской Урал» ЭИТ «Старый Демидовский завод», на протяжении почти 30 лет занимаются популяризацией индустриального наследия края, используя тот огромный ресурс, который предоставляет старопромышленная площадка металлургического завода. Постепенно реализуется и основная техническая задача, поставленная при создании музея-завода: выделить и показать первоначальную планировку заводской площадки во всей ее «многослойности», отражающей основные этапы почти трехвековой истории завода» [1]. К сожалению, сложности в изучении, подготовке к реставрационным работам, работам по приспособлению площадки для современного использования, а главное - их документальном оформлении, возникшие у сотрудников музея-заповедника, вызваны отсутствием в российском законодательстве как понятия «индустриальный ландшафт», так и внимания к особенностям его формирования. Несмотря на изначально заложенный при создании музея-завода системный подход к работе с территорией, в реальности при проведении ремонтно-восстановительных и реставрационных работ этот подход не поддерживается. Ансамбль, состоящий из взаимозависящих друг от друга цехов, начинает распадаться на отдельные здания ОКН, а целостность существующего ландшафта при этом вообще не учитывается.

Для понимания важности единства вододействующего завода и заводской площадки необходимо уделить внимание устройству его гидросистемы. Сформировать представление о ней, как о слаженной машине. В свое время во многом успех работы завода зависел от работы этой «машины». И в XXI в., несмотря на постоянное развитие гражданской и промышленной застройки, сердцем города-завода остается старая заводская плотина, а гидросистема - его венами. Сам Нижнетагильский Демидовский завод расположен как бы в яме относительно уровня пруда, это обеспечивало перепад воды более 6 м. Рабочая площадка XVII – XVIII вв. прямоугольной формы, охватывала небольшую территорию, потому что была как бы «привязана» к ларю и зависела от его длины. На ней размещались доменные, молотовые и кричные фабрики, также и вспомогательные помещения. Основные цехи примыкали к плотине и ларю из-за необходимости находиться в зоне максимального гидравлического напора. Технологическая организация заводской площадки, размеры ларя, горизонты, выпускающие окна ларя, диаметры наливных колес, размеры рабочих каналов были вовсе не произвольные и были взаимозависимы от устройства и расположения движущих гидравлических колес. Кроме внешних каналов существует система внутренних, подземных каналов для отвода отработанной воды и масла от работающих машин, возникшая вместе с построением ларя в XVIII в. и дополненная в XIX и XX вв. Во времена вододействующей цивилизации вся эта система работала бесперебойно, но и в настоящее время не потеряла свое гидрологическое, экологическое и историческое значение.

Подробный анализ технического устройства старозаводской площадки дает понимание, что сохраняемый промышленный объект неотделим от ландшафта

сложной структуры, важным элементом которого является не только внешний слой и вся ландшафтно-формирующая система.

Огромная работа по освещению проблемы сохранения культурного ландшафта ведется специалистами Института наследия им. Д.С. Лихачева, сотрудниками СПбГИК, нашими коллегами как в России, так и за ее пределами. В их работах было не раз отмечено, что как самостоятельный объект охраны «культурный ландшафт» в Федеральном Законе «Об объектах культурного наследия» отсутствует, являясь лишь возможным компонентом «достопримечательного места» [13], косвенно перекликаясь с «земли историко-культурного назначения» [7, с. 7] и «историко-культурная территория» [7, с. 99].

В настоящее время охрана культурных ландшафтов осуществляется через придание им статуса достопримечательного места или включение их в зоны охраны памятников и ансамблей. К сожалению, такой подход тоже не идеален [10]. Как уже отмечено Е.Н. Мастеницей, в статусе «достопримечательное место» кроется опасность, так как ст. 5.1 ФЗ-73 запрещает проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ [13] только на территории памятника или ансамбля, а в случае с достопримечательными местами такие работы возможны и регламентируются органами власти или охраны памятников. С другой стороны, Российское законодательство, ограничивая застройку на территории памятников и ансамблей ОКН, не обязывает сохранять уникальные элементы культурного ландшафта, да и сама уникальность остается понятием абстрактным [5]. Если в случае сохранения усадеб, монастырей, других гражданских памятников и ансамблей критерии уникальности с годами нарабатаны, то в ситуации с объектами индустрии такого опыта пока нет. Следовательно, сохранность отдельных элементов ландшафта во многом зависит от их субъективного восприятия «исполнителей на местах».

По мнению сотрудников Нижнетагильского музея-заповедника, в части сохранения индустриального ландшафта ситуация не разрешится простым введением этого понятия в законодательство ни как самостоятельное, ни как вид культурного ландшафта, поскольку не сделает обязательными к сохранению инженерные структуры под поверхностью земли и воды. В итоге в реальной работе останется необходимость привлечения узких специалистов других специальностей: строителей, гидравликов, экологов и т.д., чтобы они отметили инженерные элементы подземного слоя уже с точки зрения собственной специальности, но без учета их целостности с сохраняемым объектом. В то время как его уникальность часто зависит от всех ландшафтно-формирующих элементов, неразрывно связанных между собой.

Отчасти, необходимость постоянного конкретизирования кроется в самом слове «ландшафт». Несмотря на то, что в нем изначально заложена идея целостности территории, ведь с немецкого *Landschaft* – это вид местности, от *Land* – земля и *schaft* – выражающий взаимосвязь, взаимозависимость, «образ края», в

русском языке понятие ландшафта охватывает только внешний поверхностный слой земли, ее рельеф.

Не углубляет это понятие и обращение к способу создания рельефа. Согласно географическому словарю, индустриальный ландшафт – географический ландшафт, в функционировании которого существенную роль играют промышленные и иные подобные элементы (словарь по географии).

Техногенный ландшафт – антропогенный ландшафт (значительно измененный или искусственно созданный человеком на природной основе), особенность формирования и структура которого обусловлены промышленной деятельностью, и т.д. [9].

Приравнивание индустриального ландшафта к объектам культурного наследия работа важная, но недостаточная для сохранения технической уникальности места.

Необходима привязка на законодательном уровне сохраняемого объекта индустриального наследия к «индустриальному ландшафту с ландшафтно-формирующей системой, включающей в себя все объекты (каналы, коммуникации и т.д.) сохраняемого ОКН», для возможности одновременного подключения представителей инженерных профессий, отраслевых специалистов как экспертов в вопросах уникальности индустриальной площадки, наряду с культурологами и историками.

В современном обществе проводится большая и, несомненно, нужная работа по приспособлению промплощадок под различные социальные объекты, но для сохранения промышленного ландшафта в полноте, о которой здесь идет речь, эта работа может быть губительна. Как отметил Ю.А.Веденин, «сегодня одной из основных опасностей, связанных с сохранением культурных ландшафтов... это реконструкция исторических кварталов, садов и парков... Ведь целостность определяется не только визуальными связями, но и смысловым наполнением» [1]. Выявление скрытой исторической памяти и ее актуализация как необходимое условие повышения ценности культурного ландшафта – объекта наследия. Для решения этих задач необходимо, в первую очередь, проведение научных исследований [2]. Старопромышленные территории, подобные Нижнетагильскому Демидовскому заводу, должны выступать площадками для научно-исследовательской работы, для создания центров творчества, а не развлечения.

Выполняя поставленную при создании в 1987 г. в Нижнем Тагиле отраслевого музея-завода техники черной металлургии задачу сохранения и пропаганды техники черной металлургии как базовой отрасли на Урале [11, п. 2.1.] и раскрытия ее истории, сотрудники филиала ЭИТ музея-заповедника «Горнозаводской Урал» проводят большую просветительскую работу в направлении формирования комплексного восприятия у посетителей музея истории развития индустрии края. При открытии экспозиции любого локального производственного участка,

или при создании нового экскурсионного маршрута по территории, в рассказе экскурсовода всегда присутствует ссылка на весь производственный процесс от гидросистемы до современности по вертикали, и от добычи руды до продукции прокатного производства по горизонтали. Такой подход особенно актуален при необходимости «создать условия для развития проектно-ориентированного образования инженерных кадров, адаптировать к этим задачам образовательные стандарты» [6].

И как результат этой работы, сотрудники отмечают постоянный рост интереса посетителей музея именно к инженерному аспекту истории развития техники и металлургии на Урале. Люди приезжают из других городов и возвращаются вновь с друзьями и детьми, заинтересовавшись развитием металлургических технологий в России и отражением этих процессов в социуме возникающей горнозаводской цивилизации. Индустриальный ландшафт уже не только старого завода, но шахт, карьеров, работающих производственных площадок ЕВРАЗ-холдинга и Уралвагонзавода, становятся вдохновителями молодых художников, дизайнеров. Достижения предков наполняют гордостью будущих механиков, металлургов и маркшейдеров.

Это движение абсолютно резонансно словам президента В.В.Путина о том, что «инженер – это профессионал высокого уровня, который не только обеспечивает работу сложнейшего оборудования, но, по сути, и формирует окружающую действительность», высказанным на заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23.06.2014. [Ил. 1, стр. 82].

При наших раздумьях и чаяниях о «перезапуске» старых, отработавших свой моральный, а часто и экономический ресурс промзон, об утрате профессий и запустении края, очень своевременно звучат поэтические строчки О.Шпернглера «Человек пускает корни в землю, которую обрабатывает. Душа человека обнаруживает душу в ландшафте, в нем возникает новая связь земли с существованием» [14], напоминающие нам о наших истоках, о том, что сама Земля, ее ландшафт, привычный и родной, становятся той материей, которая способна дать новый росток развития территорий.

Список источников и литературы:

1. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия. [Электронный ресурс] / Ю. А. Ведение, М. Е. Кулешова // Студопедия. Нет : информационный студенческий ресурс. URL: https://studopedia.net/9_44833_kulturniy-landshaft-kak-ob-ekt.html (дата обращения: 20.10.2020).
2. Веденин Ю. Культурный ландшафт как объект наследия [Электронный ресурс]. // Хранители наследия: сайт, 2014-2020. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/khraniteli/yuriy-vedenin-kulturnyy-landshaft-kak-obekt-naslediya/> (дата обращения: 20.10.20).
3. Веденин Ю. Культурный ландшафт как хранитель исторической памяти земли [Электронный ресурс] // Региональные проблемы 2018. № 3. С. 28-34. Электронная копия доступна

в науч. электрон. б-ке Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-landshaft-kak-hranitel-istoricheskoy-pamyati-zemli> (дата обращения: 20.10.2020).

4. Охрана природы. (ССОП). Рекультивация земель : термины и определения : ГОСТ 17.5.6.01 83 [электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200006606> (дата обращения: 01.02.2020).

5. Сохранение объектов культурного наследия: термины и определения. Часть 4. Исторические территории и историко-культурные ландшафты (Переиздание) п.3.2.4 п. 3.2.14 [Электронный ресурс]; ГОСТ Р 56891.4-2016. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200133118> (дата обращения: 10.2019).

6. Заседание Совета при Президенте по науке и образованию, 23.06.2014. Москва, Кремль [видеоролик] // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/45962> (дата обращения: 20.10.2020).

7. Земельный кодекс Российской Федерации : федерал. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020) [электронный ресурс] // Консультант плюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения 20.10.2020).

8. Культурные ландшафты России и устойчивое развитие [электронный ресурс] // Культурный ландшафт: науч. труды. Вып. 4 / отв. ред. Т. М. Красовская. Москва, 2009. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-kulturologiya/79944-1-kulturnie-landshafti-rossii-ustoychivoe-razvitie-chetvertiy-vipusk-nauchnih-trudov-seminara-kulturniy-landshaft.php> (дата обращения: 20.10.2020).

9. Ландшафт [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ландшафт> (дата обращения: 20.10.2020).

10. Мастеница Е. Н. Культурный ландшафт как объект наследия: подходы к изучению и проблемы сохранения в музеях под открытым небом [Электронный ресурс]. // Пандиа : [интернет - издание]. 2009-2020. URL: <https://pandia.ru/text/80/273/38450.php> (дата обращения: 20.10.2020).

11. Положение «Об отраслевом музее-заводе истории развития техники черной металлургии». В соответствии Приказу Министерства черной металлургии СССР и Министерства культуры РСФСР за №31/21 от 13.01.89г.

12. Семенов И. Г. Пояснительная записка к утверждению и согласованию плана завода-музея государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала [Рукопись]. 1989. С. 2-3.

13. Об Объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федерал. закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 24.04.2020) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения: 20.10.2010).

14. Шпенглер О. Закат Европы [интернет издание]. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. Стр. 27 // ЛитМир : электронная библиотека. 2011-2020. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=231362&p=1> (дата обращения: 20.10.2020).

УДК 669

О.В. Грошева,

научный сотрудник, МКУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 622001 г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1. oksanamuseum@gmail.com

АРХИВ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МЕТАЛЛУРГА В.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО В СОБРАНИИ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»

В статье дается краткий анализ документальных материалов фонда инженера-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, хранящихся в научном архиве Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». И рассказывается о предпосылках и истории поступления архива В.Е. Грум-Гржимайло в музей.

Ключевые слова: Грум-Гржимайло, металлургия, музей, Нижний Тагил.

O.V. Grosheva,

research associate,
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
Mining and Work Ural, 622001
Nizhny Tagil, Lenin St., 1.
oksanamuseum@gmail.com

ARCHIVE OF THE OUTSTANDING METALLURGIST V. E. GRUM-GRZHIMAILO IN THE COLLECTION OF THE NIZHNY TAGIL MUSEUM-RESERVE MINING AND WORK URAL

The article provides a brief analysis of documentary materials from the foundation of metallurgist engineer Vladimir Efimovich Grum-Grzhimailo, stored in the Nizhny Tagil Museum-Reserve of the mining Urals. And it tells about of preconditions and history of the arrival of the V. E. Grum-Grzhimailo archive in the museum.

Keywords: Grum-Grzhimailo, metallurgy, museum, Nizhny Tagil.

В настоящее время во многих странах, в том числе и в России, развернулась активная деятельность по изучению и сохранению индустриального наследия. Одним из источников научного познания в таких областях, как история техники, науки, изобретательства, являются архивы. Большую значимость в изучении данной темы представляют фонды и коллекции личного происхождения выдающихся ученых и инженеров. Разнообразные по своему составу и содержанию, эти документы отражают жизненный путь, творческую деятельность выдаю-

щихся людей, внесших весомый вклад в общественно-политическую, хозяйственную и другие сферы жизни общества.

Архив Нижнетагильского музея-заповедника хранит много интересных документов, которые вызывают неподдельный интерес у исследователей. В частности, в конце 1980-х гг. в архив поступил обширный комплекс документов инженера-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864 – 1928) [ил.1] – известный российский и советский инженер, изобретатель, металлург-теплотехник и организатор производства. Значительная часть его практической и научной деятельности связана с уральскими металлургическими заводами. Во время его работы на Нижнетагильском, Нижнесалдинском, Верхнесалдинском заводах, в Алапаевском горном округе, практика производства шла параллельно с глубокими научными изысканиями в области металлургического производства, бессемерования стали, гидравлической теории печей, которые оказали большое влияние на развитие российской металлургии. В 1911—1918 гг. Владимир Ефимович – ординарный профессор Петербургского политехнического института. Гражданскую войну с семьей встретил на Урале. В 1920—1924 гг. занимал должность профессора Уральского университета (г. Екатеринбург), возглавлял кафедру теории стали и печей. С 1924 г. преподавал в Московской горной академии. Последние годы жизни (с 1924 г.) Владимир Ефимович занимался проектированием металлургических и заводских печей в организованном им московском Бюро металлургических и теплотехнических конструкций.

Решение передать архив Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло в Нижний Тагил принял его сын Сергей Владимирович. Он долго думал, сомневался. Кроме Нижнего Тагила были такие варианты, как Москва и Свердловск.

Дружба Сергея Владимировича с Нижнетагильским краеведческим музеем продолжалась почти сорок лет. Началась еще в 1947 г., когда он готовил к печати воспоминания своего отца, касающиеся его жизни в Тагиле и Нижней Салде

Ил. 1 Фотопортрет В.Е. Грум-Гржимайло, 1897 г.
Научный архив НТМЗ.

в 1883 – 1895 гг. Для иллюстрирования этого издания необходимы были материалы, имеющиеся в Нижнетагильском краеведческом музее. Сергей Владимирович написал письмо, в котором просил «Не отказать в любезности и скопировать или сфотографировать следующие материалы...» [1]. В основном это были виды и планы Нижнего Тагила, Нижней Салды, а также планы Нижнетагильского и Нижнесалдинского заводов. Кроме этого его интересовали портреты Владимира Александровича Граматчикова, управляющего Демидовскими предприятиями на Урале, его жены Елизаветы Дмитриевны, урожденной Беловой, и Константина Павловича Поленова, управителя Нижнесалдинским заводом. Вся эта история затянулась почти на 2 года. В архиве сохранилось письмо заведующей библиотекой музея Елизаветы Васильевны Боташевой, в котором она извинялась за задержку и объясняла причину. Дело в том, что в городе в то время были большие проблемы с фотоматериалами, поэтому портреты отдали рисовать художнику, «...но художник так неудачно скопировал портреты Поленова К.П. и Граматчикова В.А., что послать не решились, и все дело затянулось. Фотограф переснять с карточки берет 15-20 рублей, а чертежник за план просит 50-60 рублей» [2]. Сергей Владимирович перечислил 150 рублей и в начале 1949 г. фотографии были им получены [3].

Дружеские отношения с музеем сохранились на много лет. В сентябре 1986 г. Сергей Владимирович писал директору Нижнетагильского музея Ивану Григорьевичу Семенову: «Несколько недель назад у меня сидели Уральцы: Свердловчане и Верхне-Салдинцы. Говорили о «Точке Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло». Спорили – где окончательно организовать, куда передать его архив? Я раньше думал в Стальпроект. А теперь передумал и решил в Тагил. Там у Вас, говорят, и сейчас хорошо организовано. Хотелось бы съездить посмотреть, но, увы, мне 86! Если эта идея вам нравится – пусть, кто, либо, из музея, когда будет в Москве зайдет ко мне» [1].

В Москву выехала заведующая научным архивом музея Елена Николаевна Грасмик. И начались переговоры по передаче архива В.Е. Грум-Гржимайло.

К сожалению, Сергей Владимирович не успел лично передать архив своего отца. В 1987 г. он умер. Но, так как договоренность была достигнута, архив все же был передан в Нижний Тагил. Единственным условием стало то, что архив будет закрыт для изучения и исследования до 2015 г. Музейные сотрудники выполнили поставленное условие и приступили к систематизации и изучению архива в 2016 г.

Комплекс документов Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло состоит из:

- 7 сборников различных печатных работ как самого В.Е. Грум-Гржимайло, так и других авторов. Эти сборники оформлены в виде книг небольшого формата в твердом переплете.

Сборники печатных работ включают в себя оттиски из таких журналов, как: «Горный журнал», «Журнал Русского металлургического общества», «Серп и

молот», «Наука и техника», «Хозяйство Урала», а также книгу В.Е. Грум-Гржимайло «Пламенные печи», 1925 г. издания, с дарственной надписью автора сыну Сергею [ил. 2]. Самая ранняя печатная работа - это статья «Паровые машины Нижнесалдинского завода, их недостатки и ремонт» 1891 г.

- 60 папок с документами, сгруппированными по разным темам.

В ходе работы по обработке фонда было принято решение сохранить существующую систематизацию документов по темам, предложенным фондообразователем. И провести систематизацию и описание документов внутри каждой темы. На сегодняшний день осуществлено первичное описание документов 15 папок.

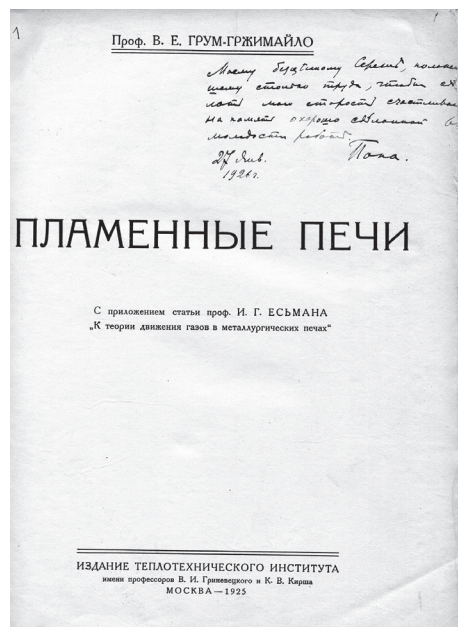
- 4 папки содержат документы, относящиеся к семье В.Е. Грум-Гржимайло: Маргарите, Юрию, Алексею и Владимиру Грум-Гржимайло. Документы достаточно разноплановые. Есть подлинники и копии. Например, копии писем Софьи Германовны Грум-Гржимайло В.М. Молотову, М.И. Калинин, Л. П. Берии о пересмотре дела осужденных Алексея Владимировича и Юрия Владимировича Грум-Гржимайло (1938 – 1941 гг.) [4]. В этой же папке подлинники документов, относящихся к служебной деятельности инженеров Ю.В. и А.В. Грум-Гржимайло. Также следует отметить рукопись воспоминаний Маргариты Грум-Гржимайло о жизни в Алапаевске (1960-е гг.) [5] и воспоминания В.Е. Грум-Гржимайло о его сыне Владимире (1919 – 1920 е гг.) [6]. По этим воспоминаниям была подготовлена публикация о мичмане Владимире Грум-Гржимайло [7].

Остальные папки содержат документы, относящиеся к служебной деятельности Владимира Ефимовича за период 1915 – 1928 гг. Были просмотрены папки:

- Metallургическое бюро.

На основании этих документов был подготовлен доклад «Metallургическое бюро В.Е. Грум-Гржимайло в годы Первой мировой и гражданской войны. 1915-1919 гг.»

Данный доклад был опубликован в сборнике Всероссийской научно-практической конференции «Музей-заповедник в культурном пространстве старопро-

Ил.2 Книга В.Е. Грум-Гржимайло, 1925 г.
Научный архив НТМЗ.

мышленного города» 20 – 21 октября 2016 г. [8, с.56] и в сборнике «Материалы X международной научно-практической конференции» Москва, Политехнический музей, 6 – 8 декабря 2016 г. [9].

- Керамические печи
- Химические печи
- Печи с простой топкой
- Мартеновские печи
- Сушила
- Доменное производство
- Восстановление Уральской промышленности
- Урало-Сибирский проект

Большой объем документов (примерно 100 ед.) составляют тексты статей, докладов, записок В.Е. Грум-Гржимайло. Они представлены в виде рукописей, машинописных копий и в печатном варианте.

Чертежи печей в количестве 70 ед. в основном представлены копиями, выполненными на синьке. Большинство не имеют подписи автора и датировки. В небольшом количестве имеются чертежи В.Е. Грум-Гржимайло с его подписью.

Интерес представляют подлинники документов на получение патентов на изобретения различных печей. В просмотренных документах их 15.

Отдельно можно выделить группу документов (25 ед.), относящихся к биографическим материалам. Это служебные удостоверения В.Е. Грум-Гржимайло, мандаты. В качестве примера: «Удостоверение № 636 от 7 декабря 1918 г. в том, что профессор В.Е. Грум-Гржимайло состоит на службе в Техническом Отделе Областного Совета Народного Хозяйства Урала и находится в настоящее время по делам службы в Коноваловском заводе» [ил. 3, стр. 83].

Следующая группа документов (примерно 50 ед.) – это переписка В.Е. Грум-Гржимайло с различными организациями и заводами. В большинстве случаев по вопросу проектирования печей.

Таким образом, проведя первичное описание документов 15 папок, можно сделать следующий вывод:

- документы, имеющиеся в фонде В.Е. Грум-Гржимайло, условно делятся на несколько групп:
 - Личные документы и другие материалы к биографии фондообразователя (биографические материалы).
 - Материалы служебной и общественной деятельности
 - Имущественно-хозяйственные материалы.
 - Материалы родственников.
- Хронологические рамки просмотренных документов – конец XIX в. – 1960-е гг., но большинство – периода 1920 – 1928 гг.
- Большую часть фонда составляют подлинники документов или машинописные копии того времени.

- Многие документы уже опубликованы.

Сергей Владимирович Грум-Гржимайло после смерти отца, чтобы сохранить память о нем, привлек его сослуживцев, учеников, заводских деятелей, работавших вместе с Владимиром Ефимовичем, к описанию его работ, использовал сохранившиеся в архиве данные. Получилось «Двадцать книг». Копии – оригиналы были переданы в Москву в Стальпроект, в Свердловск, а также в Нижнетагильский краеведческий музей [10]. Это было сделано в 1970-е гг.

Тем не менее, при более детальном изучении документов, например, по теме «Металлургического бюро В.Е. Грум-Гржимайло в период Первой мировой и гражданской войны», выяснилось, что в литературе, посвященной жизни и деятельности В.Е. Грум-Гржимайло, этому периоду его жизни уделяется совсем мало внимания. И эти документы дают нам представление о жизни В.Е. Грум-Гржимайло, о его организаторских способностях, о людях, которые работали рядом с ним, о том, над какими проектами в данный промежуток времени работал коллектив под его руководством.

Работа по обработке фонда еще в самом начале. Но уже сейчас можно смело говорить, что документы В.Е. Грум-Гржимайло, имеющиеся в научном архиве музея-заповедника, обладают исторической и научной ценностью. Они раскрывают страницы биографии В.Е. Грум-Гржимайло, его роль в развитии металлургии, его политические взгляды. Что, несомненно, представляет интерес для исследователей.

Список источников и литературы:

1. Научный архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМЗ). Ф. 57. оп. 1. Д. 136. Л. 5.
2. НТМЗ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 136. Л.7.
3. Там же. Ф. 57. Оп.1. Д. 136. Лл. 9 – 10.
4. Там же. Ф. В. Е. Грум-Гржимайло.
5. Там же. Ф. В. Е. Грум-Гржимайло.
6. Там же. Ф. В. Е. Грум-Гржимайло.
7. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»: офиц. сайт. Нижний Тагил, [2020]. URL: www.museum-nt.ru (дата обращения: 20.10.2020).
8. Музей-заповедник в культурном пространстве старопромышленного города: сб. докладов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 175-летию Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Нижний Тагил, 2016. 172 с.
9. История техники и музейное дело. Выпуск 9. Москва, 2017. 408 с.
10. Научный архив НТМЗ. Ф. 10. Оп. 12. Д. 39. Л. 1.

УДК 725.4+ 338.486

Е.В. Зайцева,
к.с.н., доцент,
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
620014, г. Екатеринбург, Ленина просп., 13Б.
katia_zai@mail.ru

Е.А. Азоркин,
аспирант,
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
620014, г. Екатеринбург, Ленина просп., 13Б.
jery0808@mail.ru

РЕДЕВЕЛОПМЕНТ ГОРОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ С ЦЕЛЬЮ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА

В статье описывается, как применение методов редевелопмента промышленной территории помогает развитию индустриального туризма. Выявлено, что индустриальный туризм является одним из путей сохранения индустриального наследия и развития городской экономики, сохранения исторических объектов. Показано, однако, что существуют препятствия для успешного редевелопмента промышленных территорий. Сделан вывод о том, что редевелопмент должен поощряться там, где это целесообразно.

Ключевые слова: индустриальный туризм, индустриальное наследие, редевелопмент промышленных территорий, маркетинг территорий, браунфилд.

E.V. Zaitseva,
Candidate of Social Sciences, Associate Professor,
Ural Federal University, 620014, Yekaterinburg, Lenina Avenue, 13B.
katia_zai@mail.ru

E.A. Azorkin,
Graduate student,
Ural Federal University, 620014, Yekaterinburg, Lenina Avenue, 13B.
jery0808@mail.ru

REDEVELOPMENT OF URBAN INDUSTRIAL TERRITORY FOR THE PURPOSE OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL TOURISM

The article describes how the application of methods of redevelopment of an industrial territory helps the development of industrial tourism. It was revealed that industrial tourism is one of the ways to preserve the industrial heritage and develop the urban economy, preserve historical sites. It is shown, however, that there are obstacles to the successful redevelopment of industrial territories. It is

concluded that redevelopment should be encouraged where appropriate.

Keywords: industrial tourism, industrial heritage, redevelopment of industrial territories, marketing of territories, brownfield.

Индустриальный, или промышленный туризм – важная ниша в индустрии туризма. Это тип туризма, при котором туристы посещают места, чтобы узнать об экономической деятельности общества в прошлом, настоящем и будущем [8]. Промышленный туризм имеет долгую историю в США и европейских странах, таких, как Франция, Великобритания и Германия [2]. Например, Рурский регион, превративший бывшие машинные залы и шахты в крупнейший в мире музей под открытым небом, является одним из самых важных промышленных центров Германии. В России же концепция промышленного туризма в его современном понимании начала использоваться с 1990-х годов, опираясь на богатое индустриальное наследие.

Промышленный туризм можно условно разделить на два направления: посещение туристами действующих промышленных площадок; и посещение туристами объектов индустриального наследия – заброшенных площадок, пришедших в упадок заводов, технологических памятников прошлого [7]. Как считают некоторые ученые, одна из причин популярности промышленного туризма заключается в том, что общество находится в фазе деиндустриализации, когда мы начинаем забывать о традиционных методах производства и сильнее участвуем в сфере услуг. Изучая традиционные производственные процессы, мы с ностальгией смотрим на наше техническое наследие и возвращаемся к забытым знаниям [8].

Примерно до 1980-х годов старые, не используемые промышленные комплексы считались уродливыми и бесполезными объектами. Поэтому большинство из них было окончательно заброшено или разрушено, чтобы использовать землю под ними для новых строений. Однако с распространением концепции промышленного наследия бывшие промышленные объекты все чаще рассматриваются как достойные для сохранения, они перепрофилируются для новых целей, включая туризм.

Туризм, относящийся к индустриальному наследию, представляет собой разновидность культурного туризма [6]. Хотя концепция индустриального наследия – относительно новое понятие, она быстро внедряется во многих городских проектах, особенно в форме адаптивного повторного использования (adaptive reuse) для восстановления городов [5]. Многие бывшие промышленные объекты были преобразованы в туристические достопримечательности в рамках инициатив по возрождению городов и как средство укрепления местной идентичности. В Европе и Северной Америке местные органы власти и частные предприятия все чаще используют туризм, связанный с промышленным наследием, в качестве стратегии омоложения местной экономики перед лицом деиндустриализации [9]. Процесс повторного использования индустриальных объектов становится

популярным в России. Например, Урал, как старопромышленный регион, и город Екатеринбург, в частности, имеют огромные ресурсные возможности для деиндустриализации промышленных объектов. Использование их существенно может повлиять на формирование туризма и территориального имиджа [1].

Сохранение промышленного наследия требует поддержания баланса между сохранением прошлого за присущую ему ценность, и удовлетворением новых требований. Оно связано с отстаиванием культурного значения устаревших промышленных пространств и их преобразованием как в культурно, так и в экономически жизнеспособные пространства. В то же время, индустриальный туризм как средство сохранения наследия подвергается критике, поскольку у этих двух направлений разные и даже противоречивые цели [9]. В частности, если промышленное наследие не охраняется должным образом, а просто превращается в туристические достопримечательности, то ценность промышленного наследия как таковая может быть утеряна.

Сами по себе объекты промышленного наследия обычно географически сконцентрированы в промышленных городах, столкнувшихся с деиндустриализацией, поэтому индустриальный туризм нельзя рассматривать в отрыве от промышленных агломераций. Дальнейшее городское развитие неизбежно поднимает вопрос об использовании заброшенных промышленных площадок вокруг существующих границ застройки города. Речь в этом случае идет о так называемых «браунфилдах» (Brownfield) – участках, на которых располагаются нефункционирующие здания промышленного или коммерческого назначения, и обладающие потенциалом для редевелопмента [3]. Существовая на протяжении целых десятилетий, такие участки негативно сказываются на привлекательности городского пространства и, как следствие, на экономике окружающей территории.

С другой стороны, освоение браунфилдов, их редевелопмент – выгодный путь для городов. Благодаря новому использованию территорий ограничивается разрастание городов – сохраняется единая городская ткань существующей застройки, новые центры притяжения появляются на территориях, не слишком удаленных от уже действующих центров. Кроме того, устраняются негативные воздействия объектов промышленных территорий, таких, как загрязнение, или неприглядный вид, омрачающий окружающий городской ландшафт.

С укоренением идей о том, что города могут «продаваться» как товары, все чаще применяются маркетинговые методы как ответы на экономические изменения. В результате конкуренция за привлечение инвестиций стала настолько интенсивной, что городам необходимо найти новые решения, чтобы сформировать уникальные конкурентные преимущества. Некоторые исследователи утверждают, что сохранение существующих структур наследия и других атрибутов, связанных с бывшим промышленным использованием, может иметь решающее значение для максимизации возможностей для развития туризма [4]. Конкуренция

между городами в старопромышленных регионах превратилась в соревнование за воссоздание уникального образа с помощью городского маркетинга, осуществляемого местными органами власти или городскими властями для повышения их конкурентоспособности [10].

Однако есть множество препятствий на пути к полноценному редулопменту промышленных территорий. Слишком часто оставшиеся промышленные объекты на заброшенных участках разрушаются до или во время их повторного использования. Есть причины, по которым бывшие промышленные здания на заброшенных промышленных объектах и объектах наследия не могут быть сохранены. Включение старых зданий в планы новой застройки – гораздо более дорогостоящая технология, чем освоение территории с нуля, а расходы на обслуживание могут стать тяжелым бременем для городского бюджета. С другой стороны, снос старых промышленных сооружений часто также обходится недешево – многие здания построены в соответствии с высокими конструктивными и строительными стандартами, предназначены, чтобы выдерживать большие нагрузки, иметь крепкий фундамент и т.д.

Редулопмент городской промышленной территории для развития туризма – хорошая стратегия для городов по повышению своей привлекательности и развития экономики. Такой редулопмент следует поощрять там, где это целесообразно. Реконструкция бывших промышленных объектов позволяет привлечь туристов и выделяет город среди других, помогает сохранить его самобытность. Ведь помимо образовательной и развлекательной функций для туристов, ревитализированные объекты промышленного наследия выполняют важную функцию по сохранению истории, особенно в качестве реальных объектов.

Список источников и литературы:

1. Зайцева Е. В. Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ) [Электронный ресурс] // Экономическая история. 2017. № 1 (36). С. 31-35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28928798> (дата обращения: 26.09.2020).
2. Запарий В. В. «Индустриальное наследие» и его современное толкование [Электронное издание] // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2009. № 1. С. 32-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnoe-nasledie-i-ego-sovremennoe-tolkovanie> (дата обращения: 26.09.2020).
3. Словарный запас: Браунфилд [Электронный ресурс] // Strelka Mag [интернет-издание], 2020. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/vocabulary-brownfield> (дата обращения: 26.09.2020).
4. Alker S. Tourism and leisure development on brownfield sites: An opportunity to enhance urban sustainability / S. Alker, C. Stone // Tourism and Hospitality, Planning and Development, 2005. Vol. 2, Issue 1. PP. 27-38. URL: <https://doi.org/10.1080/14790530500072336> (дата обращения: 26.09.2020).
5. Cho M. Conservation or economization? Industrial heritage conservation in Incheon, Korea / M. Cho, S. Shin // Habitat International, 2014. Vol. 41. PP. 69-76. URL: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2013.06.011> (дата обращения: 26.09.2020).

habitatint.2013.06.011 (дата обращения: 26.09.2020).

6. Firth T. Tourism as a means to industrial heritage conservation: Achilles heel or saving grace? / T. Firth // Journal of Heritage Tourism, 2011. Vol. 6, Issue 1. PP. 45-62. URL: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2010.536233> (дата обращения: 26.09.2020).

7. Lee C.-F. An investigation of factors determining industrial tourism attractiveness / C.-F. Lee // Tourism and Hospitality Research, 2016. Vol. 16, Issue 2. PP. 184-197. URL: <https://doi.org/10.1177%2F1467358415600217> (дата обращения: 26.09.2020).

8. Pavlaković B. Human resources in industrial tourism / B. Pavlaković, E. Jereb // Academica Turistica, 2020. Vol. 13, Issue 1. PP. 51-65. URL: <https://doi.org/10.26493/2335-4194.13.51-65> (дата обращения: 26.09.2020).

9. Yang X. Creative destruction: the commodification of industrial heritage in Nanfeng Kiln District, China / X. Yang, H. Xu, G. Wall // Tourism Geographies, 2019. Vol. 21, Issue 1. PP. 54-77. URL: <https://doi.org/10.1080/14616688.2017.1388436> (дата обращения: 26.09.2020).

10. Yang X. Industrial heritage tourism development and city image reconstruction in Chinese traditional industrial cities: a web content analysis / X. Yang // Journal of Heritage Tourism. 2017. Vol. 12, Issue 3. PP. 267-280. URL: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2016.1236800> (дата обращения: 26.09.2020).

УДК 528.5

Н.В.Зайцева,

заведующая музеем истории,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Нижнетагильский горно-металлургический колледж имени Е.А. и М.Е. Черепановых» - ГАПОУ СО «Нижнетагильский горно-металлургический колледж имени Е.А. и М.Е. Черепановых», 622034, Россия, Свердловская область, пр. Ленина, д. 38. ntmgm-300-let@mail.ru

НАСЛЕДИЕ ГОРНЫХ ГЕОМЕТРОВ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ГОРНОЗАВОДСКОГО ДЕЛА В МУЗЕЕ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ИМЕНИ Е.А. И М.Е. ЧЕРЕПАНОВЫХ

В статье затронуты вопросы изучения и сохранения культурного наследия в области истории и научно-технического знания. Приведены сведения об уникальных старинных инструментах, экспонируемых в музее старейшего среднего технического учебного заведения России – Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых. Музейные экспонаты предствительно характеризуют определённые этапы развития горнозаводского дела, в частности, маркшейдерского искусства, имеют почетный статус «Па-

мятник науки и техники I категории» и демонстрируют эволюцию развития инструментария горных геометров за XVII – XIX вв. на примере магнитометра Талена-Тиберга.

Ключевые слова: горнозаводская школа, наследие горных геометров, магнитометр Талена-Тиберга, магнитометрические измерения.

HERITAGE OF MOUNTAIN GEOMETERS – A UNIQUE MONUMENT OF MINING INDUSTRY IN THE MUSEUM OF NIZHNY TAGIL MINING AND METALLURGICAL COLLEGE NAMED AFTER E. A. AND M. E. CHEREPANOV

The article deals with the study and preservation of cultural heritage in the field of history and scientific and technical knowledge. The article provides information about unique ancient instruments displayed in the Museum of the oldest secondary technical educational institution in Russia – Nizhny Tagil mining and metallurgical College named after E. A. and M. E. Cherepanov. Museum exhibits represent certain stages in the development of mining, in particular surveying, have the honorary status of «Monument of science and technology of the I category» and demonstrate the evolution of the tools of mountain geometers for the XVII-XIX centuries on the example of the Talen-Tiberg magnetometer.

Keywords: mining school, heritage of mountain geometers, Talen-Tiberg magnetometer, magnetometric measurements.

Музей истории Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых в 2017 г. примкнул к реализации научного проекта «Памятники науки и техники в музеях России». Предыстория такова.

Колледж имеет уникальную историю своего развития: более двухсот лет это частное учебное заведение Демидовых, в котором обучались дети крепостных. Никакое другое образовательное учреждение в России не имело подобного пути развития. Несмотря на вихрь времён и многочисленные реорганизации, горнозаводская школа, ведущая отсчёт с 1709 г., не прерывала своей деятельности в течение всего времени существования. Просвещённые владельцы уральских заводов обеспечили солидную учебно-материальную базу. Так, Николаем Никитичем Демидовым (1773 – 1828), правнуком основателя династии Демидовых, из Парижа предписывалось в Нижнетагильскую заводскую контору: «*Чтоб Выйской школы ученики знали чертить планы и фасады и снимать оные с природы, а равно чтоб могли полагать на планах внутренние проходы медного рудника и прочее по горной части относящиеся*» [1]. Для лучшего усвоения механики и горного искусства в демидовской школе издавна находились в обиходе всевозможные пособия и приборы. Из Управления Нижнетагильских заводов 26 февраля 1847 г. был отправлен рапорт «в Центральное управление по нераздельным имениям гг. Демидовых» Петербурга, в котором просили выслать «*разные препараты для ознакомления ученикам некоторых физических явлений при преподавании начал механики и практического горнозаводского искусства*» [2]. Достоверно известно, что во второй половине XIX в. были созданы физико-геодезический и минера-

логический кабинеты. На 1 января 1882 г. минералогический кабинет училища располагал 860 штучками минералов и 160 моделями кристаллов [3]. В физико-геодезическом кабинете на учете состояло 378 инструментов и приборов.

Оснащённость учебного процесса оборудованием в наши дни способствовала формированию в фондах музея уникальной коллекции инструментов и приборов. Коллекция, получившая название «Наследие горных геометров», иллюстрирует определённые этапы развития горнозаводского дела, в частности, маркшейдерского искусства. По разным причинам музейные предметы долгое время хранились в неизученном виде и не экспонировались до последней реорганизации музея (2009).

Стартом к изучению предметов коллекции явилось важное событие, а именно – присоединение к научному проекту «Памятники науки и техники в собраниях музеев Российской Федерации». Политехнический музей с 1992 г. реализует программу проекта с целью выявления и сохранения культурного наследия в области науки и техники, инженерного дела и промышленных технологий. Научные сотрудники Политехнического музея оказали помощь в атрибуции экспонатов. В результате исследований была выявлена уникальность музейных предметов. С целью их сертификации в качестве статуса «Памятник науки и техники» были составлены информационные карты и получены заключения профессионалов для предоставления в Экспертный Совет. Сегодня уникальные предметы имеют почетное звание «Памятник науки и техники I категории» (ПНТ), демонстрируя эволюцию развития инструментария горных геометров за XVII-XIX века. Это «часовой» круг, «лежачий» компас-«переносец» фирмы «КОНИ МОСКВА», солнечные часы с компасом «КОНИ», Алидада «*Kruines a Paris*», инclinатор (буссоль наклонений) О. Рихтера, микроскоп Э. Кальпепера. Материалы этих исследований опубликованы автором в научно-техническом и производственном журнале «Маркшейдерский вестник» за 2017 – 2019 гг. [4]. Работа по изучению наследия подземных геометров в музее колледжа продолжается.

Однажды, просматривая содержимое полок в шкафу фондов музея, автора привлек отблеск латуни: за теодолитом стоял непонятого назначения инструмент с любопытной маркировкой – «FR.J. BERG STOCKHOLM». Визуально инструмент напоминал визирное устройство. Естественным желанием было понять его применение и происхождение. Фирма-изготовитель играет немаловажную роль в атрибуции музейного предмета. На основании Адрес-календарей Стокгольма (Stockholms adresskalender), любезно представленных господином Н.Г. Филатовым, удалось выяснить, что Frans J. Berg открыл своё дело (фабрику математических и геодезических инструментов) в 1850 г. В Горном журнале за 1901 г. также упоминается механик Фр. И. Берг (Frans J. Berg) в Стокгольме, как изготовитель инструмента [5, с. 49]. Таким образом, дата изготовления предмета относится к периоду между 1850 – 1898 гг., т.к. в 1899 г. фирму наследует К. Эрик Берг, возможно, сын.

Обращает внимание конструктивное сходство с угломером-винкельвайзером Н. Фойгтеля, описанным В.А. Гордеевым в труде «Маркшейдерское искусство Средневековья» [6, с. 13]. Винкельвайзер (Winkelweiser) представлял собою деревянный брусок с визирками, который устанавливался на штатив (кол) с возможностью вращаться вокруг вертикальной оси. Под бруском натягивался шнур, на который подвешивался компас. Винкельвайзер с помощью визирок наводился на наблюдаемый предмет и по компасу считывались отсчеты [Ил. 1, стр. 84].

Очевидна преемственность. Рычаг музейного предмета снабжен визирными диоптрами с приспособлениями для направляющего шнура на последующую точку-сигнал. Прибор закреплен на втулке, имеющей два установочных винта, и приспособлен для установки на кол или штатив в процессе центрирования компаса над маркшейдерской точкой. Предмет своим устройством демонстрирует прекрасный пример реализации более раннего технического решения. Коллимационная плоскость (вертикальная плоскость, в которой находятся оси диоптров) корректируется зажимным и микрометрическим винтами для более точного визирования на точку. Круглый уровень позволяет установить плоскость прибора в строго горизонтальное положение. Кроме того, данный инструмент снабжен поверочными винтами ряда конструктивных узлов для контроля взаимно перпендикулярного расположения осей. Таким образом достигается достаточно высокий уровень измерений.

Многие источники периодической печати XIX – начала XX вв. стали доступны для изучения в результате их оцифровки. Так, были просмотрены абсолютно все номера Горного журнала, начиная с первого выпуска 1825 г. В журнале за 1901 г. автора заинтересовала статья Ф. Дальблома «О магнитных рудных месторождениях и их разведке путём магнитных измерений» [5], в которой излагался опыт магнитометрических изысканий. Чертежи к этой статье (в электронном варианте отсутствовали) удалось найти в библиотеке Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Так, цепочка последовательных действий привела к открытию: фонды музея колледжа обладают магнитометром Талена-Тиберга [Ил. 2, стр. 84]. Первая версия принадлежности инструмента к угломерам оказалась ошибочной.

Для поисков железных руд успешно применялись различные варианты рудничных компасов. В XVII веке берграт (генеральский чин V класса, бригадир) Даниэль Тилас изобрёл «шведский горный компас». В отличие от немецкого, магнитная стрелка «удобоподвижна по всем направлениям, горизонтальным и вертикальным» [7, с.180]. У шведского компаса нет лимба, разделенного на градусы. На внутренней поверхности цилиндрической коробки нарезан горизонтальный круг на одной высоте с точкой опоры стрелки. Относительно этого круга определялось наклонение магнитной стрелки.

Один из основоположников магнитной разведки шведский физик, профессор Роберт Тален (Tobias Robert Thalen, 1827 – 1905) считал, что обнаружить маг-

нитную аномалию недостаточно, и предложил собственный способ изучения рудных залежей, чем положил начало применению магнитометрии «в качестве вспомогательной науки к горному делу». Суть предлагаемого метода он изложил в обобщающем труде «Исследование местностей на месторождения железных руд посредством магнитных измерений» (1877, свободный перевод профессора Г.А. Тиме). «...*Статья не имеет целью вытеснить рудничный компас из его употребления при отыскании железных руд, – писал он, – так как в этом отношении инструмент, без сомнения, весьма полезен. Напротив того... будем надеяться достигнуть желаемой цели... получить возможно более сведений на счет положения и характера рудных месторождений, прежде чем приступить к дорогостоящим детальным разведочным работам*» [7, с. 182 – 183].

Магнитометр Талена состоял из компасной коробки, лимб которой разделялся на градусы. Перпендикулярно к диаметру, проходящему через 0°, в горизонтальной плоскости шла рукоятка, заменяющая диоптры для провешивания линий. На ней находился неподвижный магнит, продольная ось которого параллельна рукоятке. С другой стороны компасной коробки находилась втулка, в которую вставлялся латунный стержень. На стержень накладывался стальной магнит. Инструмент устанавливался на штативе, имел уровень и винты для приведения его в горизонтальное положение, вращался вокруг вертикальной оси [5, с. 30 – 31; 7, с. 185 – 186, 264]. В заключение статьи Р. Тален «открыто» заявлял: «... *полезно было бы подвергнуть Гороблагодатский горный округ на Урале тщательному и подробному магнитному исследованию... сведущим и добросовестным маркшейдером*».

Позднее Ф. Дальблом [5] указал на недостаток инструмента Р. Талена: «...мало применим к измерению вертикальной силы», т.к. именно вертикальное напряжение раскрывает в лучшей степени положение рудных тел. А также приводит описание простого инструмента, имеющего «громаднейшее» практическое значение при определении этой величины – инклинометр Э. Тиберга (E. Tieberg).

Инклинометр Тиберга (магнитные весы) предназначался только для определения вертикальной слагающей магнитной силы. Особенности устройства инструмента заключались в определенном положении магнитной стрелки. При производстве наблюдений компасную коробку можно было подвешивать или ставить на мензулу.

От соединения двух инструментов: магнитометра Талена и инклинометра Тиберга произошел комбинированный магнитометр. «Различие между Таленовским и комбинированным магнитометрами заключается просто в том, что в последнем обыкновенно употребляющаяся компасная коробка заменена инклинометром Тиберга», – писал Ф. Дальблом [5].

Таким образом, при более детальном изучении магнитометра из фондов музея выяснилось отсутствие съёмной части – компасной коробки или инклинометра – основного элемента. Другая часть комплекта, на которую прикрепляется инкли-

натор, имеет достаточно сложную технически конструкцию. Автор убеждена, идея её устройства заимствована, как уже отмечалось выше, с винкельвайзера.

Выпуск первого отечественного магнитометра М-2 в нашей стране освоил ленинградский завод «Геологоразведка» только в 1930-е гг. В течение двух десятилетий магнитометр М-2 оставался основным полевым инструментом советских геофизиков. Он представлял собой конструктивно иное устройство – вариант вертикальных весов Шмидта. Безусловно, магнитометр Талена-Тиберга второй половины XIX в. является ярким примером приёма комбинирования инструментов в изобретательской деятельности инженеров, редким свидетелем возникновения новой отрасли науки и техники. Это первый прибор, позволявший производить измерения магнитных характеристик как в режиме магнитного теодолита, так и в режиме инклинометра. Учитывая вышесказанное, очевидно, что шведский магнитометр Талена-Тиберга заслуживает присвоения статуса «Памятник науки и техники» (ПНТ), т.к. сыграл важнейшую роль для становления магнитного метода разведки месторождений полезных ископаемых.

Исследование музейного предмета логически подвело к попыткам изучения его бытования, принадлежности физическому лицу, а также необходимости рассмотреть вопросы развития магнитометрических работ на Урале. Известно, что первые «магнетические» измерения в России принадлежат Г. Александру фон Гумбольдту (1798 – 1859). Министр финансов того времени, выражая Высочайшую волю своего Монарха, писал знаменитому немецкому естествоиспытателю: «...и так сему для наук и для России важному предприятию ничто более не препятствует...» [8, с. 230]. С Гумбольдтом по России путешествовали натуралист Христиан Готфрид Эренберг и минералог Густав Розе. Начав своё путешествие 8 мая 1829 г. (ст. стиль) из Санкт-Петербурга, в Тагил исследователи прибыли 15 июня. В Нижнем Тагиле Гумбольдта и его свиту сопровождал талантливый инженер Фотий Ильич Швецов – выпускник Выйского училища (историческим преемником которого является колледж), только что вернувшийся из Европы. Он около восьми лет пробыл за границей и владел многими европейскими языками. Путешественники осмотрели металлургические процессы Демидовских заводов, спускались в Медный рудник, исследовали золотоплатиновые россыпи. После чего отбыли на Кушвинский завод, где произвели магнетические измерения на горе Благодать. Подобные измерения во время путешествия были произведены А. Гумбольдтом на Южном Урале в Кыштыме, а также в Санкт-Петербурге.

Упомянутая выше статья Ф. Дальблома о магнитометре вышла в переводе на русский горным инженером Барбот-де-Марни (1868 – 1939). Евгений Николаевич Б. де Марни в 1889 – 1890 гг. провел на Урале основательную разноплановую разведку качканарских руд и осуществил первую геофизическую съёмку, исполнив таким образом пожелание Р. Талена. Он первым в России применил магнитометрическую съёмку (1899), используя прибор Талена-Тиберга [9].

Департамент Горных Дел в 1908 г. направил в Швецию освоить опыт изыскания магнитных руд профессора В.И. Баумана (1867 – 1923). Именно Бауману, по свидетельству И.М. Бахурина, «...принадлежит честь практического внедрения магнитометрии в России» [10, с. 48]. Идеальными объектами для развития магнитометрии стали уральские месторождения магнитного железняка. На Урале, как констатировалось в отчёте Геолкома за 1918 г., «магнитометрическая разведка в широком масштабе... впервые в России была поставлена в 1914 году в Нижнетагильском горном округе под руководством профессора Баумана» [11]. Эти измерения дали для промышленности богатый практический результат. Труды В.И. Баумана легли в основу дальнейших изысканий в Нижнетагильском горном округе.

В 1920-е гг. геологическую службу Высокогорского железного рудника треста «Востокруда» возглавил приехавший из Ленинграда прекрасно образованный инженер Станкевич [Ил. 3]. Владислав Ипполитович Станкевич был геологом, как говорят, от бога: скромный неутомимый труженик. По воспоминаниям современников, он пользовался большим авторитетом и в Тагиле, и в Свердловске, и в Ленинграде, и среди американских специалистов – американская фирма «Оглбей-Нортон» (Oglbey-Norton) участвовала в совместном проекте по открытой разработке месторождения.

В.И. Станкевич внёс неоценимый вклад в геологическое изучение не только окрестностей Нижнего Тагила. В 1920-е гг. Станкевич создал геофизические отряды, которые занимались магнитными съёмками рудопроявлений и месторождений. Съёмка проводилась при личном участии В.И. Станкевича инструментами Талена-Тиберга и «Морским котелком». Заметим, «котелок» сконструирован на основе чувствительного и точного корабельного компаса. В.И. Станкевич широко пользовался материалами магнитной съёмки В.И. Баумана и внедрял геофизические методы для разведки месторождений и эксплуатационных нужд. Кроме разведочных работ он осуществил подсчет запасов руд Высокогорского и Лебяжинского месторождений, занимался вопросами обогащения руд, составил обзор марганцевых месторождений Урала и т.д.

Работа В.И. Станкевича прервалась в 1937 г. Его репрессировали как врага народа, приговорили Военной Коллегией Верховного Суда СССР ВМН к расстрелу, что и было исполнено в том же году в Свердловске. Дополнительной проверкой по делу в 1957 г. установлено, что Станкевича осудили необоснованно; материалы дела были фальсифицированы. Станкевич реабилитирован полностью посмертно. Реабилитировала его и та огромная работа, которую он так добросовестно, не жалея сил, выполнял на пользу своей стране [12].

Одновременно с основной деятельностью Владислав Ипполитович преподавал курсы «Минералогии» и «Полезных ископаемых» в Нижнетагильском горно-металлургическом техникуме. Возвращаясь к вопросу бытования, можно предположить, что магнитометр Талена-Тиберга использовался В.И. Станке-

Ил. 3. Станкевич В.И. 1930 г. музей НТГМК.

вичем на занятиях в качестве учебного инструмента. Сегодня появилась возможность рассказывать студентам о магнитометре как о музейном экспонате с удивительной историей, что, без всяких сомнений, будет способствовать формированию творческой, инициативной личности студентов.

В заключение отметим, проделана большая работа по сбору информации и доказательствам значимости магнитометра, но существенная утрата (съёмная часть) не позволила присвоить ценному экспонату статус ПНТ. Не все загадки разгаданы. Работа по изучению наследия горных геометров продолжается. Ожидают своего часа и другие инструменты, сложного устройства и простого: астролябия, кипрегели, гониометры, экскеры...

Таким образом, музей колледжа вносит свой вклад в дело просвещения и сохранения уникального исторического наследия России. Статусные раритеты, свидетели ушедших эпох, экспонируются в Демидовском зале музея колледжа – преемника уральской частной горнозаводской школы.

Список источников и литературы:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 625. Оп. 1. Д. 535. Л. 170.
2. Виноградов А. Первая школа. Нижний Тагил: сб. очерков / А. Виноградов. Свердловск, 1945. С.97.
3. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2041. 1882. Л. 38.
4. Зайцева Н. В. // Маркшейдерский вестник. 2017. № 2; № 5; 2018. № 5; № 6; 2019. № 5.
5. Dalbloom T. Gisements de fer magnetique et leur exploration au moyen de l'aiguille aimantee, 1898.; Дальблом Ф. О магнитных рудных месторождениях и их разведке путем магнитных измерений // Горный журн. 1901. Кн. 1. № 1. С. 18-60.
6. Гордеев В. А. Маркшейдерское искусство Средневековья // Маркшейдерский вестник.

2015. № 4.

7. Thalen R. Sur la recherche des mines de fer l'aide des mesuiren magnetiques // Nova acta Regiae societatis scientiarum. Ser. III. Upsala, 1877.; Тален Р. Исследование местностей на месторождениях железных руд посредством магнитных измерений // Горный журн. 1883. Кн. 1. № 2. С. 179-264).

8. О путешествии Г. ф. Гумбольдта по России // Горный журн. 1830. Кн. 2. № 5. С. 229-263.

9. Барбот де Марни, Евгений Николаевич [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Барбот_де_Марни,_Евгений_Николаевич. (дата обращения: 3.09.2019).

10. Гордин В. М. Очерки по истории геомагнитных измерений / В. М. Гордин. Москва, 2004. 162 с.

11. Филатов В. В. История геофизических исследований на Урале в XVIII-начале XX в. [Электронный ресурс] // Известия Уральского гос. горного ун-та. 2016. Вып. (42). С. 91-93. Электронная копия доступна на сайте электрон. б-ки Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-geofizicheskikh-issledovaniy-na-urale-v-xviii-nachale-xx-v (дата обращения: 19.06.2019).

12. Богданова О. Н. История геологических исследований г. Высокой и других месторождений района Нижнего Тагила: век XX [Электронный ресурс]. // История Нижнего Тагила от основания до наших дней: сайт. 2000-2020. URL: http://historyntagil.ru/kraeved/tk_16_04.htm (дата обращения: 02.09.2019).

УДК 930.85+94(47)

В.В. Запарий,

д.и.н., профессор, УрФУ
Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
vvzap@mail.ru

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

В статье профессора В.В. Запария, национального представителя РФ в Международном комитете по сохранению индустриального наследия (ТИССИ), дается характеристика этапов развития российского движения за сохранение индустриального наследия в нашей стране, указаны проблемы и трудности, даются характеристики и особенности российского пути развития движения.

Ключевые слова: Международный комитет по сохранению индустриального наследия; Россия, история, культура, музеи, Урал.

V.V. Zapariy,

Doctor of History, Professor. UrFU.
Yekaterinburg. Mira st., 19.
vvzap@mail.ru

INDUSTRIAL HERITAGE OF RUSSIA: STUDY AND CONSERVATION ISSUES

The article by Professor V.V. Zapariy, the national representative of the Russian Federation in the International Committee for the Preservation of Industrial Heritage, gives a description of the stages of development of the Russian movement for the preservation of the industrial heritage in our country, identifies problems and difficulties, gives characteristics of the features of the Russian way of development of the movement.

Key words: The International Committee for the Conservation of Industrial Heritage (TICCIH); Russia, history, culture, museums, Ural.

Индустриальное наследие стало актуализироваться с середины 1970-х гг. прошлого века. Как известно, первые акции нарождавшегося движения прошли в Англии [2]. Через несколько лет это разрозненное движение было организовано в Международный комитет по сохранению индустриального наследия. В 1990-е гг. оно расширилось и превратилось в заметную самостоятельную и независимую силу на международной арене борьбы за сохранение целого кластера промышленной культуры.

Организирующая роль TICCIH сказалась не только в координации усилий в европейских странах. Очень скоро в него влились и отделения в Америке, со временем, в Латинской Америке, в Азии и Африке. Наряду с большой организационной работой TICCIH в этот период проводит и разъяснительную, пропагандистскую работу, выпуская его печатный орган – журнал «Бюллетень TICCIH» и целый ряд национальных журналов, большое количество научных и популярных статей.

Важной сферой деятельности организации является проведение международных конгрессов, на которых вырабатывается программа деятельности как организации, так и ее национальных комитетов на следующий период, избираются руководящие органы организации на следующий отчетный период. Публикуются отчеты национальных организаций. Однако на первом этапе своего существования деятельность TICCIH напоминала действие правозащитных организаций. Его члены выступали за сохранение тех или иных памятников индустриального наследия. Организовывали пикеты, кампании в прессе. И их деятельность носила рефлекторный характер. Не было теоретического осмысления целей и задач движения. Даже в определении того, что понималось под памятниками индустриального наследия, не было единообразия.

Это особенно стало очевидно в 1990-х гг., когда движение за сохранение индустриального наследия вышло за рамки Западной Европы. Этот процесс был закономерен и диктовался социально-экономическими процессами, происходившими в большинстве развитых и даже развивающихся стран. Во-первых, с вступлением развитых стран в период постиндустриального общества тяжелая и добывающая индустрия была существенно сокращена, а ее предприятия выведены в развивающиеся страны. В связи с чем возник вопрос о судьбах закры-

вающихся предприятий. Встала серьезная проблема, что с ними делать. Часть из них была разрушена. Однако даже организованный снос крупных предприятий требовал огромных затрат. С другой стороны, их ликвидация нарушала устоявшийся исторический пейзаж, что часто не приветствовалось местными жителями, активистами различных организаций, историками и культурологами.

Во-вторых, в процесс вмешалась техническая интеллигенция данных и не только территорий. Для многих из них утрата существовавших здесь когда-то производств была равносильна утрате историко-технологической памяти. Это касалось закрытия и крупных производств, которые определяли облик как целых регионов, так и небольших предприятий и объектов, которые стали исторической визитной карточкой определенной местности. Это касалось шахтеров, машиностроителей, электротехников и др. Все это способствовало поддержанию исторических профессиональных традиций, было необходимо и для подготовки новых квалифицированных кадров, формированию местного и национального патриотизма. Пришло осознание, что даже серийные предприятия, построенные в большом количестве, отражают определенный уровень развития науки и техники, характерный для своего времени, и представляют определенную историко-техническую, культурологическую ценность.

В-третьих, именно в это время у ряда ученых возникло понимание того, что памятники индустриальной эпохи являются такими же историческими памятниками, как и памятниками культуры как технологической, так и архитектурной. Что они являются также памятниками истории науки и техники, без которых невозможно представить адекватно историю развития общества в целом и какой-то страны или ее региона, в частности. Именно в это время ряды активистов-борцов за сохранение индустриального наследия пополнились отставными инженерами и техниками, ушедшими на пенсию и желающими сохранить место своей работы для потомков.

В-четвертых, в этот период возникло понимание того, что необходимо сохранить некоторые из объектов в виде своеобразных, технических музеев, которые могут быть задействованы в системе образования студентов и школьников. И уже тогда это стало своеобразным поветрием. Появились как просто технические музеи, которые существовали и раньше в небольшом количестве и носили универсальный характер музеев науки и техники, такие, как Политехнический музей в Москве, Немецкий музей в Мюнхене, Музей науки и техники в Париже и т.д., но и специализированные музеи: автомобильного транспорта, железнодорожные, авиационные и т.д. Наряду с гражданскими создавались и военные, танковые, артиллерийские и т.д.

В-пятых, стало понятно, что музеи науки и техники, памятники индустриального наследия, стали предметом туристского внимания и могут приносить не только отдачу в смысле распространения знаний о истории региона, страны, степени ее промышленного развития, но и стали источниками реальных доходов. В

связи с тем, что в мире широко расцвел индустриальный туризм, насчитывающий десятки миллионов своих адептов, они могли, и приносили реальный доход.

В-шестых, важнейшей проблемой стал вопрос реабилитации и последующего использования памятников индустриального наследия, который решался на государственном и общественном уровнях уже некоторое время в ряде стран. Был накоплен такой опыт и в нашей стране как в центре, так и в регионах.

И, наконец, в связи с ростом количества независимых государств, развалом колониальных империй появилась необходимость осознания своего места в мире большому числу новых территорий. Возникла необходимость в написании их национальной истории, и возник к этому большой интерес. Это произошло не сразу, а в начале уже нового тысячелетия, что привело к расширению национальных представительств или их созданию в большом числе стран по всем континентам. В наши дни памятники истории науки и техники, индустриального наследия стали модным трендом в дизайне, важным элементом в стиле современной жизни.

Наша страна не была передовиком в создании и развитии этого движения. Это объясняется целым рядом факторов. Здесь были объективные причины и субъективные. Во время существования СССР у нас не очень обращали внимание на памятники индустриального наследия. Да и самого понятия такого не существовало. Были памятники культуры и исторические памятники. К ним относился ряд памятников индустриального наследия, если они имели революционную историю. Что касается объективных условий, то в нашей стране очень долго использовались старые цеха и механизмы, если они приходили в негодность, то их ломали. То есть проблема такая не стояла вообще. Только с развалом СССР и появлением Российской Федерации и других стран СНГ, резкого сокращения промышленного производства встал вопрос о том, как поступать с этими предприятиями и объектами. Кроме того, наши граждане начали интересоваться всем тем, чем интересовались граждане других стран. Т.е. мы включились в мировой процесс. Наиболее быстро это можно было сделать в области культуры. И вот здесь на первый план выходит индустриальное наследие, которое неплохо сохранилось в целом ряде регионов огромной страны.

Особенно много его памятников сохранилось на Урале, представлявшем на протяжении последних 300 лет промышленный регион мирового значения. Именно здесь и зародилось российское движение за сохранение индустриального наследия. Был и еще ряд причин того, что именно в данном регионе это произошло. Об этом мне приходилось неоднократно писать [5]. Среди объективных причин этого первородства можно назвать большое число сохранившихся памятников индустриального наследия в виде металлургических и машиностроительных предприятий, водонапорных башен железных дорог, мостов и т.д. Среди субъективных следует назвать большое число инженерно-технических работников, историков-индустриальщиков, музейных работников, краеведов, просто неравнодушных людей, живущих здесь.

Следует отметить решающую роль Института истории и археологии УрО РАН и его директора академика В.В. Алексеева, работников Уральского архитектурного университета, активно занимавшихся архитектурной составляющей регионального индустриального наследия. Так в 1992 г. было создано российское отделение ТИССИИ. Впервые его российским национальным представителем стал В.В. Алексеев, а Е. Логунов вошел в центральный орган бюро ТИССИИ. Именно тогда началась национальная страница этой организации в России. Российское представительство активно включилось в работу по выявлению памятников индустриального наследия, их пропаганде, работы по их учету и сохранению. С ними активно знакомили мировую общественность. К нам зачастили члены ТИССИИ, ученые. Сразу всем стало понятно, какой огромный кластер мирового наследия находится в регионе. Важным для пропаганды российского и уральского индустриального наследия стала конференция в Нижнем Тагиле в 1994 г. и особенно конгресс ТИССИИ в России, который прошел в 2003 г. [8].

Она началась в Москве, продолжилась в Екатеринбурге и, наконец, закончилась в Нижнем Тагиле. Однако ее главным значением было то, что в ходе работы была принята Нижнетагильская декларация, положившая начало разработке и принятию методологии движения. Именно она послужила началом перехода к научности и появлению теоретических подходов. Необходимо было сформулировать теоретическую основу движения, определиться с методологией, целями и задачами, предметом исследования. Потому что у участников движения не было единого подхода к таким основополагающим понятиям, как то, что такое памятники индустриального наследия, каковы цели и задачи движения, принципы его работы не были сформулированы. Основное различие в подходах заключалось в том, что у западных наших коллег на первое место выходили неодушевленные артефакты и сооружения, механизмы и машины, а также индустриальные ландшафты. В российской научной точке зрения помимо перечисленного присутствовал еще и человек-творец: инженер и изобретатель. Таким образом, мы включали сюда не только результат инженерной мысли, но и саму мысль в виде чертежей, фотографий и т.д. Это активно обсуждалось в сообществе ТИССИИ накануне и в ходе конференции и нашло свое отражение в ее материалах и в Нижнетагильской декларации, о чем я рассказывал в ряде публикаций [4].

Наверное, с формальной точки зрения, конец 1990-х гг. был временем подъема и распространения движения в России. Под его знаменем объединились все неравнодушные к нашей истории и науке. Проходили масштабные мероприятия, конференции, выпускались материалы, проводились встречи с государственными и муниципальными чиновниками, активистами и спонсорами. Определенный интерес к этому проявили власти и бизнес, которые рассчитывали на создание положительного имиджа о себе, выход на международную арену, привлечение спонсоров из-за рубежа, развитие индустриального туризма. Большая работа была проведена музейщиками. Общественность Нижнего Тагила вышла

с инициативой создать индустриальный парк на основе бывшего демидовского завода в городе. Были оправлены соответствующие документы на утверждение губернатору Э.Э. Росселю. Бумаги очень долго согласовывались и в результате им был подписан указ о создании такого исторического парка, который существует и сейчас. Но это тема отдельного исследования. Существенную роль сыграли работники ИИиА УрО РАН и здесь позитивную роль сыграл административный ресурс, которым располагал академик В.В. Алексеев. Под его руководством был проведен ряд исследований, которые впервые выполнялись в России. Кроме того, эти работы по сохранению индустриального наследия были переведены из разряда инициативных компаний отдельных активистов-общественников в научную плоскость. И это большая заслуга членов ТИССИИ в России в то время.

К этой работе подключились ученые из других регионов. Три конференции по проблемам сохранения индустриального наследия одна за другой были проведены в Саранске, Гусь-Хрустальном и Выксе [6]. Активно велись работы профессором М.С. Штиглиц в С.-Петербурге, результатом которых стала великолепная научная работа по индустриальной археологии [7]. Определенный вклад в общее дело осуществили ученые УГТУ-УПИ, результатом которого стало создание кафедры истории науки и техники и преподавание этого курса в вузе, широкая научная и публикационная деятельность в этом направлении [1]. Продолжалась большая работа архитекторов под руководством профессора Л.П. Холодовой, результатом которой стал ряд публикаций по конструктивизму и архитектурной истории металлургических заводов Урала.

Определенным этапом движения по сохранению индустриального наследия явилась работа по созданию музея техники Урала под руководством губернатора Свердловской области А. Мишарина. Такая работа по осуществлению идеи создания регионального, а затем и федерального музея истории науки и техники позволила нескольким чиновникам, за государственный счет, съездить и ознакомиться с тем, как обстоят дела с такими музеями в Германии, Франции и США. Однако, как только губернатор был переведен на другую работу, эта идея была стремительно забыта.

К сожалению, за это время не было конституировано и формально закреплено российское отделение ТИССИИ. Даже смена национального представителя, когда вместо академика В.В. Алексеева им стала профессор Л.П. Холодова, а затем и профессор В.В. Запарий, не привела к существенным подвижкам, о чем я писал в своей публикации в прессе [6]. Видимо, причина этого кроется не столько в персоналиях, ведущих эту работу, а в общем равнодушии государственных, региональных и муниципальных чиновников к этому вопросу. Может быть, причина в том, что идеи по сохранению индустриального наследия невозможно быстро монетизировать, они не могут принести быстрые и существенные дивиденды, ни госструктурам, ни ответственным лицам.

Как показывает практика, в России ничего не происходит без регулирующей

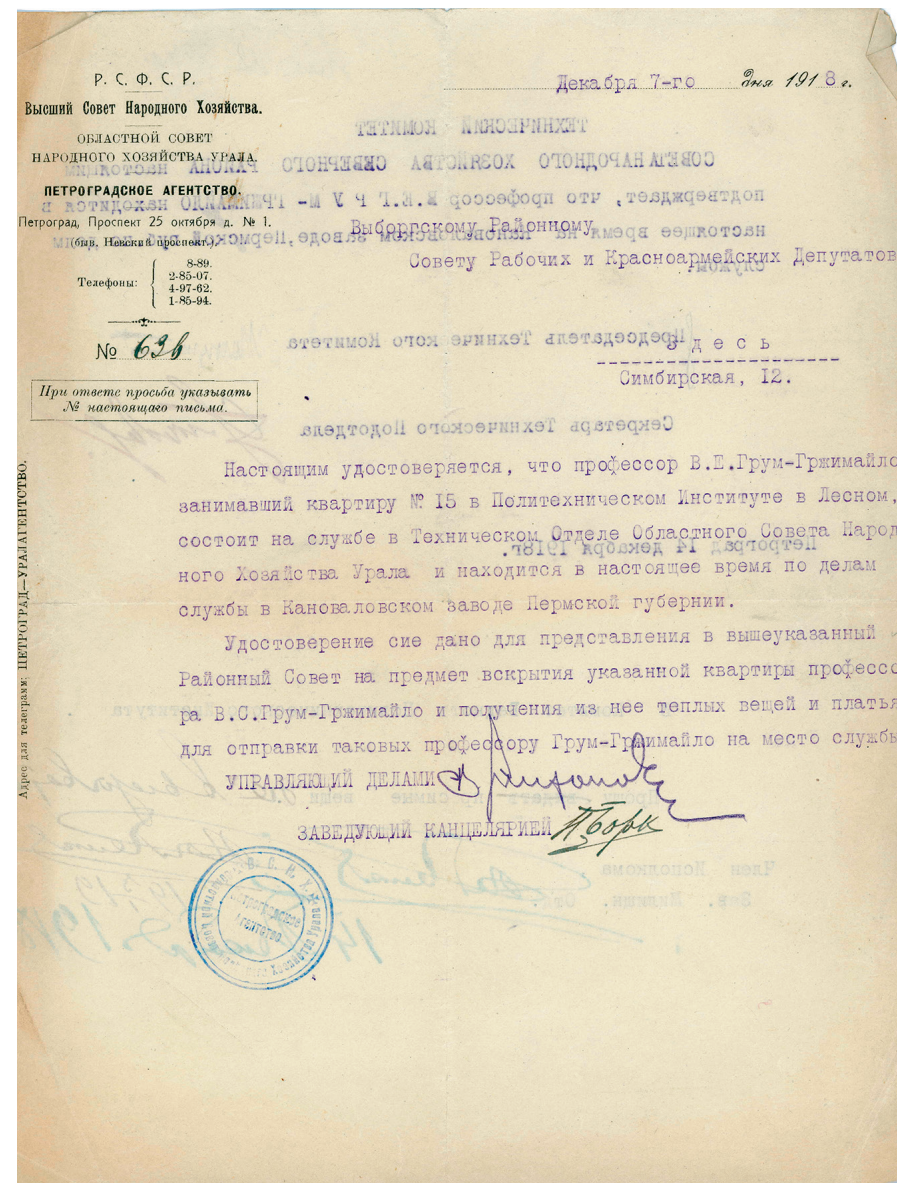
роли государства, а его заинтересованности в вопросе о сохранении индустриального наследия до сих пор нет. До тех пор, пока государство не заинтересуется этими вопросами, которые могут позволить решить целый ряд политических, культурологических, исторических, научно-технических проблем, ни на какие позитивные подвижки рассчитывать не приходится. Таким образом, работа ведется, и она достаточно интенсивная. Подчас очень удачная, но она не поощряется государством, им не руководится и поэтому недостаточно продумана не только на настоящее время, но и на перспективу. В последнее время утрачены тесные связи с ТИССИИ (в связи с отсутствием финансирования и поддержки со стороны государственных органов), и это неправильно, о чем неоднократно говорили как ее руководители, так и рядовые члены, потому что в мире мало стран, которые внесли на столько значимый вклад в индустриальное наследие мира, как Россия.

Список источников и литературы:

1. Годы поисков и свершений: материалы пятой ежегодной научной конференции Кафедры истории науки и техники История науки и техники в современной системе знаний, 8 февраля 2015 г. Екатеринбург, 2015. 381 с.
2. Запарий В. В. Движение за сохранение индустриального наследия в России: этапы, проблемы и перспективы развития // Шестые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений. (Екатеринбург. 20 – 21 апреля 2006 г.). Екатеринбург. В 2-х тт. Т. 1. С. 3–7.
3. Запарий В.В. Успехи и поражения Российского национального представительства Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИИ) // Веси. 2015. №10. С. 49–2.
4. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13. Москва, 2007. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 39). С. 211–217.
5. Запарий В. В. Этапы, проблемы и перспективы Движения за Сохранение Индустриального Наследия в России и на Урале // Академия инженерных наук на Урале: научно-практическая и организационная деятельность на рубеже веков. В 3-х т. Т. 2. Академические кадры, научные направления, научные центры, предприятия РУО АИН. Екатеринбург, 2006. С. 185–191.
6. Индустриальное наследие: материалы международной научной конференции. Саранск. 23–25 июня 2005 г. Саранск, 2005.
7. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «индустриальной археологии» / М. С. Штиглиц. Санкт-Петербург, 2003. 280 с.
8. XII International Congress «The transformation of old industrial canter and the role of industrial heritage». Abstracts of papers. Moscow-Ekaterinburg-Nizny Tagil. July, 10 – 17. 2003. – 88 с.

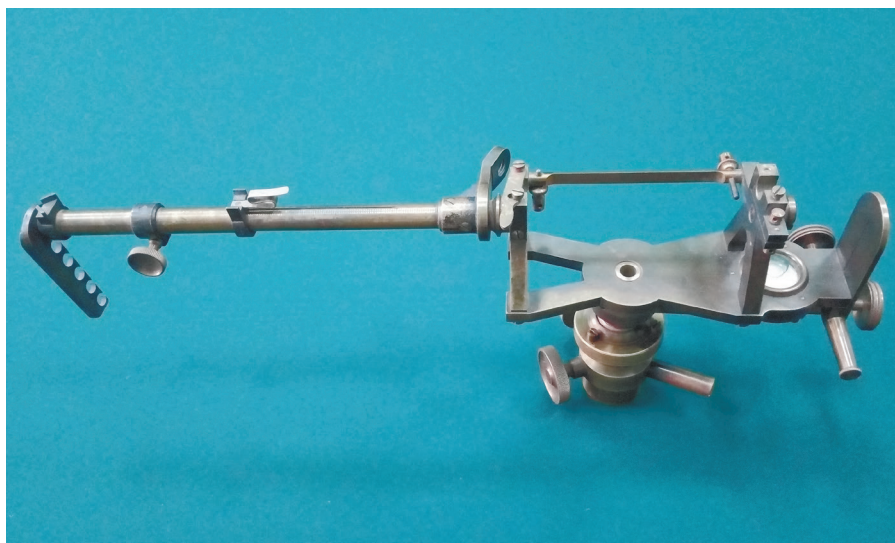
Ил. 1. Фирменный стиль для Ассоциации «Индустриальное наследие Урала» Разработан С.В. Нармания, студентом 4 курса отделения Графического дизайна Уральского колледжа прикладного искусства и дизайна (филиал) ФГБОУ ВО «МГХПА им. С.Г.Строганова». Руководитель – К. В. Ларина Ксения Владимировна.

Ил. 3 Удостоверение В.Е. Грум-Гржимайло от 7 декабря 1918 г. Научный архив НТМЗ.

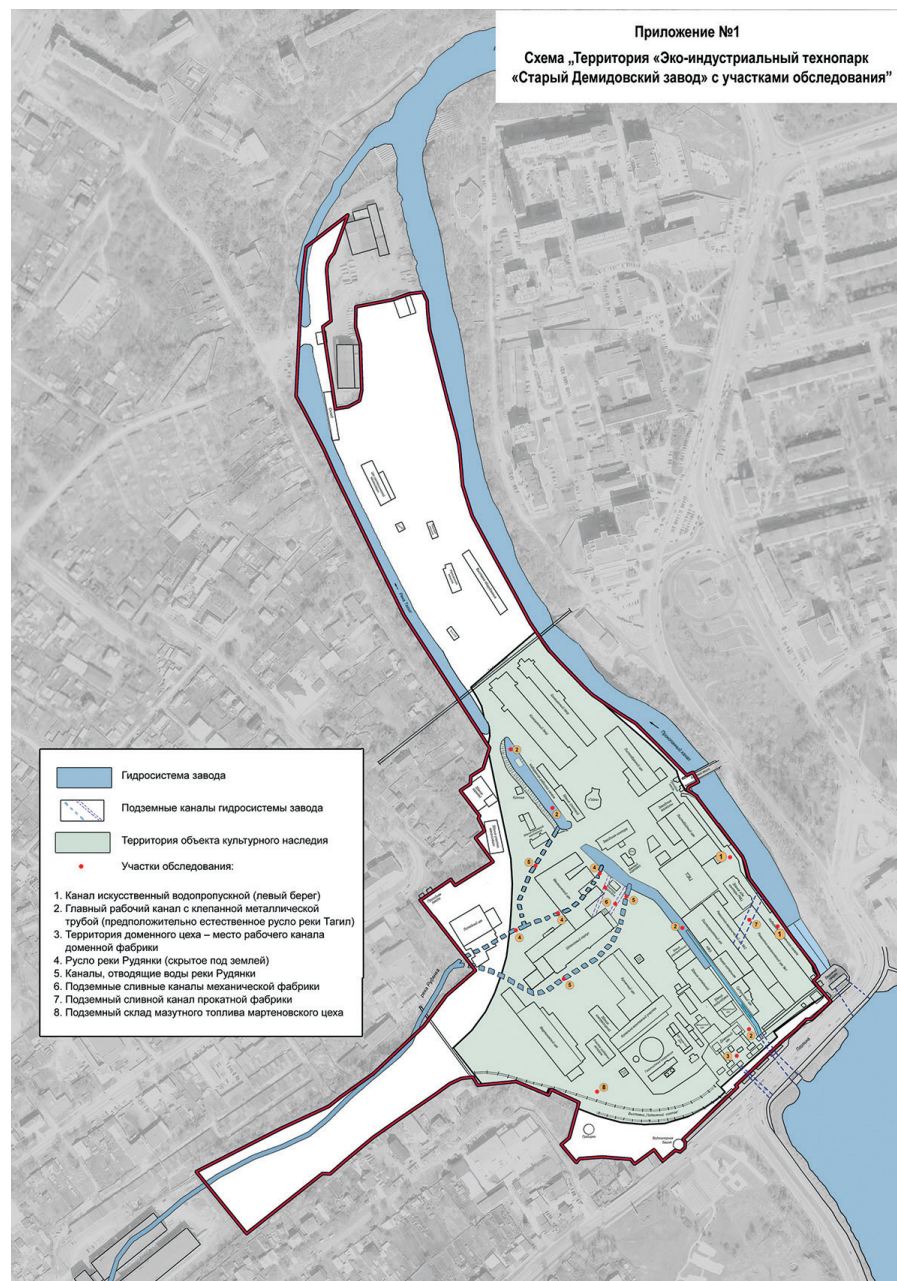
Ил. 1. Вингельвайзер.

Ил. 2 .Магнитометр Талена-Тиберга. музей НТТМК.

Ил. 1. Музей стрит-арта
[Электронный ресурс. Публичная страница] // Вконтакте: социальная сеть. URL: <https://vk.com/streetartmuseum>

Ил. 1. Приложение к техническому заданию на комплексные инженерные обследования

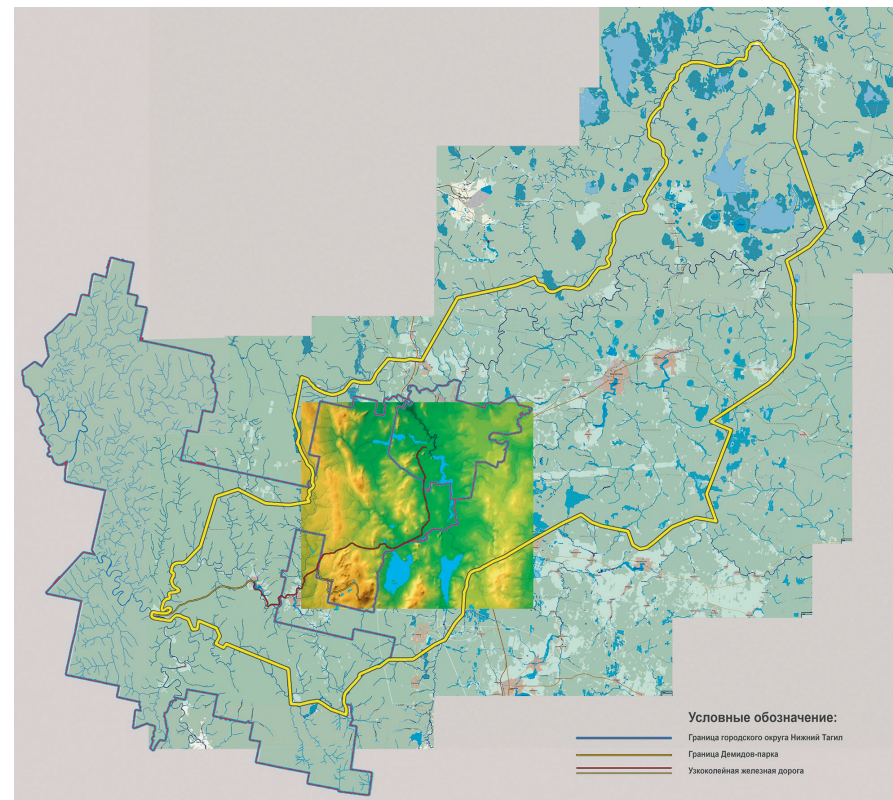
Ил. 2. Главный рабочий канал завода. Фото Ю.М. Баранова. 2020 г.

Ил. 3 Канал, отводящий воды реки Рудянки. Фото Ю.М. Баранова. 2020 г.

Ил. 4. Подземный сливной канал механической фабрики. Фото Ю.М. Баранова. 2020 г.

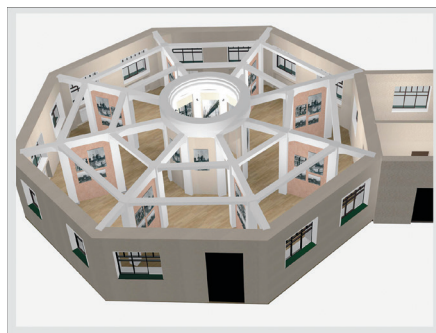
Ил. 5. Схема гидросистемы Нижнетагильского завода

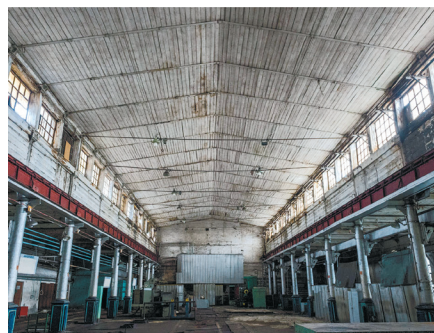
Ил. 6. Вновь выявленный подземный канал. Фото Ю.М. Баранова. 2020 г.

Ил. 1. Здание гайки. Фото 2017 г.

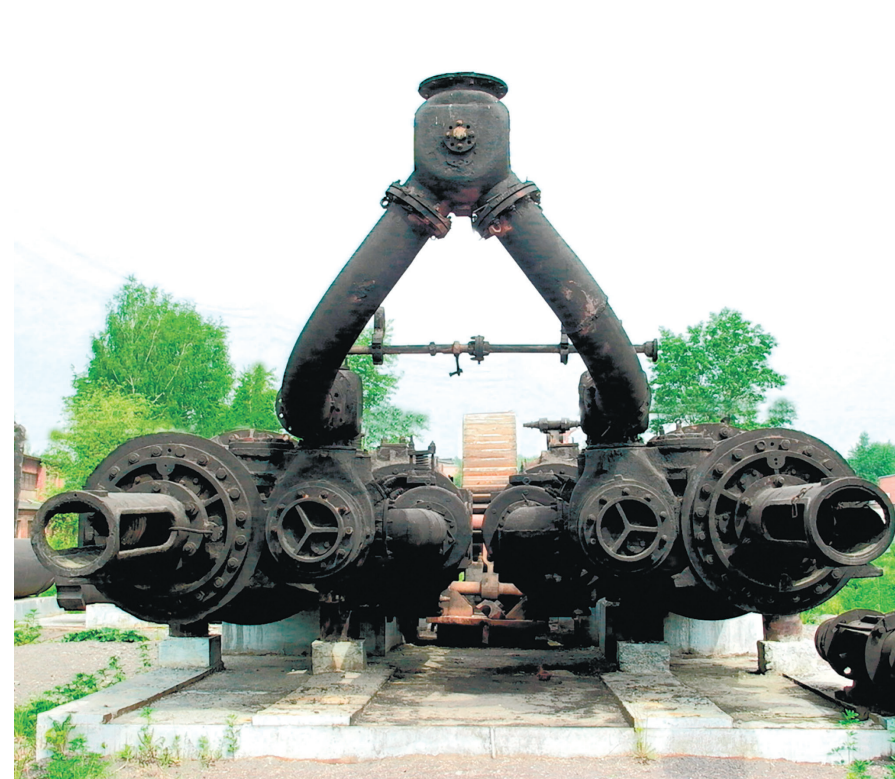
Ил. 2. Пример адаптации здания гайки под выставочный зал для тематических выставок.

Ил. 3. Интерьер механического цеха.

Ил. 4. Пример использования здания механического цеха для показа мод.

Ил. 2. Паровая машина листопрокатного стана фирмы «Демаг». 1913 г.

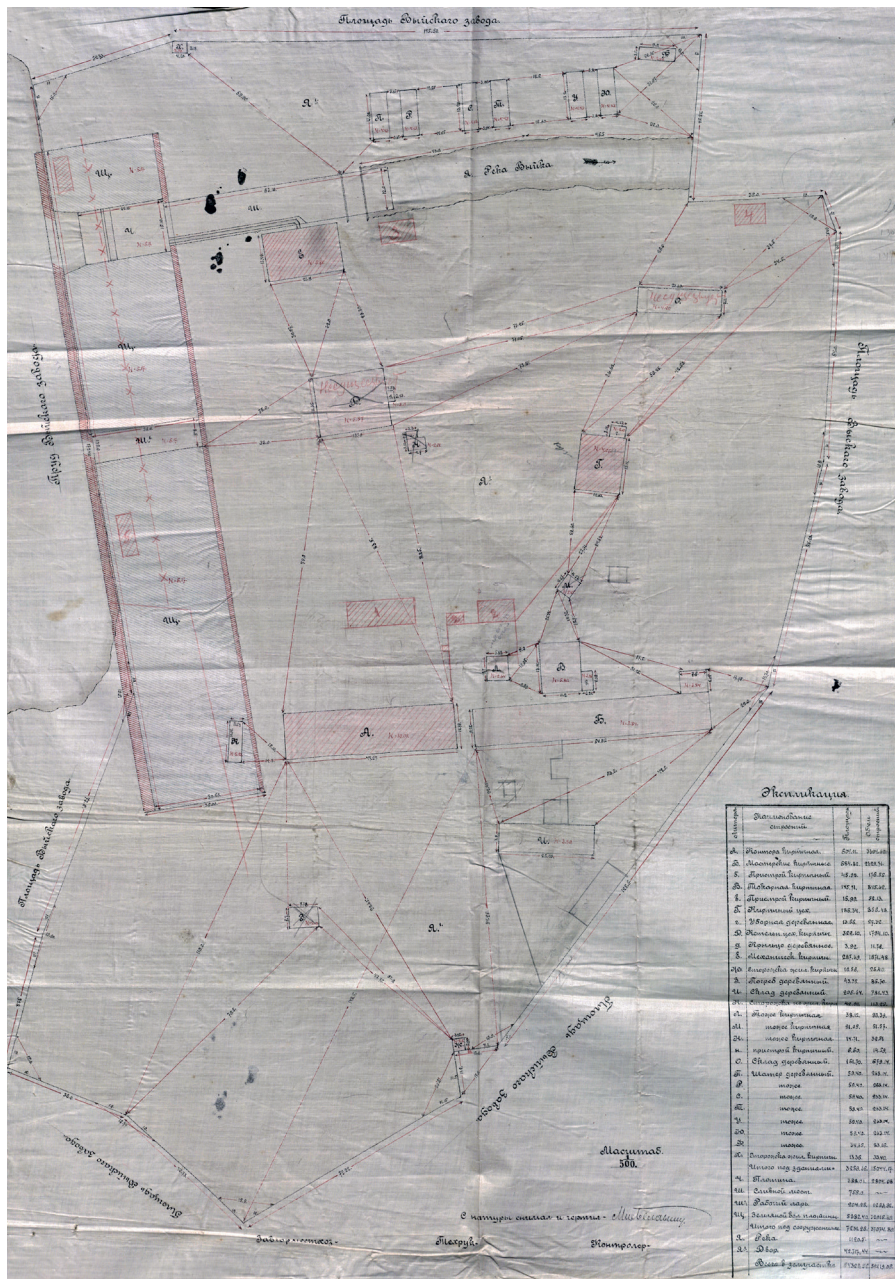
Ил. 2. К. Ивановская. №7. Луньевка. 1903 г.
Открытое письмо. НТМЗ. Фотофонд. ФТМ-2519-5.

Ил. 3. Вид на памятник Н.Н., Нижнетагильский завод и Лисью гору. XIX в. Альбуминовый отпечаток на паспарту.
НТМЗ. Фотофонд. ФТМ-27.

Ил. 2. Реконструкция Предзаводской площади 1828 г.

Ил. 2. Генеральный план площади бывшего Выйского завода. 1929 г. Из Фондов НТМЗ «Горнозаводской Урал» (НВ-5278).

Ил. 2. Остатки заброшенного в конце 1920-х годов сахарного завода в молодом грабо-вом лесу около села Иванков Андрушевского р-на Житомирской обл.

Ил. 1. Созданная в конце XVIII в. имитация руин в парке Национального историко-культурного заповедника «Качановка», Ичнянский р-н Черниговской обл.

УДК 008.009

Л.Г. Иливицкая,
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
медицинский университет»,
443099, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89.
laraili@mail.ru

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ГОРОДА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ГОРОЖАНАМИ

В статье предпринята попытка рассмотреть индустриальные районы как часть смыслового пространства города. В качестве объекта изучения был взят промышленный район г. Самара – Безымянка. На основе данных социологического исследования была показана разница в его восприятии жителями, проживающими как на ее территории, так и в других районах города.

Ключевые слова: город, индустриальные районы, Безымянка, соцгород.

L. G. Ilivitskaya,
candidate of philosophy, associate Professor
Samara State Medical University
443099, Samara, 89 Chapayevskaya str.
laraili@mail.ru

INDUSTRIAL AREAS OF THE CITY AND THEIR PERCEPTION BY CITIZENS

The article attempts to consider the industrial areas as part of the city's semantic space. The industrial region of Samara - Bezmyanka was taken as the object of study. Based on the data of the sociological study, the difference in its perception by residents living both on its territory and in other areas of the city was shown.

Keywords: city, industrial areas, Bezmyanka, socialist city.

А. Лефевр утверждал, что раздельность – это одна из основных черт современного города, который больше не представляет собой единое, интегральное, упорядоченное образование. В нем скорее усматривается раздробленный многомерный феномен, составные части которого обладают разнокачественными характеристиками. Причем присущая городу раздельность обусловлена не только (и не столько) формальными причинами, связанными, например, с его административным делением на районы, микрорайоны, кварталы, улицы. В качестве ее оснований могут быть рассмотрены самые различные факторы: социальные, экономические, исторические и др. Мы, обращаясь к индустриальным районам, исходим из понимания города как пространства смыслов, тем самым акцентируя внимание на значимости символических и ценностных значений, приписываемых горожанами тем или иным его местам и территориям, которые и выступают

условиями дифференциации и иерархизации городского пространства.

Говоря об индустриальных районах, возникших в целом ряде российских городов (Казани, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Ижевске, Самаре, Улан-Уде, Новосибирске и многих других) в 30-е гг. XX вв., следует указать на изначально заложенное в них противопоставление «старой» части города. Будучи обязанными своим появлением потребностям и задачам индустриализации, они в то же самое время в своем большинстве планировались как город в городе. По своему содержанию индустриальные районы были призваны реализовать основные положения концепции соцгорода, в которых нашли воплощение представления о новых формах бытия, новом образе жизни, новых условиях, в которых должен жить советский человек-труженик. Однако, создаваемые как идеальное пространство для жизни человека нового типа, они, по существу, стали своими антиподами. «Задуманное пространство» (А. Лефевр) данных районов на уровне городской ментальности приобрело на долгое время совершенно другой смысл. Они не только не опознавались в качестве образцового городского устройства, они вообще зачастую не принимались как то, что может быть опознано как город.

В нашем исследовании мы попытались определить, как в настоящее время оцениваются жителями города данные районы. В качестве объекта исследования был взят индустриальный район г. Самара – Безымянка. Следует отметить, что Безымянка, будучи типичным для российских городов образованием по своему происхождению, является нетипичной по способу своего существования для феноменов подобного рода. Исторически она не является территорией с четко определенным административным статусом. Данное название района присутствует лишь в повседневном дискурсе жителей города. Для нас это обстоятельство является достаточно значимым, так как указывает на преобладание смыслов, которыми наделяется пространство, над территориальными границами, административными статусами и т.п.

Безымянка – это название промышленного и жилого массива, формирование которого хотя и относится к началу XX вв., однако его утверждение в качестве именно индустриального района связано, во-первых, с реализацией в 30-х гг. XX вв. плана по строительству на данной территории образцового соцгорода, а, во-вторых, с началом Великой Отечественной войны, с эвакуацией из западных регионов страны целого ряда крупных заводов. В книге «Борис Кожин рассказывает...» автор пишет, что, когда все заводы съехались из разных городов на Безымянку, то они привезли другое дыхание. Там образовался другой город, другая культура. «И жители старой Самары – они не очень-то понимают жителей новой. Это разные города, и разговаривать с их обитателями надо на разных языках» [2, с. 321]. Образование Безымянки породило негласное противостояние исторического центра, «старого» города и первого индустриального городского района. Причем последний, несмотря на мощный индустриальный импульс, который он придал Самаре, в этом противостоянии явно проигрывал, наделяясь негативны-

ми оценками.

В проведенном нами исследовании было опрошено 225 жителей г. Самара. Тип выборки – целевая. Данный тип выборки позволил определить общие и специфические тенденции в восприятии Безымянки в оценках жителей, проживающих как на ее территории, так и в других районах города.

Для решения задачи, связанной с определением смыслов и ценностного наполнения данного района с точки зрения жителей города, респондентам было предложено указать три прилагательных, наиболее точно характеризующих, с их точки зрения, Безымянку.

Для определения модальности отношения жителей города к Безымянке указанные прилагательные были рассмотрены исходя из содержащейся в них оценки: положительной, отрицательной, нейтральной, противоречивой (содержащей как негативные, так и позитивные характеристики) (см. табл. 1).

**Таблица 1 – Модальность оценок Безымянки
(в %% к общему числу ответивших)**

Оценка	Все респонденты	Жители Безымянки	Жители других районов
Положительная	41,7	55,3	23,1
Отрицательная	26,8	13,2	46,2
Нейтральная	9,4	7,9	11,5
Противоречивая	22,0	23,7	19,2

Как видно из представленных данных, исторически сложившееся неприятие Безымянки со стороны жителей других районов города по-прежнему сохраняется. Чуть меньше половины (46,2%) оценивают ее негативно. В то время как каждый второй человек, проживающий на Безымянке, относится к ней положительно. Сумма нейтральных и противоречивых оценок приблизительно одинакова в опрошенных группах.

Далее все прилагательные, вне зависимости от представленного в них оценочного значения, были сгруппированы в тематические блоки, отражающие различные аспекты городской жизни, с которыми чаще всего ассоциируется Безымянка. Мы остановимся на тех блоках, которые наиболее представлены в ответах респондентов, одновременно указывая на присущие им оценочное и смысловое наполнения.

**Таблица 2 – Основные характеристики Безымянки
(в %% к общему числу ответивших)**

Оценка	Все респонденты	Жители Безымянки	Жители других районов
Промышленная ориентация	43,51	46,75	38,88
Благоустроенность	33,59	27,27	42,59
Удобство проживания	24,43	23,38	25,93
Криминальный характер	17,56	12,99	24,07
Удаленность	8,40	2,60	16,67
Населенность	8,40	12,89	1,85
Перспективность	7,63	10,39	3,70

Наибольшее количество ответов вполне предсказуемо набрал тематический блок, связанный с промышленной ориентацией Безымянки. Такие характеристики данного района, как «рабочая», «промышленная», «трудовая» наиболее часто используются респондентами вне зависимости от места их проживания. Однако об однозначном положительном ценностном звучании данного блока в оценках жителей города, на наш взгляд, говорить нельзя. Безусловно, осмысление района, в первую очередь, как промышленного, отсылает нас к его истории, к его вкладу в победу в Великой Отечественной войне, к признанию значения его промышленного потенциала для развития Самары. В то же время именно данная направленность Безымянки выступает основанием для его противопоставления «старому» городу, который заключает в себе характеристики «центральности», причем не только с исторической точки зрения, но и культурной, образовательной, досуговой и т.д. Промышленная ориентация Безымянки лишает ее данных статусных и смысловых возможностей, порождая представления о ней как о «пустом», «ущербном» пространстве [1, с. 162]. В данном исследовании на это указывает фактически отсутствие прилагательных, которые характеризовали бы ее с точки зрения исторического прошлого, культурного, образовательного значения для жизни города.

Второй по значимости тематический блок связан с благоустроенностью данного района. Причем для респондентов, проживающих за границами Безымянки, он является приоритетным при ее характеристике (42,59 %). Однако, вне зависимости от места проживания, фактически все респонденты прибегают к отрицательным по своему значению прилагательным при характеристике данного района: «грязный», «запущенный», «пыльный», «необустроенный», «неухоженный» и т.д. Единственным исключением стало фактически единичное определение Безымянки как «зеленого» района, высказанное 4,58% ответивших.

Говоря о следующем блоке, следует отметить, что, несмотря на то, что он достаточно часто используется при характеристике Безымянки, мнения о том, является ли данный район удобным для проживания, существенно различаются в зависимости от места жительства респондентов. Для подавляющего большинства жителей Безымянки он представляется «комфортным», «удобным», «уютным» и т.д. Жители других районов оценивают его как «старый», «брошенный», «разрушенный», «неудобный», «трусобный» и т.д.

При оценке района с точки зрения безопасности (четвертый по значимости тематический блок) также не наблюдается единства мнений. Для жителей других районов Безымянка видится «криминальным», «опасным» местом, населенным гопниками, алкоголиками и т.п., в то время как сами ее жители не столь однозначны. Наряду с признанием ее опасности, она в равной степени видится «тихим», «спокойным» районом.

Еще большая разница во мнениях проявляется при оценке Безымянки с точки зрения ее удаленности, населенности и перспективности. Хотя данные тематические блоки набрали равное количество ответов, их представленность оказалась в сильной зависимости от места проживания. Так Безымянку как «далекую», «удаленную» характеризуют, прежде всего, жители других районов. Для тех, кто проживает на Безымянке, она в качестве таковой не опознается. Для них наиболее значимым является ее определение как «многолюдной», «густонаселенной», а также обладающей значительными перспективами для своего развития («перспективная», «меняющаяся», «развивающаяся», «благоустраивающая»).

Таким образом, представленные результаты проведенного исследования показали, что Безымянка неоднозначно воспринимается жителями города, сохраняя в целом негативное к себе отношение со стороны жителей других районов. Общим в восприятии Безымянки является ее видение как недостаточно благоустроенной промышленной части города. В то же время для тех, кто проживает на Безымянке, она ассоциируется с удобным для проживания местом, обладающим значительными перспективами в будущем. Жители других районов оценивают ее скорее как далекий, опасный и некомфортный район.

Список источников и литературы:

1. Бурлина Е. Я. Хронотопия города: монография / Е. Я. Бутурлина. Самара, 2016. С. 240.
2. Кожин Б. Рассказывает Борис Кожин. Самара. 2007. 576 с.

УДК 30 (304.3)

В.Ю. Козлова,

кандидат исторических наук
ГК БУК Пермский краеведческий музей,
614000 г. Пермь, ул. Монастырская, 2 к. 1.
veronikakozlova2011@yandex.ru

ИСТОРИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПЕРМИ, ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СЛЕДЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

В статье сделана попытка сформулировать характерные черты так называемой «горнозаводской цивилизации» и проследить их проявление на территории города Перми в XVIII-XIX веках. Автор высказывает предположение о том, что сложившаяся в советский период систему размещения заводов по территории города, социальную ответственность советских заводов перед работниками, взаимосвязь промышленности и культуры в Перми можно охарактеризовать как «заводскую цивилизацию». Современное положение дел в Перми можно назвать «постзаводской цивилизацией», поскольку заводы утратили свои градообразующие и социально определяющие функции.

Ключевые слова: города-заводы, социальная ответственность, горнозаводская цивилизация, горные заводы.

V. Yu. Kozlova,

candidate of history
Perm Museum of local lore, 614000 Perm, Monastyrskaya str., 2 K. 1.
veronikakozlova2011@yandex.ru

HISTORY OF THE MINING CIVILIZATION IN PERM, ITS TRASFORMATION AND TRACES IN THE MODERN CITY

The article attempts to formulate the characteristic features of the so-called «mining civilization» and trace their manifestation on the territory of the city of Perm in the XVIII-XIX centuries. The author suggests that the system of placing factories on the territory of the city that developed in the Soviet period, the social responsibility of Soviet factories to employees, and the relationship between industry and culture in Perm can be described as «factory civilization». The current state of Affairs in many cities, including Perm, can be called «post-factory civilization», since factories have lost their city-forming and socially defining functions.

Keywords: factory cities, social responsibility, mining civilization, mining plants.

При первом взгляде на историю города Перми может показаться, что город не имеет никакого отношения к горнозаводской цивилизации, однако мы считаем, что отношение это прямое. На протяжении всей пермской истории влияние горных и других заводов ощущалось в той или иной степени.

Академическую формулу «горнозаводской цивилизации» сформулировал

профессор Пермского университета Павел Богословский в 20-е гг. XX вв. Он отметил, что горнозаводский Урал – это уникальный феномен, а не просто провинция со старыми заводами. Затем эту тему уже в 2000-е гг. вновь поднял писатель Алексей Иванов. Для него горнозаводская цивилизация – система ценностей, основанная на труде, особая местная идентификация [4].

На наш взгляд, горнозаводская цивилизация – это чётко определённый уклад жизни тех, кто работал на заводе, прописанный в государственных документах. Основы этой цивилизации были заложены в разработанном В.Н. Татищевым в 1735 г. «Заводском уставе» [6, с. 89]. Хотя он официально не был принят, но фактически действовал на протяжении XVIII в. По этому уставу действовал Егошихинский медеплавильный завод, основанный Татищевым в 1723 г., от которого берёт начало город Пермь. Окончательно черты горнозаводской цивилизации были прописаны в «Горном положении для управления заводов Хребта Уральского» 1806 г. [3]. Этот документ регламентировал деятельность руководства казённых заводов и все стороны жизни населения. Само понятие «горнозаводская цивилизация» нужно связывать именно с этим документом.

К моменту принятия «Положения» Егошихинский завод прекратил действовать, однако в 4-х верстах от города находился Мотовилихинский медеплавильный завод, крупнейший в регионе. Он является ярким образцом казённого поселения, где неукоснительно выполнялись пункты «Горного положения», определяющие черты горнозаводской цивилизации. Основная особенность её – это, как сейчас говорят, социальная ответственность за своих работников заводской администрации и государства. Эту черту можно проследить на примере Мотовилихинского завода. Завод всем нижним чинам и мастерам выдавал бесплатно ежемесячно так называемый провиант на работника и его семью. Он составлял 51 пуд 22 фунта ржаной муки и ячной крупы в год, то есть 935 килограммов [1, л. 79]. Существовала система пенсионного обеспечения. Нижние и рабочие чины могли выйти в отставку после 35 лет «беспорочной службы» [2, с. 496]. В случае болезни работники казённых заводов получали бесплатно медицинское пособие, лекарства и содержание в заводском госпитале. За это с них удерживалась половина жалования и провианта, вторую половину получали члены семьи. При казённых заводах были богадельни, куда принимали бедных, увечных, стариков, малолетних сирот как из работников завода, так и членов их семей. Заводуправление помогало работникам в строительстве и ремонте домов. Тем, кто, не имея достаточно средств, выдавалось пособие. Лес для строительства отпускался из ближних дач.

Самой важной особенностью горнозаводской цивилизации было фактически всеобщее образование мужского населения. Для обучения грамоте и горному делу детей работников горных заводов были учреждены первоначальные, или заводские, школы в каждом заводском селении. Горный начальник следил, чтобы все сыновья работников, состоящих на Горной службе, без исключения обуча-

лись в школе. Все эти положения работали в Мотовилихинском заводе до отмены крепостного права в 1863 г.

Во время отмены крепостного права было изменено и горное законодательство, но частично льготы для горнозаводского населения были сохранены. Работники получили в собственность свои дома, оставались свободными от рекрутской повинности. Важным упущением при отмене крепостного права стало изменение положения с образованием. Чётко продуманная, высокого качества система горнозаводского образования постепенно перестала существовать. Пришедшие на смену министерские, земские и церковно-приходские школы ни по качеству образования, ни по охвату населения не соответствовали запросам населения.

Ещё одна черта горнозаводской цивилизации – особый тип поселения – город-завод. Этот термин впервые использовал Анатолий Луначарский в 1928 г. в одноимённом очерке в газете «Вечерняя Москва». Он писал «Уральские заводы – маленькие города... Центром является одно или два заводских предприятия. Всё это расположено типичным для Урала образом, вокруг гигантского пруда...» [4, с. 3]. В целом такой подход к определению сохранился до сих пор. Термин город-завод к Мотовилихинскому заводу применим буквально.

Рассмотрим основные черты города-завода. Первая состоит в том, что горнозаводские поселения изначально возникали как зародыши промышленных городов. Они при возникновении приобретали промышленную функцию в отличие от большинства официальных городов, которые длительно развивались от многофункциональных доиндустриальных поселений к индустриальным. В жизни этого типа поселения огромную роль играл завод, и само поселение находилось на землях завода. Вторая особенность – структура поселения. В центре поселения строился завод, который размещался по одну сторону плотины и пруда. Вход на завод совпадал с главной городской площадью. Эти особенности поселения можно назвать внешними.

Кроме этого стоит выделить особенности, отражающие сущностные стороны поселения. Третья характеристика – соединение промышленности и культуры. Прежде всего, это относится к образованию, которое появилось на многих заводах одновременно с производством. Практически все представители мужского пола из мастеровых и рабочих были грамотны, не говоря уже о большом штате горных чиновников, начиная от низших и заканчивая Горными инженерами. Последние имели одно из самых лучших образований в России и назначались только на руководящие и технические должности. Они старались помогать населению – просвещали его, безвозмездно выполняли работы на благо поселения. Именно представители технической интеллигенции стали участниками первых любительских театров, музыкальных вечеров. Вокруг них формировалась культурная среда заводских поселений.

Ещё одна черта, свойственная горнозаводским поселениям – общность их на-

селения. В них, в том числе и в Мотовилихинском заводе, отмечалась высокая степень причастности к общим задачам всех жителей. Заводское население – это своего рода община. Она формировалась за счёт того, что условия проживания людей на заводской земле были схожими. Все жилые строения поселений строились по утвержденному плану. Заводской администрации подчинялась полиция, которая охраняла порядок в поселении. Для работников завода была своя система суда. Все, имеющие дома в горном селении, освобождались от налогов на содержание города и от постоя. Мастерские и рабочие были свободны от государственных повинностей, в том числе рекрутской [2, с. 496]. Население было стабильным. Отсюда в горнозаводском поселении была низкая преступность, высокая солидарность при решении общих вопросов, как хозяйственных, так и культурных.

После отмены крепостного права на заводах в горнозаводских поселениях было введено волостное самоуправление по образу деревень, которое не могло эффективно решать задачи фактически городских поселений. Ещё одна проблема – замена заводской полиции местной, рассчитанной опять же по нормативам сельских селений. В Мотовилихе это противоречие было вопиюще. Краины быстро растущего поселения фактически оказались беззащитны. На рубеже XIX – XX вв. община во многих городах-заводах, в частности, в Мотовилихе, стала разрушаться из-за огромного количества приезжих.

Названные черты горнозаводской цивилизации в Перми в губернский период проявлялись в основном косвенно. Они были частично унаследованы новым городом от Егошихинского завода. Город стал административным и торговым центром. Горнозаводский уклад жизни отголосками звучал на небольших предприятиях. Во второй половине XIX в. с развитием судостроения появляются крупные судостроительные заводы. В период строительства Уральской горнозаводской железной дороги в центре города (рядом с вокзалом) открываются Железнодорожные мастерские. Так проявилась первая особенность промышленной ситуации в Перми – связка промышленности и транспорта. Вторая особенность сложилась исторически – в Перми крупные промышленные предприятия находились далеко от центра города или за его чертой. Все вновь строящиеся предприятия размещались либо на окраинах, либо на берегу Камы.

Можно отметить некоторые черты, свойственные горнозаводским поселениям, которые наблюдались в Перми. Так, социальная ответственность проявлялась через деятельность благотворительных организаций и отдельных лиц, борьбу с нищенством. Культура города также начиналась с образования, роль горной интеллигенции выполняли чиновники, позднее купцы. Общность населения в Перми ощущалась, хотя в отличие от городов-заводов здесь не сразу сформировалось постоянное население. Тем не менее, мы можем видеть несколько ярких примеров такой общности – сбор денег на строительство церкви, Театра, Александровской больницы, борьба за открытие Университета.

По отношению к Перми губернской и Перми советской можно скорее говорить о заводской цивилизации, так как здесь были не только заводы, которые «занимаются обработкой минеральных произведений» [7, с. 47]. Но традиции работы горных заводов и функционирования горнозаводских поселений оказались очень устойчивы и, трансформировавшись, сохранились в советское время. В 1920-30-е гг. формировалась новая заводская цивилизация Перми, определившая структуру города и положение городских районов. Пермь в довоенный период, утратив региональную административную функцию, стала превращаться в агломерацию городов-заводов.

В 1936 г. территория Перми была разделена на 3 района. Центральный район назывался Ленинский. Кагановичский район получил имя от своего главного предприятия – Пермской железной дороги. В южной части города крупнейшим был Моторостроительный завод № 19 имени И.В. Сталина и район назвали Сталинский. Уже в названии первых районов прослеживалась роль предприятий. В 1938 г. Мотовилиха стала Молотовским районом Перми. То есть, крупнейшее предприятие вошло в состав города. В 1940 – 1941 гг. в связи с расширением городской черты были созданы Кировский и Орджоникидзеvский районы. Все районы формировались вокруг крупных предприятий. В 1940 г. город получил имя Молотов в честь В.М. Молотова. Но это имя придало городу промышленный оттенок, в нём слышалось слово «молот». В годы Великой Отечественной войны заводская цивилизация Перми оформилась окончательно. В это время в город было эвакуировано 64 промышленных предприятия, промышленность города была переориентирована на военные нужды. Производственная база, сформировавшаяся в городе в этот период, позволила ему впоследствии стать одним из крупнейших центров военно-промышленного комплекса СССР.

С 1940-х гг. в Перми сложилась новая структура – вокруг исторического центра (территории города в XVIII – XIX вв.), где размещались административные и культурные организации, находились фактически города-заводы. Районы имели все признаки горнозаводских поселений. Завод брал на себя основные социальные функции – строил жильё, финансировал дошкольные учреждения, помогал школам, содержал больницы, отвечал за благоустройство района [3]. В каждом районе был построен одноимённый Дворец культуры, где сосредоточивалась вся культурная жизнь. В клубах и дворцах занимались как взрослые работники предприятий, так и дети всего района. В этих учреждениях выступали ведущие артисты города и страны.

Общность работников предприятий усилилась за счёт деятельности комсомольских и партийных организаций. В силу отдалённости районов от центра и друг от друга население в них было очень замкнуто, особенно до 1970-х гг., когда в городе, вытянутом на 70 километров вдоль Камы, были огромные проблемы с транспортом. Центр города воспринимали и называли «город», а свой район как близкое и родное место. Каждый район был обеспечен учреждениями образо-

вания, культуры, быта, что позволяло длительные периоды не выезжать из него.

Ещё одна черта пермской заводской цивилизации – прежде всего производство и выполнение планов для страны, а благоустройство и уровень жизни населения уже потом. Поэтому облик города долгое время был неприглядным. Основной жилой фонд составляли бараки, коммунальные квартиры, частный сектор. Только с середины 1950-х гг. начинается постепенный снос ветхого жилья и строительство нового. В 1970-80-е гг. проводится благоустройство города, строительство новых культурных и общественных зданий. В 1990-е гг. происходит разрушение заводской цивилизации – заводы приватизируются, банкротятся, разрушаются.

К началу XXI в. в Перми, как и в других городах, сложилась «постзаводская цивилизация». К этому времени заводы утратили свои градообразующие и социально определяющие функции. В центре города мало что напоминает о промышленном прошлом. Но в последние годы заводы превращаются в символический образ или смысловой код города. Этапным в плане осмысления промышленной истории города стал III городской Исторический форум «История Перми: от заводского поселка к промышленному мегаполису», проходивший в 2018 г. Однако в целом индустриальное наследие, а также проявление черт горнозаводской и заводской цивилизаций в Перми, ещё требует глубокого изучения и осмысления.

Список источников и литературы:

1. ГАПК. Ф. 279. Д. 426. Л. 79.
2. Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения. (13.07.1806) // Полное собрание законов Российской империи: собрание первое: с 1649 по 12 дек. 1825. Санкт-Петербург, 1830. Т. 29. С. 439–630. URL: <http://elibrary.ru/nodes/178> (дата обращения: 23.10.2020).
3. Даньшина В. В., Соловьева В. В. Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР. // Вестник АГТУ. Сер. Экономика. 2015. № 3. С. 67–73.
4. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. Москва, 2014.
5. Луначарский А. Города-завод // Вечерняя Москва. 1928. 23 янв. С. 3.
6. Сафронова А. М. Документирование деятельности коронной администрации в Заводском уставе В. Н. Татищева 1735 г. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 288–311.
7. Свод учреждений и уставов горного управления // Полное собрание законов Российской империи: собрание второе: [с 12 дек. 1825 по 28 фев. 1881 года] : [в 55-ти т. с указ.]. Санкт-Петербург, 1832. Т. VII.

УДК 09

И.Б. Короткова,
генеральный директор
ООО «Издательский дом Баско» (г. Екатеринбург).
pressa@basko.ru

Н.С. Корепанов,
ведущий научный сотрудник
Музей истории Екатеринбурга (г. Екатеринбург).
nk-ekb@yandex.ru

РУКОПИСЬ А.С. ЯРЦОВА «РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ИСТОРИЯ»: НАУЧНОЕ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ РЕШЕНИЕ

Статья кратко характеризует рукопись начала XIX в. Аникиты Ярцова «Российская горная история» и представляет ее издание. А. Ярцов, выдающийся горный специалист и администратор XVIII – начала XIX вв., находясь в отставке, подготовил 11 томов рукописи по истории и современному для него состоянию горной промышленности России. Рукопись прежде не публиковалась. Ныне екатеринбургское издательство «Баско» опубликовало четыре тома рукописи, посвященные Уралу.

Ключевые слова: Аникита Ярцов, Урал XVIII – XIX вв., историческая рукопись, горнозаводская промышленность, издательство.

I.B. Korotkova,
генеральный директор general manager
Basko Publishing House LLC (Yekaterinburg).
pressa@basko.ru

N. S. Korepanov,
leader research associate
Museum of Yekaterinburg History (Yekaterinburg).
nk-ekb@yandex.ru

A. S. YARTSOV «RUSSIAN MINING HISTORY». MANUSCRIPT. SCIENTIFIC AND PUBLISHING SOLUTION

The article briefly describes the manuscript of the beginning of the XIX century by Anikita Yartsov «Russian mining history» and presents its publication. A. Yartsev, an outstanding mining specialist and administrator of the XVIII – early XIX centuries, while in retirement, prepared 11 volumes of the manuscript on the history and current state of the Russian mining industry. The manuscript has not been published before. Nowadays the Yekaterinburg publishing house «Basko» has published four volumes of the manuscript dedicated to the Urals.

Keywords: Anikita Yartsov, the Urals of the XVIII – XIX centuries, historical manuscript, mining industry, publishing house.

В настоящее время в екатеринбургском издательстве «Баско» реализуется масштабный научный и издательский проект. Речь идет о публикации известной, но до недавних пор малоизвестной даже для специалистов рукописи Аникиты Сергеевича Ярцова «Российская горная история».

А.С. Ярцов (Ярцев; 1736 – 1819) весьма заметный в истории российской промышленности XVIII – XIX вв. специалист и администратор, добившийся в своей деятельности выдающихся результатов.

А.С. Ярцов родился в Екатеринбурге в семье горного офицера, учился в Екатеринбургских школах. Семья его жила на Алтайских, Красноярских, Верх-Исетском заводах, в Екатеринбурге. С 1754 г. А.С. Ярцов состоял на горной службе, в 1758-1762 гг. учился в Московском университете, одновременно при Берг-коллегии (очевидно, при Московской берг-конторе) приобрел квалификацию пробирного мастера. В 1762 – 1771 гг. руководил строительством Климковского и Холуницкого железоделательных заводов в Вятской провинции; возглавлял заводское хозяйство генерал-прокурора Сената Александра Глебова в Вятской провинции (Климковский, Холуницкий, Уинский, Шермяитский заводы). В 1771 – 1780 гг. возглавлял заводы Олонцовского края, там руководил строительством Александровского пушечного завода. В 1780 – 1796 гг. (после коренной реорганизации горного ведомства) находился на службе в гражданском ведомстве: являлся советником Петербургской гражданской палаты, директором Петербургского горного училища, вице-губернатором Владимирской губернии.

В 1797 – 1802 гг. А.С. Ярцов в чине действительного статского советника занимал тогда учрежденную (фактически восстановленную) должность главного горного начальника Уральских заводов. К его непосредственным заслугам этого периода следует отнести воссоздание разрушенной в ходе реформы 1781 г. системы регионального горного управления, вывод края из серьезного кризиса, строительство вблизи Екатеринбурга Нижнеисетского стального завода, многократное увеличение добычи золота и превращение золотодобывающей отрасли в одну из наиболее прибыльных отраслей Российской империи. Особо требуется подчеркнуть, что в тогдашних своих распоряжениях, а затем и в его рукописи, А.С. Ярцов первым из администраторов и ученых активно использует слова «Урал», «Уральский» и определяет Урал с его заводами и заводскими землями как единый регион, вне зависимости от существующих административных границ.

В 1802 – 1806 гг. А.С. Ярцов входил в сенатскую комиссию по составлению свода законов по горному ведомству (проект Горного положения 1806 г.).

После отставки (1806 г.) и, очевидно, до последней своей возможности А.С. Ярцов работал над рукописью по истории и современному ему состоянию горно-заводской промышленности России. После его кончины рукопись была передана в Горный департамент и, в конечном счете, оказалась в библиотеке Петербургского горного института. Подробные данные об этом приведены в статье директора библиотеки С.О. Никиташинной [1].

В настоящее время рукопись А.С. Ярцова составляет 7 частей, переплетенных в 11 томов:

1. предисловие, история происхождения «славяно-русских, куманских и исторских народов» (очевидно, славянских, тюркских и финно-угорских);
2. история и описание Замосковных заводов (т.е. заводов Центральной России);
3. история и описание Олонцовских заводов;
4. история и описание Уральских заводов (4 тома);
5. история и описание Алтайских заводов;
6. история и описание Нерчинских и Красноярских заводов;
7. история и описание заводов и горного дела Северного Кавказа, Грузии и Таврической губернии (2 тома).

Известно о публикации нескольких фрагментов рукописи и отдельных высказываний А.С. Ярцова в научной и краеведческой литературе (в том числе и с повторным цитированием). Тем не менее, сколько-нибудь значимых выдержек из рукописи до недавних пор не было. Среди аналитических работ о горной службе А.С. Ярцова и о его главном аналитическом труде особо выделим статью екатеринбургского историка Э.А. Пензина [2].

Вероятно, наиболее серьезная попытка публикации рукописи была предпринята известным историком Урала В.В. Данилевским. Известно, что конце 1940-х гг. он работал с рукописью (вероятно, с привлеченными специалистами), подготовил машинописную расшифровку нескольких томов, в т.ч. «Уральской части». Об этом историк сам написал в одной из своих работ, где высоко отозвался как о личности автора, так и о его рукописи, привел из нее несколько цитат и анонсировал ее издание [3]. По неизвестной причине книга Ярцова в то время так и не была издана.

После ознакомления с существующей машинописной расшифровкой 1940-х гг. нынешние составители убедились в недопустимо высоком количестве неточного и ошибочного прочтения авторского текста. Возможно, это и явилось одной из причин отказа от издания. Кроме того, составители машинописного текста игнорировали авторские зачеркивания, в ряде случаев содержащие ценную информацию или же личные (иногда весьма эмоциональные) оценки автора. Наконец, авторский текст никак не был прокомментирован.

В этой связи в издательстве было принято принципиальное решение готовить оригинальную расшифровку рукописи без использования машинописной копии 1940-х гг. и с подготовкой исторических и археографических комментариев (включающих все авторские зачеркивания), с составлением словаря редких слов и терминов и т.д.

Здесь особо следует подчеркнуть чрезвычайную сложность расшифровки именно «Уральской части» рукописи.

Собственно рукопись представляет собой беловой текст, написанный рукой

секретаря с последующей авторской правкой – зачеркиваниями, всевозможными вставками слов, фраз и целых абзацев, переносами и разрывом текста, подклейками или подшивками новых листов и т.д. При этом наиболее серьезная правка затронула именно «Уральскую часть», превратив ее, по сути, в отредактированный автором черновик. Более того, основная часть 3 тома и почти половина 4 тома «Уральской части» написаны непосредственно рукой А.С. Ярцова, также с последующей правкой. В отличие от каллиграфического почерка секретаря, авторский почерк гораздо менее разборчив и более емок – при расшифровке и последующем электронном наборе объем информации на странице, написанной автором, обыкновенно превосходит объем, написанный секретарем, более, чем в два раза. К тому же лексика и орфография, использованные А.С. Ярцовым, намного архаичнее, относятся, скорее, к первой половине XVIII в.

За 2018 – 2020 гг. в издательстве «Баско» изданы три тома «Уральской части» рукописи [4], продолжается работа над четвертым томом. Расшифровка рукописи ведется по сканированным файлам.

При подготовке рукописи к изданию и при разработке археографического оформления были проведены консультации с основными рецензентами – д.и.н. Юркиным И.Н. и д.и.н. Побережниковым И.В. Естественно, был использован опыт составителя и научного редактора издания Корепанова Н.С., ранее подготовившего три сборника документов XVIII в. и несколько разделов к сборникам документов коллективного составления.

Еще раз подчеркнем: ввиду отсутствия окончательного авторского варианта текста издательство и составители не посчитали возможным игнорировать зачеркивания и никак не выделять поздние вставки. При оформлении рукописи к изданию зачеркнутые автором слова и фразы отмечаются в основном тексте отточиями и переносятся в раздел археографических примечаний каждого тома. Поздние вставки выделены в основном тексте квадратными скобками. Подобное оформление, несомненно, затрудняет чтение, но сохраняет главную особенность рукописи – ее характер черновика. Мы посчитали, что издание рукописи спустя два века после написания требует сохранить каждое слово автора.

Впрочем, в 4 томе мы посчитали возможным пропустить многостраничное дословное цитирование опубликованных нормативных актов начала XIX в. При этом к пропускам текста сделаны ссылки на «Полное собрание законов Российской империи».

В тексте рукописи часто встречаются собственные авторские примечания и комментарии, некоторые занимают целую страницу и более. В беловом тексте они приведены либо под строкой листа, либо в конце параграфа. При публикации их расположение сохранено.

Орфография и пунктуация в издании приближены к современным, с сохранением авторской стилистики. Орфография авторских вставок заметно отличается от секретарской и в издании сохранена: «Екатеринбурх», «Чюсовая»,

«чюгун», «безконечный», «зделать» и т.п. Ее архаика придает рукописи неповторимый колорит XVIII века, ярко характеризует личность А.С. Ярцова – состарившегося заводчанина, оставшегося мыслями в ушедшей эпохе.

Написание топонимов дается без изменений, в т.ч. с их разночтениями. Последний пункт особенно касается названий заводов: в рукописи обычно приводится по несколько вариантов написания.

Очевидно, что четыре уральских тома – наиболее масштабная и серьезная, а для автора и наиболее трудоемкая, часть рукописи. По «Уральской части» мы теперь судим о научном методе и исследовательском уровне автора.

Первый том содержит географическое описание края, краткую историю горного дела (начиная с XVI в.), историю и описание Екатеринбургского и ближних к нему заводов, а также Березовских золотых промыслов. Расчеты доходов от золотодобычи позволяют назвать этот том первым экономическим трудом на уральском материале, а самого автора – первым уральским экономистом. Второй том посвящен заводам восточного склона Урала к северу от Екатеринбурга; третий том, самый объемный – заводам Южного Урала и левобережья Камы. Четвертый том, заключительный, содержит описание заводов правобережья Камы и притоков рек Вятки и Вычегды, а также итоговые данные о доходах от уральских заводов, актовый материал. На основании приведенных в четырех книгах упоминаний, можно судить, что работа над ними, включая и позднюю правку, велась в 1810 – 1815 гг.

Также, судя по отзывам самого автора, материалом к написанию послужили документы Берг-коллегии, собранные в архиве его сыном Николаем (выполнявшим секретарские функции), данные с мест от его корреспондентов, состоявших на управительских должностях, и, очевидно, данные, накопившиеся в его собственном архиве за время службы на Урале. Весьма любопытны личные воспоминания и оценки автора, ибо работа имеет отчасти и мемуарный характер.

В работе А.С. Ярцов активно использует и приводит развернутые цитаты из печатных трудов. В основном это касается книги Ивана Филипповича Германа «Описание заводов, под ведением Екатеринбургского горного начальства состоящих» (Екатеринбург, 1808) и первого издания книги «Хозяйственное описание Пермской губернии» (Пермь, 1804). Особо отметим здесь неизбывные критические высказывания А.С. Ярцова в адрес И.Ф. Германа – как по поводу его управительского метода, так и относительно приведенных в его книге данных. Несомненно, это первый случай книжной полемики на уральском материале. Несомненно также, что консерватор по складу А.С. Ярцов считал своего фактического преемника, модерниста И.Ф. Германа почти антиподом, а работу свою предпринял, возможно, ради заочного спора с ним.

В этой связи требуется хотя бы краткая оценка труда самого А.С. Ярцова, сравнение его с известными работами Вильгельма де Геннина «Описание уральских и сибирских заводов» и того же И.Ф. Германа.

Мы предполагаем, что А.С. Ярцов имел намерение подготовить среди прочего – а может быть, и в первую очередь! – курс истории российского горного дела для учащихся петербургского Горного кадетского корпуса (бывшего Петербургского горного училища, впоследствии горного института). Как помним, сам он хорошо был знаком с жизнью высших учебных заведений. Во всяком случае, четкая структура томов – деление текста на параграфы с изолированным содержанием, достаточно выдержанный порядок описания заводов, обязательное объяснение автором встречающихся технических терминов (иногда и очевидное стремление лишний раз избежать их) местами очень напоминают учебное пособие.

Учитывая эту особенность, в издательстве было принято решение о дизайнерском исполнении настоящих и последующих томов в традициях печатного дела России первой половины XIX в.

При этом следует помнить, что А.С. Ярцов готовил свою работу, находясь в отставке, не имея административных возможностей, которыми, естественно, пользовались В.И. Геннин, И.Ф. Герман, директор Горного департамента А.Ф. Дерябин и др., чьи труды в гораздо большей степени имели характер сборников присланных с мест материалов. Поэтому следует согласиться с мнением рецензента издания И.Н. Юркина: несмотря на более сильное авторское начало, «Российская горная история» заметно уступает масштабом книге В.И. Геннина [5].

Здесь следует особо упомянуть еще одного автора в черед первых историков уральских заводов. Дело в том, что среди источников для написания «Российской горной истории» иногда называют работу горного специалиста Павла Егоровича Томилова [6]. Первоначально мы также придерживались этого мнения [7]. Однако подробное знакомство с четырьмя уральскими томами рукописи позволяют однозначно это опровергнуть: А.С. Ярцов, скорее всего, не был даже знаком с работой П.Е. Томилова.

Вообще, работа с рукописью и с сопутствующими архивными материалами неизбежно привела (и, несомненно, еще приведет) к пересмотру некоторых сложившихся в историографии утверждений.

Так, например, выяснилось, что А.С. Ярцов старше на год, чем это указано во всех формулярных списках и, на основании этого, попало во все поздние упоминания о нем. Выяснилось, что год себе он сбавил при поступлении в университет.

Также требуется опровергнуть утверждение о внедрении на Урале вагранок по его почину. Судя по рукописи, А.С. Ярцов не был склонен преуменьшать свои заслуги. О вагранках же в «Уральской части» рукописи нет ни единого упоминания. Скорее всего, внедрение их на Урале следует связывать с именем И.Ф. Германа.

И, судя по всему, требует серьезного уточнения история открытия и начала разработки березовских золотых россыпей. Дело в том, что описанные в 1 и 4 уральских томах характер верхового залегания золота в районе Березовских промыслов и принципы его добычи, введенные по настоянию А.С. Ярцова, сви-

детельствуют о фактическом открытии россыпей уже на рубеже XVIII – XIX вв. (хоть само слово «россыпи» и не было тогда произнесено).

Вообще, новизну материала мы стремились подчеркивать в предисловии к каждому тому «Уральской части», а также и в исторических комментариях.

Наряду с предисловием, комментариями, словарем терминов и приложениями (исторические меры веса, длины и т.д., таблица военных, гражданских и горных чинов по табели о рангах) каждый том содержит обильный картографический материал. В основном, это планы заводов конца XVIII – начала XIX вв. из собрания ГАСО. В «Уральской части» рукописи в общей сложности упомянуты около пятнадцати планов и карт (однако в собрании библиотеки СПбГУ они отсутствуют). В трех томах опубликованы в цвете около 140 планов и карт, в четвертом томе планируется опубликовать еще более тридцати планов. Многие планы и карты опубликованы впервые.

Обилие однотипных заводских планов, составленных приблизительно в одно время, привели издательство к мысли подготовить в качестве итогового приложения к «Уральской части» отдельный их альбом. Запланировано включить в альбом 40 планов. В альбом предполагается включать исключительно заводы, получившие впоследствии и сохранившие до настоящего времени городской статус.

Мы полагаем, что публикация «Уральской части» рукописи А.С. Ярцова, несомненно, является значимым событием культурной и научной жизни Урала и всей России.

Список источников и литературы:

1. Никиташина С. О. Аникита Сергеевич Ярцов и его рукопись «Настоящая Российская горная история». // Историческая роль Екатерины II в развитии горнозаводского дела в России: доклады научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2000. С.42-45.
2. Пензин Э. А. Аникита Сергеевич Ярцов – горный деятель и ученый. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып.4. С.322-323.
3. Данилевский В. В. Русская техника / В. В. Данилевский. Ленинград, 1949. С.70.
4. Ярцов А. С. Российская горная история : в 11 т. / А. С. Ярцов. Екатеринбург, 2018. 378 с. Кн. 1. Уральская часть.
Он же. Российская горная история / А. С. Ярцов. Екатеринбург, 2019. 295 с. Кн. 2. Уральская часть.
Он же. Российская горная история. Екатеринбург, 2020. 424 с. Кн. 3. Уральская часть.
5. Юркин И. Н. «Российская горная история» и ее автор А.С. Ярцов (о личном начале в сочинении по истории промышленной отрасли. // История науки: источники, памятники, наследие. К 150-летию со дня рождения президента АН СССР В.Л. Комарова. Москва, 2019. С.366.
6. Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым. // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII – XIX вв. Свердловск, 1956. С.147-295.
7. Ярцов А. С. Российская горная история / А. С. Ярцов. Екатеринбург, 2018. С.283. Кн. 1. Уральская часть.

УДК 316.774

Ю.А. Кузовенкова,

кандидат культурологии, доцент,
аналитик отдела развития научных исследований
ФГБОУ ВО Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
mirta-80@mail.ru

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЛОКАЦИИ ДЛЯ ГРАФФИТИ И СТРИТ-АРТА

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда (проект №17-18-01278).**

В статье рассматривается роль заброшенных промышленных объектов в развитии молодежных субкультур. На примере города Новокуйбышевска и его социокультурной среды рассматривается судьба таких субкультур, как граффити, паркур, роллеры. Автор приходит к выводу, что виртуальное пространство для коммуникаций не может быть полноценной заменой реальному физическому пространству. Меняется тип возникающих связей. Также автор указывает на то, что современные молодежные российские субкультуры не всегда предполагают противопоставление нормам, установленным в обществе.

Ключевые слова: молодежь, субкультура, граффити, сообщество, вандализм.

Yu.A. Kuzovenkova,

candidate of cultural studies, associate Professor,
analyst for the development of scientific research
Ural State Pedagogical University
620017, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 26.
mirta-80@mail.ru

INDUSTRIAL HERITAGE AS LOCATIONS FOR GRAFFITI AND STREET ART

**The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation
(project No. 17-18-01278).**

The article examines the role of abandoned industrial facilities in the development of youth subcultures. On the example of the city of Novokuibyshevsk and its socio-cultural environment, the fate of such subcultures as graffiti, parkour, rollers is considered. The author comes to the conclusion that the virtual space for communications cannot be a full-fledged substitute for the real physical space. The type of the emerging connections changed. The author also points out that contemporary Russian youth subcultures do not always imply opposition to the norms established in society.

Key words: youth, subculture, graffiti, community, vandalism.

Цивилизационное развитие задает новые векторы движения в различных сферах жизни общества. Процессы деиндустриализации, наблюдаемые в развитых и ряде развивающихся стран еще в XX в., поставили перед федеральными и региональными властями вопрос о судьбе более неиспользуемых промышленных объектов. Для России обозначенный вопрос также обладает большой актуальностью.

В мире накопился большой опыт по перепрофилированию бывших индустриальных объектов. Один из возможных сценариев – перепрофилирование индустриальных индустрий в креативные. Креативная экономика стала трендом в вопросах о развитии постиндустриальных городов. О ее стратегии и конкретных кейсах писали Ч. Лэндри [7], Р. Флорида [9] и др. [2; 3; 5; 6]. Популярной стратегией музеефикации индустриального наследия становится связка «музей – культурное событие», которая направлена в первую очередь на привлечение туристов. Интересно то, что возникающие музеи не всегда имеют индустриальную направленность. Часто в зданиях бывших заводов и фабрик открывают музеи современного искусства. Среди множества его направлений очень органично в бывших производственных помещениях смотрится стрит-арт – уличное искусство создания больших композиций на стенах городских строений. Примером может служить Музей стрит-арта в Санкт-Петербурге [ил. 1, стр. 85]. Можно отметить, что «появление произведений стрит-арта в помещения бывших индустриальных производств можно трактовать как пересечение двух самостоятельных культурных процессов – переориентации города с индустрии на человека и смены форм бытования уличного искусства» [4, с. 13].

Существующий большой пул литературы, рассматривающий развитие индустриального наследия в современном мире, посвящен процессам управляемого развития бывших индустриальных объектов. При этом вне поля внимания исследователей остается роль подобных объектов в жизни города и его сообществ в ситуации, когда они оказались заброшенными, не встроены в официальную жизнь города. Эмпирический материал позволяет говорить о том, что нефункционирующие индустриальные объекты оказывают влияние на развитие молодежной субкультурной среды. Таким образом, задача нашего исследования – изучить влияние заброшенных индустриальных объектов на развитие городских молодежных неформальных сообществ. Материалом для анализа стало глубинное интервью, взятое у представителя субкультуры граффити из г. Новокуйбышевска.

Согласно материалам интервью, в Новокуйбышевске в 2000-е гг. существовала недостроенная биофабрика, которая стала для представителей молодежных субкультур, таких, как граффити, паркур, роллеры, местом проведения досуга. В силу того, что Новокуйбышевск располагается рядом с Самарой, здание биофабрики стало местом притяжения в том числе и самарской молодежи. Информант отмечает: «Там много рисовали, там жили, там было много народа, движуха. Проходили батлы, собирались по сто человек». Однако через несколько лет рядом

со зданием биофабрики появилась автомобильная стоянка, позже здание было продано и его освоили представители бизнеса. Локация для субкультурной молодежи исчезла. В 2010-х гг. представителей вышеназванных субкультур становится меньше. Информант отмечает: «Сейчас это идет на спад. Почему, не знаю... Молодежи с нами неинтересно. Но еще это требует сил и времени, а современная молодежь не хочет в это вкладывать силы... У молодежи сейчас модно курить спайс». Таким образом, из материалов интервью хорошо видна роль реального физического пространства для формирования субкультурного сообщества. Этот кейс позволяет поставить два вопроса:

- продолжает ли оставаться значимым физическое пространство («место сборки» [8]) для формирования субкультурного сообщества в наше время, когда большинство коммуникационных процессов ушли в интернет?

- насколько соответствует реальности прикрепленный в обществе к субкультуре граффити лейбл «вандализм»?

Обратимся к рассмотрению первого вопроса. После того, как это место стало недоступно для молодежи, было зафиксировано уменьшение субкультурного сообщества. Безусловно, мы не можем считать это единственным фактором сокращения, но исчезновение коммуникативной площадки привело к затруднению установления новых связей между представителями субкультур. С ростом виртуализации общества в научном мире поднимается вопрос о новой природе сообществ, которым для существования более не нужно иметь общего места. В конце XX в. в науке появляются новые концепции социальных объединений. К примеру, Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества» (1983) [1] доказывает на примере нации, что для возникновения сообщества не обязательно иметь единую территорию, общее время и непосредственный контакт его членов. Сообщество может конституироваться на основе чувства солидарности, мысли о принадлежности к одной нации. В свою очередь М. Маффесоли в книге «Время племен» (1996) [12] признает старую терминологию несостоятельной для описания новой социальной реальности: вместо термина «сообщество» исследователь выдвигает термин «племя» (tribe), а общество определяется как рассеянная микроплеменная сеть. Маффесоли подчеркивает роль новых медиа в трансформации общества, указывая, что «...современные племена – это коллективности, основанные на ресурсе электронных медиа» [12, с. 112]. Но, вместе с тем, в работе не происходит отказ от идеи общего места как неотъемлемой черты племени. Исследователь полагает, что племена возникают на основе «социальной логики», которая предполагает общее место и общий символ.

Результаты наших исследований оказались близки выводам Маффесоли. В случае с граффити-сообществом не произошло его исчезновения, однако связи стали менее широкими, а объединения (команды) более малочисленными. Ту роль, которую выполняло здание биофабрики как «место сборки», не смогли в полной мере выполнить социальные сети, тематические сайты и т.п. Фотографии

работ граффитчиков, выложенные в интернете, могут вдохновлять на создание новых произведений, но не способствуют формированию местных сообществ. Можно говорить о том, что с приходом интернета количество внутригородских связей уменьшается, а межрегиональных и международных увеличивается.

Важно и то, что территория фабрики давала возможность не только общаться, но и обмениваться опытом, развивать навык создания рисунков баллончиком, создавало конкурентную среду, которая мотивировала совершенствовать свои навыки художника, что положительно сказывалось на уровне граффити-рисунков. Батлы, о которых упоминал информант, создавали условия для удовлетворения потребности молодежи в признании их достижений, для самоутверждения в среде своих единомышленников. Освоение недостроенного здания биофабрики выступило хорошим индикатором нехватки мест для удовлетворения запросов молодежи в самореализации. Здесь можно обратиться к рассмотрению второго вопроса, связанного с проблемой вандализма. Граффити является собой нелегальное нанесение надписей на стены городских строений, на транспорт и иные поверхности. С точки зрения российского законодательства, такая практика подпадает под статью 214 УК РФ о вандализме. Принимая во внимание то, что нормы, принятые в обществе, носят конвенциональный характер, мы можем поставить вопрос о том, насколько вандализм практика субкультуры граффити по своей природе, вне нормативных рамок, установленных законодательством.

Американская исследовательница субкультуры граффити Н. Макдоналд отмечала, что граффитчики, «... нанося свои имена, зарабатывали известность и уважение. Делая это нелегально, они выстраивали свою маскулидную идентичность» [11, р. 212]. Однако мы не склонны смотреть столь однобоко на данную субкультуру. Кейс с биофабрикой в Новокуйбышевске позволяет дополнить идеи Макдоналд. Если бы для субкультуры граффити было важно лишь утверждение своей маскулинности, а известность и уважение держались бы только на ней, то здание фабрики не оказалось бы востребованным среди граффитчиков, батлы, направленные на выявление лучших художников, не проводились бы. Это указывает на то, что наряду с ориентацией на нелегальность в граффити признается ценность художественных качеств работы, творческий потенциал художника. Про себя информант сказал следующее: «Я до сих пор отталкиваюсь не от современного искусства, а от Модильяни, Ван Гога, Дюрера, Врубеля». Из этого можно сделать вывод, что ориентация на вандализм с точки зрения законодательства действия не всегда являются целью представителя данной субкультуры. Зброшенная территория оказалась востребованной среди граффитчиков в силу того, что она выпадала из сферы интересов городских властей и иных субъектов общества, вследствие чего молодежь попадала в пространство, лишенное нормативных ограничений, и получила возможность устанавливать свои нормы и правила поведения, формировать свое локальное нормативное пространство, не пересекающееся, следовательно, не конфликтующее с нормативным пространством.

ством законодательства. Можно говорить о том, что идея противостояния доминирующей культуре, которая была обязательной для субкультур 1970-х гг. (на это указывают исследования, проведенные на материале субкультур Англии [см., например, 10]) не всегда актуальна для современных отечественных молодежных субкультур.

Таким образом, можно сделать вывод, что виртуальное пространство коммуникации не может стать полноценной заменой реальному физическому пространству. Физическое пространство способствует возникновению внутригородских связей, в то время как виртуальное – межрегиональных и международных. Другая важная мысль – современные молодежные российские субкультуры не всегда предполагают противопоставление нормам, установленным в обществе. То, что с точки зрения доминирующей культуры является вандализмом, в рамках субкультуры может иметь конструктивную направленность, связанную с самореализацией.

Список источников и литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. Москва, 2001.
2. Добрейцина Л. Е. Музеи-заводы на Среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала // Лабиринт. 2014. № 1. С. 27-37.
3. Доклад о культуре мировых городов / сост. Пол Оуэнс, Крис Гиббон, Мэтью Прин [и др.] ; пер. МИСКП. Москва, 2015.
4. Кузовenkova Ю. А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. 2015. № 5/6. С. 6–17.
5. Лисовец И. М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: в 2 томах. Интернациональный научный альманах «Life Sciences». Самара, 2012. С. 74-77.
6. Лыскова О. В. Индустриальный туризм в городском пространстве: кейс-стади Саратова // Лабиринт. 2014. № 1. С. 38-48.
7. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри; [пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталева, М. Гнедовский]. Москва, 2006. 399 с.
8. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория : история, современность, перспективы. Санкт-Петербург, 2008. С. 30-46.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. Москва, 2007. 421 с.
10. Hall S. Resistance Trough Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain / S.Hall, T. Jefferson. London: Hutchinson, 1976.
11. Macdonald N. The Graffiti Subculture: Youth, Masculinity, and Identity in London and New York / N. Macdonald. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 256 p.
12. Maffesoli M. The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society / M. Maffesoli London: SAGE Publications; Thousand Oaks, New Delhi, 1996.

УДК. 069+004

М.В. Кузовenkova,
член Экспертного совета
по промышленному наследию
(ФГБУК АУИПИК), член АРИС Франции, член ТИССИН,
заместитель директора по индустриальному наследию
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал»
филиал ЭИТ
«Старый Демидовский завод»,
622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.
mvkuzv@gmail.com

Ю.М. Баранов,
кандидат технических наук,
главный специалист по учёту
и использованию памятников
и объектов ЭИТ;
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал» филиал ЭИТ
«Старый Демидовский завод»,
622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1
mvkuzv@gmail.com

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТА ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ XVIII – XXI ВВ. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВА СОХРАНЕНИЯ В XXI ВЕКЕ. 300+. НА ПРИМЕРЕ СОХРАНЕНИЯ «КОМПЛЕКСА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА»

В статье представлен опыт изучения и сохранения объекта индустриального наследия на этапе реализации концепции создания «Эко-индустриального технопарка «Всероссийский центр сохранения инновационных технологий в металлургии и машиностроении с XVIII – XXI вв.». Раскрыт этап составления технического задания на обследование территории, с выполнением научно-исследовательской работы, включающей в себя комплекс мероприятий по изучению, оценке и определению состояния территории объекта, для последующего его сохранения и приспособления для современных нужд как единого ансамбля, а также оценке состояния индустриального ландшафта территории, образованного гидротехнической системой Демидовского завода, и продолжающей действовать в XXI в.

Ключевые слова: индустриальное наследие, гидросистема, индустриальный ландшафт, реновация, ревитализация, экологическая реабилитация, старопромышленная территория, индустриально-архитектурный комплекс, металлургический завод.

M. V. Kuzovkova,

member of the Expert Council on industrial heritage (FGBUK AUIPIK),
member of the APIC of France, member of TICCIH,
Deputy Director for industrial heritage
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», branch of the EIT
«Old Demidovsky plant», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St,1.
mvkuzv@gmail.com

Yu. M. Baranov,

candidate of technical Sciences,
chief specialist in the registration and use of monuments and objects EIT;
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», branch of the EIT
«Old Demidovsky plant», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St,1
juri.baranov@mail.ru

AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY AND PRESERVATION OF THE OBJECT OF INDUSTRIAL HERITAGE OF THE XVIII – XXI CENTURIES. INDUSTRIAL HERITAGE AND ITS PERSPECTIVE OF PRESERVATION IN THE 21ST CENTURY. 300+. ON THE EXAMPLE OF THE PRESERVATION OF THE «COMPLEX OF THE NIZHNY TAGIL METALLURGICAL PLANT»

The article presents the experience of studying and preserving an industrial heritage object at the stage of implementing the concept of creating an «Eco-industrial technopark» All-Russian center for the preservation of innovative technologies in metallurgy and mechanical engineering from the 18th-21st centuries. « The stage of drawing up the terms of reference for the survey of the territory, with the implementation of research work, including a set of measures for the study, assessment and determination of the state of the territory of the object, for its subsequent preservation and adaptation for modern needs, as a single ensemble, as well as assessing the state of the industrial landscape of the territory formed by the hydraulic system of the Demidov plant, and continues to operate in the 21st century..

Key words: industrial heritage, hydraulic system, industrial landscape, renovation, revitalization, ecological rehabilitation, old industrial territory, industrial-architectural complex, metallurgical plant.

Опыт сохранения объектов индустриального наследия в мировом пространстве велик и многообразен. На протяжении не одного десятилетия мы видим, как изучают и сохраняют заводы, шахты, здания, сооружения разных направлений индустрий и промышленности, приспособливают к современному использованию. Примером тому является Нижнетагильский металлургический завод 1720–2015 гг. – уникальный объект, сохраняющий историю развития металлургии России (далее – завод). Он является заводом полного металлургического цикла

с трехвековой историей. Его отличительной особенностью является то, что на определенном этапе он работал с использованием всех видов энергии одновременно: Вода – Пар – Электричество.

Одним из отличий изучения и сохранения завода является комплексный индустриально-ландшафтный подход, за основу которого взят индустриальный ландшафт территории Горнозаводского округа Демидовых.

Индустриальный ландшафт территории округа – это результат формирования территории на основе использования энергии воды как движущей силы механизмов и как ресурса для развития технологий в XVIII – XIX вв. Сегодня – это действующая гидросистема металлургического завода, которая обнаруживает взаимодействие с другими гидротехническими и промышленными объектами горнозаводского округа, вплетена в технологические связи с транспортной инфраструктурой города и является частью городской территории.

Индустриальный ландшафт является наследием взаимодействия триады «человек – природа – индустрия». Эта триада лежит в основе технологического взаимодействия зданий и сооружений на территории завода, определяет единство, монолитность его производственно-технологического комплекса.

В статье представлен опыт изучения и сохранения объекта индустриального наследия на этапе реализации проекта Эко-индустриального технопарка «Все-российский центр сохранения инновационных технологий в металлургии и машиностроении XVIII–XXI вв.». Раскрыт этап по выполнению научно-исследовательской работы, включающей в себя:

- комплекс мероприятий по изучению и обследованию состояния территории объекта как единого ансамбля для последующего его сохранения, и приспособления для современных нужд;
- оценке состояния индустриального ландшафта территории, образованного гидротехнической системой Демидовского завода, продолжающей свое действие в XXI в.

Объект индустриального наследия «Комплекс НТМЗ» 1722–2015 гг., включает технические здания, сооружения и цеха полного металлургического цикла с оборудованием XVIII–XXI вв. Индустриальный ландшафт, как часть объекта с действующей гидросистемой, построенной и используемой с 1722 г. по сегодняшний день, включает Нижнетагильскую заводскую плотину с дамбой 1722 г., водопропускное устройство 1928 г.

В деятельности завода выделяются следующие периоды работы:

- I период – 1722–1850 гг., как вододействующее железоделательное предприятие;
- II период – 1850–1913 гг., с металлургическими технологиями и планировкой предприятия, работающего на пару с частичным использованием энергии воды;
- III период – 1913–2015 гг., как металлургическое предприятие на комплексном использовании энергии;

- IV период – 1874–1981 гг. – развитие мартеновского производства.

Производственные цеха, сохранившиеся до сегодняшних дней, строились в начале XIX – середине XX вв. Впоследствии они постепенно выводились из производства, поэтому формирование ландшафта проходило поэтапно. Из-за ограниченности территории каналами гидросистемы и наличием природных рек производство наращивалось пластами «из века в век». С изменением вида используемой энергии менялись металлургические технологии, соответственно, менялась и планировка заводской территории, а также взаимодействие производств и технологий внутри архитектурного комплекса заводских цехов. На заводе до наших дней сохранилась старая планировка 1722–1890 гг. На индустриальном ландшафте сохранились исторически сложившиеся элементы благоустройства 1930–1950 гг.

Организация ландшафтной стилистики соответствует историческому контенту: уличное освещение на фасадах зданий выполнено просто и функционально; переходные лестницы производственного типа связаны с особенностями ландшафта и маршрутизацией; ограждение палисадников заводского производства; организация проходных сориентирована на взаимодействие заводской среды с территорией города.

В связи с особенностями рельефа заводской территории большое технологическое, транспортное, и эстетическое значение имели мосты. Частично сохранились все мосты технологического и транспортного назначения 1930–1950-х гг., включая железнодорожные. Их эстетика и лаконичность, как произведений заводского производства, придает индустриальному ландшафту аутентичность и индивидуальность.

Благоустройство заводской территории, выполненное в 1930–1950-х гг., превратило завод в садово-парковую зону. Здания, построенные в начале XX в., как правило, имели по периметру зоны отдыха для рабочих в виде палисадников, иногда с фонтанами. Были благоустроены дорожки между цехами и территорией города. Появились зеленые насаждения: липовый сквер у зданий банно-прачечного комплекса и конюшенных дворов, липовая аллея с вымощенной шлако-брусчатой дорожкой, яблоневый сад у литейного цеха, березовая роща у мартеновского цеха и кузницы, аллеи тополей вдоль берега водопропускного канала, яблоневый сквер за зданием заводской конторы, садик на отвале доменного цеха около углепормольной фабрики [2].

К современным посадкам относится яблоневый сад, высаженный в 2009 г. на месте здания распределительного устройства завода (энергоцеха 1933 г.). Территория сада соответствует размеру бывшего здания, что обусловлено желанием отметить утраченное здание в визуальном восприятии технологического плана завода. И сегодня каждое утраченное здание превращается в зеленую зону индустриального ландшафта, отдавая должное триаде «человек – природа – индустрия».

В концепции проекта Эко-Индустриальный технопарк «Всероссийский

центр инновационных технологий металлургии и машиностроения XVIII-XXI вв.» на территории старого Демидовского завода (далее – концепция) высказаны предложения по реновации, то есть сохранению, адаптации и использованию объекта индустриального наследия – Нижнетагильского чугуноплавильного и железоделательного завода Демидовых [1]. Предметом реновации выступают: индустриальный ландшафт, включая гидросистему завода, индустриально-архитектурный комплекс зданий, сооружения и оборудование полного металлургического цикла. Цель проекта – путем реновации старопромышленной территории использовать потенциал индустриального наследия для развития и формирования нового понятия – «Креативный инженер в XXI в.», а также нового туристического кластера «Индустриальный туризм – путешествуй и познавай».

Эко-Индустриальный технопарк – это единый природный и имущественный комплекс, в котором объединены исторические и производственные объекты, исследовательские центры, деловые, спортивные и досуговые центры, гостиницы, выставочные и учебные площадки, а также единая инфраструктура обслуживания: средства транспорта, подъездные пути, реки, мосты, парковые зоны, охрана и т.д. Таким образом, создается среда обитания современного Человека – креативного Рабочего и Инженера. В ее основу положено взаимодействие инженерных идей поколений. Это позволит демонстрировать все инновации инженерных наук и креатива для сохранения статуса промышленной державы России и династии Демидовых.

Сохранение, адаптация и использование индустриальных ландшафтов, объектов индустриального наследия, в том числе выведенных из оборота промышленных территорий, находящихся в государственной собственности и имеющих при этом статус объекта культурного наследия, путем реновации и экологической реабилитации, мы вкладываем смысл технико-экономического замещения, как одного из процессов комплексного сохранения и реконструкции промышленного объекта (с акцентом на сохранение функциональных свойств объекта в современной производственной интерпретации). Для этого с особым вниманием будет решаться проблема загрязненной окружающей среды объекта и индустриального ландшафта.

Процесс пересмотра назначения зданий с целью привнесения новых функциональных особенностей приведет к необходимости притока денежных средств инвесторов, арендаторов, что даст возможность воссоздания и поддержания первоначального облика зданий. Изначально необходимо заложить фундамент для формулировки идей в области проектов научно-исследовательской, инженерной, туристско-рекреационной направленности, строительства объектов транспортной и туристической инфраструктуры, в том числе с участием малого и среднего бизнеса.

Главным механизмом реализации концепции является взаимодействие государства и бизнеса через предоставление государством административных и

финансовых предпочтений при ответственном отношении крупного бизнеса к наследию.

Методы реализации концепции основаны на использовании инновационных технологий в самых разнообразных областях, начиная с приемов сохранения и использования объектов индустриального наследия в архитектуре, инженерии и технологии, заканчивая приемами управленческого инжиниринга и синергии в XXI в.

Особое место занимает восстановление и сохранение гидросистемы завода – расчистка старых русел рек и каналов, которые взаимодействовали между собой. Сегодня система нарушена и, зачастую, засыпана мусором или превращена в отстойники и сливные каналы для обслуживания инфраструктуры города.

Любые работы по сохранению индустриального ландшафта должны решаться конструктивно, сопровождаться санацией почвенного покрова и только после этого благоустраиваться, как рекреационные и парковые зоны.

Эти меры помогут очистить реки города, делая их более привлекательными для туризма и отдыха.

Функциональная, действующая гидросистема не может не использоваться с учётом ее предыдущего назначения, иначе это приведет к техногенной катастрофе, что повлечет за собой гибель людей и объекта. Это основное отличие индустриального ландшафта и не считаться с этим нельзя.

Все вышеперечисленное было учтено при составлении технического задания на комплексное обследование территории завода.

Техническое задание – это комплексная исследовательская работа, предваряющая проектирование мероприятий сохранения и приспособления «Комплекса металлургического завода», который является объектом культурного наследия регионального значения. Техническое задание включает анализ геологических, гидрологических, экологических, археологических, исторических, технических, социологических и экономических данных.

Целью обследования территории является выполнение научно-исследовательской работы, включающей в себя комплекс мероприятий по изучению, оценке и определению состояния территории объекта для последующего его сохранения и приспособления для современных нужд как единого ансамбля, а также оценке состояния ландшафта территории, образованного гидротехнической системой завода в его историческом развитии.

Задачами обследования ставятся обеспечение комплексного, системного подхода к работам по устойчивому развитию территории в историческом, культурологическом и градостроительном контекстах, обеспечение сохранности объекта культурного наследия как единого ансамбля.

Важно выявить признаки историко-культурного значения для всех элементов территории: естественного и искусственного ландшафтов, зданий и сооружений, а также археологизированных элементов функционального развития объекта в

целом. Выявить и описать явные и скрытые риски, дефекты объекта, угрожающие его сохранению, жизнедеятельности, определить необходимость ремонта, замены конструкций, экологической реабилитации, берегоукрепление территории и других действий, направленных на обеспечение сохранности и приспособления объекта к современному использованию.

Результатом обследований будет научно-исследовательская работа, которая должна предоставить достаточную информацию для последующей разработки научно-проектной документации по сохранению и приспособлению объекта культурного наследия «Комплекс Нижнетагильского металлургического завода».

Наряду со стандартными работами по обследованию мы предлагаем проводить работу с населением. Каждый этап научно-исследовательской работы должен проходить при непосредственном участии жителей города, с представителями профессиональных и городских сообществ: экологов, краеведов, градозащитников, архитекторов, инженеров, технологов, кураторов творческих и культурных проектов, организаторов фестивалей, лидеров, мнение горожан, включая людей с ограниченными физическими возможностями. Необходимо определить перспективы развития единого ансамбля завода с учетом мнения жителей г. Нижний Тагил, разработать комплексный, системный подход к сохранению и приспособлению сложносоставного объекта культурного наследия, включая определение этапов реализации проектов [4], [Ил. 1, стр. 86].

Особое место в работе отводится инженерно-экологическим изысканиям, которые дадут оценку современного состояния и прогноза возможных изменений окружающей природной среды комплекса и индустриального ландшафта. Ожидается получить научное обоснование для разработки программы экологической реабилитации индустриального ландшафта и объекта в целом, в которой взаимодействие природы и индустрии будет наглядным подтверждением справедливости тезиса известного теоретика памятниковедения П. В. Боярского о том, что «памятники науки и техники – постоянные участники грандиозного по своим временным и пространственным масштабам эксперимента взаимодействия человека и природы – должны стать эталоном позитивного и негативного опыта при решении проблем дальнейшего развития и совершенствования тех или иных технологий в современном мире и будущем». При этом исследователь подчеркивает, что данная проблема – проблема взаимодействия памятников и экосистем – должна рассматриваться в широком контексте учения В. И. Вернадского о ноосфере и Д. С. Лихачева об экологии культуры. По существу, она и является одним из важнейших аспектов экологии культуры.

Инженерные гидрологические изыскания должны проводиться с целью обследования действующей гидросистемы Нижнетагильского завода, а именно: современного состояния русел р. Тагила и р. Рудянки, выявления и изучения наземных и подземных искусственных каналов, экологической реабилитации индустриального ландшафта [3].

Старый демидовский завод, построенный в начале XVIII в., вплоть до конца XIX в. был вододействующим предприятием, поэтому сегодня на территории завода находятся водные объекты: рабочий канал, вешнячий канал, р. Рудянка. В них за счет постоянного техногенного воздействия образовался мощный загрязняющий иловый осадок, состояние которого не отвечает требованиям Роспотребнадзора и является вторичным источником загрязнения.

Проведение мероприятий по реабилитации и благоустройству пруда, реки, каналов приведёт водные объекты в состояние экологического равновесия, что положительно отразится на флоре и фауне водоемов и прибрежных территорий.

Инженерные гидрологические изыскания проводятся с целью обследования современного состояния русел р. Тагила и р. Рудянки, выявление и изучение наземных и подземных искусственных каналов гидросистемы завода.

В ходе работ осуществляется сбор и анализ материалов предыдущих инженерно-гидрологических изысканий, создается опорная геодезическая основа, выполняется топографическая съемка близлежащих территорий и русловые съемки, нивелировка водных поверхностей. Результатом этой работы станет 3D модель структуры индустриального ландшафта.

Задачей исследований по определению водообильности пластов, разработки комплекса мероприятий по восстановлению дренажной системы территории, является разработка мер упреждения негативных последствий на подтопленной территории, прогноз рисков по неисполнению мер поддержания гидротехнических каналов в рабочем состоянии.

Перечень объектов исследования:

- канал искусственный водопропускной (левый берег);
- главный рабочий канал с клепанной металлической трубой (предположительно, естественное русло реки Тагил) [Ил. 2, стр. 87];
- территория доменного цеха-место рабочего канала доменной фабрики;
- русло р. Рудянки (скрытое под землей);
- каналы, отводящие воды р. Рудянки [Ил. 3, стр. 87];
- подземные сливные каналы механической фабрики [Ил. 4, стр. 88];
- подземный сливной канал прокатной фабрики;
- подземный склад мазутного топлива мартеновского цеха.

Проведение мероприятий по реабилитации и благоустройству заводского пруда, рек, каналов приведёт водные объекты в состояние экологического равновесия, что положительно отразится на флоре и фауне водоемов и прибрежных территорий.

Таким образом, выявляется как минимум три обязательных уровня обследования: уровень технологического ландшафта завода, включая объекты гидросистемы, уровень архитектурного плана завода (здания и сооружения), уровень благоустройства территории (в том числе ландшафтный дизайн, если говорить современным языком). Все три уровня взаимосвязаны и неотделимы друг от

друга. В основе их обследования и будущего проектирования главными принципами следует считать: экологическую реабилитацию территории завода, сохранение объекта в совокупности технологических пластов (вместо определения периода, на который будет осуществляться сохранение, например, середине XIX в. или начале XX в.), выявление маркеров социальной истории территории.

Поскольку все уровни напластованы друг на друга, а также неравнозначны хронологически, то выводы по обследованию должны быть максимально скрупулезны, ведь в итоге они призваны обеспечить устойчивое развитие территории в историческом, культурологическом и градостроительном контекстах.

Без результатов комплексных изысканий и исследований мы не можем с уверенностью сказать, на каком уровне идет взаимодействие между собой каналов и дренажей трехвековой действующей гидросистемы завода [Ил. 5, стр. 89], поэтому этап научно-проектных разработок должен проходить в исторически сложившейся инженерно-технологической системе взаимодействия внутри комплекса как части индустриального ландшафта Горнозаводского округа, который развивается в текущем режиме жизни городской и индустриальной структуры.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что на сегодняшний день самым сложным и интересным моментом в решении проблем сохранения, адаптации, является то, что без комплексных инженерных обследований и изысканий, включающих в себя научно-исследовательскую работу по изучению изменений индустриального ландшафта, моделирования его структуры конструктивных изменений, не надо торопиться проводить разработки научно-проектной документации по сохранению и приспособлению объекта. Объект способен открыть перед нами гораздо больше, чем мы видим и моделируем сегодня [Ил. 6, стр. 89]. Прежде всего, мы должны иметь полное научное обоснование о состоянии индустриального ландшафта для разработки способов сохранения объекта культурного наследия. Восстановление в жизнеспособном инженерно-техническом состоянии гидросистемы завода, включая плотину, каналы и дренажи, – это то, что будет выделять Нижнетагильский комплекс среди мировых аналогов. И только тогда мы сможем перейти к работам по приспособлению объекта индустриального наследия к современным условиям использования. И только тогда объект наследия Демидовых будет достоин звания «наследия XXI в.» – надежного ресурса для развития территории в будущем.

Список источников и литературы:

1. Баранов Ю.М., Кузовкова М.В., Бунькова А.А. Индустриально-ландшафтный Демидов-парк. Реновация старопромышленной территории. Стратегия модернизации города Нижний Тагил и Нижнетагильского городского округа [Электронный ресурс]: электронная монография, Часть 2. Интерактивное мультимедийное приложение / Электрон.дан. (420 Мб, 199 стр. гипертекста, 235 илл., 28 аним.) – М. : ИНФОРМРЕГИСТР, [2014]. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Систем. требования: Pentium 1 ГГц; Windows 2000/XP/7,

прогр. AdobeReader. – Загл. с экрана. № гос. регистр. 0321401504 от 26.09.2014.

2. Кузовкова М.В., Баранов Ю.М., Бунькова А.А. Индустриально-ландшафтный Демидов-парк. Реновация старопромышленной территории. Стратегия модернизации города Нижний Тагил и Нижнетагильского городского округа [Электронный ресурс]: электронная монография / – Электрон.дан. (42 Мб, 147 стр. гипертекста, 25 илл.) – М.: ИНФОРМРЕГИСТР, [2013]. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM) : зв., цв.; 12 см. — Систем. требования: Pentium 1 ГГц; Windows 2000/XP/7, прогр. AdobeReader. – Загл. с экрана. № гос. регистр. 34423 от 25.12.2013.

3. Кузовкова М.В., Баранов Ю.М. Проект «Реновация старого Демидовского завода». Концепция и Мастер-план [Электронный ресурс]: электронная монография /– Электрон.дан. (1 560 Мб, 77 стр. гипертекста, 937 илл., 109 3D реконстр.) – М.: ИНФОРМРЕГИСТР, [2016]. – 1 электрон.опт. диск (DVD-R): зв., цв.; 12 см. – Систем. требования: Pentium 1 ГГц; Windows XP/7. – Загл. с титул.экрана. – № гос. регистр. 0321604341 от 22.12.2016.

4. Рабочая группа Кузовкова М.В., Баранов Ю.М. Журавлева Е. Предложения к техническому заданию на комплексные инженерные изыскания и обследование территории объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс Нижнетагильского металлургического завода» от 14.05.2020 г.

УДК 94(47).084.9

Е.С. Лахтионова,

К.и.н., доцент кафедры истории России

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.

Ельцина (Екатеринбург).

620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

elza1982@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1960-1980-е гг. В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье дается обзор деятельности общественной организации – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – на территории Свердловской области в сфере сохранения индустриального наследия. Хронологические рамки работы охватывают важнейший период становления и формирования в советском обществе понимания необходимости выявления, изучения и консервации объектов индустриального прошлого страны для передачи знаний будущим поколениям. Автором для написания статьи привлечены архивные материалы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области. В результате изучения показаны различные направления деятельности данной организации в деле сохранения промышленного наследия, а также ее существенный вклад в этом немаловажном для Свердловской области деле.

Ключевые слова: индустриальное наследие, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Свердловская область.

E.S. Lakhtionova,

Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian History

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

(Yekaterinburg).

620002, Yekaterinburg, st. Mira, 19.

elza1982@yandex.ru

ACTIVITIES OF THE SVERDLOVSK REGIONAL DEPARTMENT OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE IN 1960-1980 IN THE SPHERE OF PRESERVATION OF THE INDUSTRIAL HERITAGE

The article provides an overview of the activities of a public organization - the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments - on the territory of the Sverdlovsk Region in the field of preserving industrial heritage. The chronological framework of the work covers the most important period of the formation and formation in Soviet society of an understanding of the need to identify, study and preserve objects of the country's industrial past for the transfer of knowledge to future generations. For the writing of the article, the author involved archival materials stored in the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. As a result of the study, various directions of the activity of this organization in the preservation of the industrial heritage are shown, as well as its significant contribution to this important matter for the Sverdlovsk region.

Keywords: industrial heritage, All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Sverdlovsk Region.

В январе 1966 г. состоялась учредительная конференция Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК) в г. Свердловске с целью создания областного отделения, которое и было образовано по распоряжению Свердловского облисполкома № 978-р от 31 августа 1965 г. [13, л. 1]. В составе областного отделения присутствовали городские и районные отделения, открывавшиеся по всей области в течение 1966 – 1970 гг.

В рамках Областного совета Свердловского отделения ВООПИК в 1966 г. было создано 7 секций, в том числе секция памятников истории науки и техники, промышленной, гражданской и культурной архитектуры, руководителями которой стали К.А. Узких, В.Г. Федоров, Т.К. Гуськова [11, л. 4].

Свердловское отделение ВООПИК в своей деятельности поддерживало тесные контакты с Исполнительным комитетом Свердловского областного совета депутатов трудящихся (далее – Свердловский облисполком), Управлением культуры Свердловской области, Управлением культуры г. Свердловск, Уральским государственным университетом, Свердловским архитектурным институтом, Институтом истории и археологии Уральского отделения Академии наук СССР и некоторыми другими учреждениями.

В рамках деятельности Свердловского областного отделения ВООПИК нужно выделить три основных направления: работа по выявлению памятников ин-

дустриального прошлого, по их изучению и по их сохранению для будущих поколений.

Начнем с процесса выявления тех памятников, которые нуждались в сохранении. В данном процессе активное участие принимали городские и районные отделения ВООПИК в лице жителей разных мест Свердловской области. Обнаруженные ими индустриальные объекты обследовались на предмет необходимости их сохранения. После чего в соответствующие органы отправлялись предложения о постановке их на учет как памятники, представляющие определенную ценность.

Например, в конце 1960-х гг. отделением ВООПИК в г. Артемовск была подготовлена и обоснована информация о необходимости постановки на государственный учет Егоршинской ГРЭС, как памятника местного значения. Ценность состояла в том, что Егоршинская ГРЭС являлась первенцем уральской энергетики, внесшем значительный вклад в создание энергетической базы для развития промышленности Урала. В результате этого прошения Артемовским горисполкомом было принято решение за № 291 от 12 июля 1972 г. о взятии на учет Егоршинской ГРЭС как памятника местного значения, подлежащего государственной охране. А в 1979 г. Свердловский исполком на основании данного решения, а также ходатайства Совета Свердловского областного отделения ВООПИК отправил прошение в Совет Министров РСФСР о включении этого объекта в список памятников республиканского значения [2, л. 20, 30].

Ниже-Сергинское отделение ВООПИК активно способствовало процессу выявления и взятия под государственную охрану следующих памятников промышленной архитектуры: запорный узел заводской плотины как уникальный памятник Ниже-Сергинского металлургического завода; литейный цех, угол старого Верхне-Сергинского долатного завода; склад технических материалов Михайловского завода. С предложением включить эти и другие объекты в число памятников местного значения районное отделение вышло на Президиум Свердловского областного отделения ВООПИК, а последнее выступило с соответствующим ходатайством на бюро Свердловского областного комитета КПСС. В итоге решением Свердловского облисполкома № 636 от 5 августа 1971 г. данные сооружения были взяты под государственную охрану как памятники местного значения [5, л. 25 – 27].

После проведения деятельности по выявлению памятников индустриального прошлого начинался процесс их изучения. По запросу от Свердловского отделения ВООПИК этим, как правило, занимались ученые (историки, архитекторы, физики), которые проводили серьезные исследования объектов с вынесением рекомендаций по характеру дальнейшей деятельности в отношении изученных сооружений. В качестве лишь некоторых примеров можно назвать обследования памятников промышленной архитектуры, проведенных преподавателями Свердловского архитектурного института Ю.А. Владимирским, В.И. Кабаковым в раз-

ные годы: январь 1971 г. – поселок Арти, г. Алапаевск и Алапаевский район, апрель 1984 г. – Нижне-Салдинский металлургический завод [4, л. 63 – 67; 8, л. 7 – 10; 9, л. 1 – 10]. По результатам данных командировок учеными были вынесены рекомендации о необходимости поставить на учет изученные памятники. На основании этих рекомендаций Свердловским отделением ВООПИК были составлены ходатайства в вышестоящие директивные органы с соответствующей инициативой.

Постановка памятника на государственный учет, придание ему статуса охраняемого объекта было первым этапом на пути его сохранения. Только после этого начинались реальные действия по осуществлению ремонтно-восстановительных работ. Несомненно, очень большое значение имело активное участие ВООПИК в процессе взятия объекта под государственную охрану. Таким образом, получили статус памятника, например, машинно-тракторная мастерская бывшей Алапаевской МТС, доменная печь Северского трубного завода, здания и сооружения бывшего Екатеринбургского завода («Монетки»), доменная печь № 1 Салдинского металлургического завода и некоторые другие [1, л. 47; 3, л. 36; 4, л. 61; 14, л. 5].

Ремонтно-реставрационные работы поставленных на учет памятников индустриального наследия также не обходились без участия Свердловского отделения ВООПИК, которое составляло и одобряло планы ремонтных работ, находило исполнителей в виде специальных мастерских, выделяло средства из собственных ресурсов [6, л. 8 – 9]. Яркий пример такого участия – работы по сохранению для будущих поколений комплекса здания и сооружений бывшего Екатеринбургского завода «Монетка», взятого на учет постановлением Совета Министров РСФСР № 1176 р от 3 мая 1966 г. как памятник государственного значения. На рубеже 1960 – 1970-х гг. был составлен проект ремонтно-реставрационных работ, в разработке которого принимали участие Свердловский архитектурный институт, институт «Свердловскгражданпроект» и бюро архитектурной секции Центрального совета ВООПИК. Положительное заключение последнего имело решающее значение в одобрении составленных чертежей. Кроме того, Центральный совет ВООПИК выделил на реставрацию «Монетки» 150 тысяч рублей, расходом и частичным обеспечением которых заведовало Свердловское областное отделение [10, л. 14 – 15].

Нельзя обойти вниманием и пропагандистское направление деятельности Свердловского отделения ВООПИК в сфере сохранения индустриального наследия. Действительно, привлечение внимания общественности к проблемам сохранения памятников, воспитание в молодежи чувства гордости за достижения своего народа в предыдущий период и желания увековечить эти достижения имело и имеет основополагающее значение.

Многочисленные заметки в местных изданиях способствовали пропаганде идеи о необходимости сохранения объектов индустриального наследия. Их авторы пытались донести до широкой общественности мысль о том, что многие

заброшенные уже объекты являются примерами трудовой доблести народа, свидетельствуют о блестящей технической мысли прошлых поколений. Они также нуждаются в сохранении, как и памятники культурного и художественного наследия. В качестве примера нужно назвать статью в Алапаевской газете «Искра» заместителя секретаря Алапаевского отделения ВООПИК П. Самойлова «Творения уральских мастеров» об Арамашевской машинно-тракторной мастерской и водонапорной башне Верхне-Синячихинского металлургического завода [1, л. 110].

Именно г. Свердловск стал местом проведения в сентябре 1970 г. научно-методической конференции «Сохранение памятников промышленной архитектуры», собравшей делегатов со всего СССР. Тем самым подчеркивалась значимость данного промышленного региона, а также местного регионального отделения ВООПИК, на которого была возложена вся ответственность за проведение столь масштабного мероприятия [12, л. 21 – 21об]. Кроме того, делегаты от Свердловского отделения также принимали участие в других подобных встречах, представляя свой опыт сохранения памятников индустриального прошлого области. Например, на научно-технической конференции «Памятники трудовой славы советского народа. Их охрана и пропаганда» (1973 г.) [7, л. 4 – 8].

Таким образом, деятельность Свердловского отделения ВООПИК в сфере индустриального наследия была весьма разнообразна и эффективна. В статье приведены лишь некоторые примеры, иллюстрирующие направления деятельности Общества по выявлению, изучению, сохранению и пропаганде объектов, относящихся к промышленному прошлому Свердловской области.

Список источников и литературы:

1. Документы Алапаевского городского отделения общества об охране и реставрации памятников истории и культуры г. Алапаевск (1965 – 1982 гг.) // Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 250. Оп. 1. Д. 9.
2. Документы о работе молодежных организаций, выявлении и охране памятников истории и архитектуры в г. Артемовск (1967 – 1968 гг.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 21.
3. Документы о состоянии и охране памятников истории и культуры в городе Полевской (1965 – 1988 гг.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11.
4. Документы о состоянии и улучшении охраны и пропаганды памятников истории и культуры в г. Нижняя Салда (1970 – 1983 гг.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 63.
5. Документы о состоянии памятников истории и культуры, мемориальных досок, монументов Нижне-Сергинского районного отделения общества (1964-1971 гг.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 56.
6. Документы областного отделения Общества о создании музея-заповедника, реконструкции зданий и сооружений исторического сквера в г. Свердловск (1971-1972 гг.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 73.
7. Документы Свердловского городского и областного отделений об охране и пропаганде памятников трудовой славы, истории и культуры (1972 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 85.

8. Документы Свердловского облисполкома и Президиума областного Совета Общества о памятниках промышленной архитектуры области (1971 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 72.
9. Отчет архитектора Ю. А. Владимирского об изучении памятников промышленной архитектуры Артинского завода Свердловской области, рисунки и фотографии к нему (1971 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 74.
10. Переписка Президиума Совета Свердловского областного отделения и Центрального совета общества, горисполкома о реставрации объектов Исторического сквера г. Свердловск (1973 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 93.
11. Протокол № 1 заседания Президиума Совета областного отделения Общества (1966 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 14.
12. Протоколы № 26 – 32 заседаний Президиума Центрального совета ВООПИК (1969 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 60.
13. Распоряжение № 978-р Свердловского облисполкома об организации Свердловского областного отделения ВООПИК от 31.08.65 г. // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8.
14. Решение № 587 Свердловского облисполкома об организации охранных зон и улучшении охраны памятников истории и культуры области (1966 г.) // ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 15.

УДК 069+378+908

И.Ю. Матвеева,

заместитель директора по научной работе
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал»,
622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.
matveevaiyu@mail.ru

О. В. Рыжкова,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических наук,
социально-гуманитарный факультет,
Нижнетагильский государственный педагогический институт,
филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета; 622031 г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.
olimp_a49@mail.ru

МУЗЕЙ И ВУЗ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО АКТУАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА

Индустриальное наследие, сосредоточенное в старопромышленных городах Урала, является значимым ресурсом для формирования исторической памяти и городской идентичности горожан, брендинга территории. В статье презентуется опыт взаимодействия педагоги-

ческого вуза и Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» по актуализации индустриального наследия Нижнего Тагила среди молодежи. Рассматриваются как традиционные, так и инновационные формы актуализации наследия.

Ключевые слова: индустриальное наследие, бренд территории, актуализация, вуз, музей, Нижний Тагил, историческая память, городская идентичность, молодежь.

I. Yu. Matveeva

deputy Director for research
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St., 1.
matveevaiyu@mail.ru

Olga Ryzhkova,

candidate of historical Sciences, associate Professor of
Humanities and socio economic Sciences department, faculty of Social and
humanitarian Sciences,
Nizhny Tagil state pedagogical Institute,
branch of the Russian state vocational pedagogical University;
622031 Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, 57.
olimp_a49@mail.ru

MUSEUM AND HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: OPPORTUNITIES FOR INTERACTION ON UPDATING THE CITY'S INDUSTRIAL HERITAGE

Industrial heritage, concentrated in the old industrial cities of the Urals, is a significant resource to form the historical memory and urban identity of the citizens, branding the territory as well. The article presents an experience of interaction between the Pedagogical University and the Nizhny Tagil Museum-reserve of mining Ural's history «Gornozavodskoy Ural» on updating the industrial heritage of Nizhny Tagil among citizens. Both traditional and innovative forms of heritage actualization are considered here.

Key words: industrial heritage, territory brand, updating, higher educational institution, museum, Nizhny Tagil, historical memory, urban identity, young people.

Индустриальное наследие является составной частью всего историко-культурного наследия. Значительное количество этого наследия сосредоточено в старопромышленных городах Урала, в том числе и в Нижнем Тагиле. С момента распространения этого термина в России в начале 90-х гг. прошлого века научным сообществом проделана большая работа по изучению и сохранению индустриального наследия. Весомый вклад в осмысление индустриального наследия внесли уральские историки, на что вполне заслуженно указывается в подробных историографических обзорах, написанных в последнее десятилетие [см.,

например: 5, 8, 10, 11 и др.]. Все чаще исследователи стали обращать внимание на индустриальное наследие как на ресурс для развития территории, формирования исторической памяти и локальной идентичности. Однако для молодого поколения значимость этого наследия не всегда понятна и информация о нем воспринимается как иллюстративная, не связанная с текущей жизнью. О некоторых подходах в решении проблемы актуализации индустриального наследия в студенческой среде речь пойдет в предлагаемой статье.

Под актуализацией наследия в целом мы будем понимать «деятельность, направленную на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [16, с. 55].

Сложнее определиться с дефиницией «индустриальное наследие». На сегодняшний день в российском законодательстве это определение не закреплено. Тем не менее, термин «индустриальное наследие» широко используется в научной среде и общественными деятелями. Так, В.В. Запарий под индустриальным наследием в самом общем виде понимает «совокупность строений и артефактов, произведенных обществом с использованием труда и считающихся достаточно важными для сохранения их для будущих поколений [5, с. 77–83]. Он же предложил классификацию ОИН на основе различных критериев: по функциональному назначению, тематике и хронологии объектов [6, с. 215–216]. Г.Г. Григорян индустриальным наследием считает памятники массового индустриального производства, относящиеся к концу XVIII – середине XX вв. Это предприятия, вокзалы, энергетические производства и т.д., а также агрегаты и механизмы, построенные по индивидуальным или массовым проектам. Он обращает внимание на то, что в России наблюдается стремление придать антропологическую и экономико-историческую окраску этому понятию [4, с. 137–138]. На культурологический аспект в понимании сущности объектов индустриальной культуры обращает внимание Ю.Г. Тютюнник. По его мнению, объекты индустриальной культуры – это «любые производимые и производящие артефакты промышленного (агропромышленного) или транспортного назначения, которые можно интерпретировать культурологически безотносительно к их функциональному статусу и утилитарному значению [15, с. 48].

Как видим, устоявшегося определения дефиниции «индустриальное наследие» нет, можно говорить о формировании междисциплинарного подхода в изучении этого феномена.

Калькируя в определенной степени ст. 3 Федерального закона № 73 от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [17], в данной работе под объектами индустриального наследия (ОИН) будем понимать объекты движимого и недвижимого имущества, возникшие в результате процесса индустриализации, представляющие собой ценность, являющиеся свидетельствами и подлинны-

ми источниками периода индустриализации и датируемые с XVIII до середины XX в.

Важную роль в актуализации индустриального наследия среди молодежи играют музеи и вузы. Каким образом научная, музейная рефлексия об индустриальном наследии попадает в студенческую среду? Существует два основных способа освоения наследия прошлого: самостоятельный и организованный, в рамках учебно-воспитательного процесса в вузе. Последний более массовый, позволяет мониторить представления молодежи об историческом наследии и их отношение к нему.

Знания об индустриальном наследии студенты могут получить в процессе изучения гуманитарных дисциплин, на учебных практиках и при написании курсовых и выпускных квалификационных работ. Больше возможностей погрузиться в эту тему имеют студенты гуманитарных факультетов и профильных вузов (прежде всего, архитектурных). Опыт учебного и научного проектирования студентов по интересующей нас теме описан в ряде публикаций, в том числе и одного из авторов статьи [см., например, 12–14, 18, 19]. Дополнительные возможности для актуализации индустриального наследия в студенческой среде дает внеучебная деятельность: участие в научных и социальных конкурсах, проектах, конференциях, экспедициях, просветительских акциях, работа в проблемных творческих группах, волонтерских отрядах и т.п.

В связи с переходом на стандарты нового поколения структура, содержание и объем аудиторной нагрузки, предназначенной для изучения дисциплин гуманитарной, краеведческой направленности, существенно изменились в сторону ее сокращения. В новых гуманитарно-секвестированных учебных планах в модуле обязательных дисциплин осталась фактически единственная дисциплина – «История», в рамках которой можно развивать историческую память студентов, актуализировать историко-культурное наследие. Из модуля дисциплин по выбору во многих вузах, включая и Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, исчезла «История и культура Урала», ранее читаемая на всех факультетах. В то же время в структуре ООП увеличилось количество практик, значимой для рейтинга и аккредитации вузов стала НИР.

В этих условиях историко-культурное наследие в целом, индустриальное в частности может стать дополнительным ресурсом для повышения интерактивности, практикоориентированности, наукоемкости исторического образования в вузе, развития партнерских отношений между музеем и вузом. Хороший пример в этом отношении демонстрирует Уральский федеральный университет, являющийся одним из центров российского движения за сохранение и актуализацию индустриального наследия [11]. Он активно транслирует в студенческую среду не только отечественный, но и зарубежный опыт работы с индустриальным наследием.

Большая работа по сохранению и актуализации индустриального наследия

проводится и в Нижнем Тагиле. В настоящее время на территории города расположены восемь объектов культурного наследия (ОКН) федерального значения, 58 регионального, более 50 – муниципального значения. Однако в эти списки, по нашему мнению, попали не все объекты индустриального наследия города, заслуживающие изучения и сохранения. Особенно это касается объектов второго этапа индустриализации по периодизации В.В. Запария [6, с. 216].

Исторически так сложилось, что Нижний Тагил стоял у истоков создания по воле первого российского императора мощной металлургической базы страны в XVIII в. Проводниками курса на индустриализацию вплоть до начала XX в. здесь были представители рода Демидовых. До настоящего времени в разной степени сохранности в городе существуют объекты индустриального наследия практически всех групп предложенной В.В. Запарий [6, с. 215] классификации памятников по их функциональному назначению (см. табл.). Сохранились также фрагменты индустриального ландшафта раннего периода индустриализации (Лисья гора, гора Высокая с карьером, Меднорудянский рудник, реки Тагил и Рудянка, Нижнетагильский пруд и др.). Именно в отношении этого комплекса ОИИ с конца 80-х гг. XX в. проведена, прежде всего, сотрудниками музея-заповедника, большая работа по изучению, сохранению и актуализации. Подробный анализ этой работы может стать предметом отдельной статьи. Отметим лишь то, что вписывается в контекст данной статьи.

В 1987 г. в Нижнем Тагиле был реализован первый опыт музеефикации объектов индустриального наследия – на базе Нижнетагильского металлургического завода им. Куйбышева (Старого Демидовского завода) был создан завод-музей техники черной металлургии. В 90-е гг. на территории музея-завода проводились охранные археологические раскопки по расчистке ларя, в которых участвовали студенты исторического (ныне социально-гуманитарного факультета).

Дважды в музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» при поддержке Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИИ) были проведены международные конференции: «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы» (1993), «Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур 1700 – 1950 гг.» (1996), XII Международный конгресс «Трансформация старых промышленных центров и роль индустриального наследия» (2003). В 2016 г. музеем-заповедником была проведена конференция «Музей-заповедник в культурном пространстве старопромышленного города», на которой обсуждались проблемы сохранения, ревалоризации и популяризации индустриального наследия, его влияния на проекты развития территории. Изданные по итогам этих форумов материалы используются в учебно-воспитательном процессе в вузе.

Еще в 1990-е гг. коллективом Нижнетагильского музея-заповедника, институтом Тагилгражданпроект и Уральской государственной архитектурной академией был разработан проект сохранения и музеефикации завода-музея

как индустриального наследия Нижнего Тагила XIX в. в составе «Индустриально-ландшафтного Демидов-парка» [1, с. 3]. Разработчики проекта презентовали его и в студенческой аудитории на тематическом «круглом столе.» В 2002 г. проект был утвержден городской Думой Нижнего Тагила, но так и не был реализован.

Переработка концепции проекта «Индустриально-ландшафтного Демидов-парка» в качестве стратегии развития города Нижний Тагил предполагает новый подход – реновацию, сохранение, адаптацию и использование объектов индустриальной культуры Демидовых и социалистического периода [1, с. 3]. Реализовать эту концепцию возможно лишь при активной поддержке и участии местного населения, в том числе и студенчества.

Приоритетным направлением актуализации наследия в музее является культурно-просветительская деятельность. Это как традиционные экскурсии и музейные лекции, так и активные формы – вело- и автоквесты, мастер-классы и др., на которые систематически приглашаются студенты вуза.

Тема индустриального наследия находит отражение и в выставочной деятельности музея. В рамках подготовки к 300-летию Нижнего Тагила по данной теме уже состоялись следующие выставочные проекты: «Город-завод», «Осторожно! Архитектура!», «Была гора Высокая...».

Арт-осмысление ОИН считается одним из способов актуализации наследия. Нижний Тагил имеет опыт и в этом направлении. Так, ЭИТ «Старый Демидовский завод» не раз становился площадкой для фестиваля «Возьмемся за руки, друзья», посвященного творчеству Булата Окуджавы, театральных постановок к историческим юбилеям (например, 100-летию тагильской комсомольской организации), пленэров художников. В 2017 г. в рамках IV Уральской биеннале современного искусства в одном из цехов музея-завода была открыта выставка «Ми́ростроения». Эта выставка дала пример сохранения индустриального наследия через работы современных художников. Главным объектом «Ми́ростроения» стала заводская реторта для стали, которую превратили в аудиовизуальную инсталляцию.

Возможностей ознакомиться со всеми этими музейными формами актуализации индустриального наследия больше у студентов, обучающихся в педагогическом вузе по профилям «История», «История и обществознание». С историко-культурным наследием Урала они знакомятся, изучая «Истрию и культуру Урала», курсы по выбору модуля «Дисциплины профильной подготовки» (это «Археология», «Историческое краеведение», «Музееведение и музейная педагогика»), а также при прохождении учебно-исследовательских практик (археологической, музейной, архивной). Более глубоко, системно интересующая тема рассматривалась в курсе по выбору «Историко-культурное наследие Урала», разработанному одним из авторов статьи [12, с. 443-444].

Арт-осмысление ОИН в вузе реализуется через творческие проекты, как в рамках учебной, так и внеучебной деятельности на различных факультетах. В

качестве примера отметим серию фотовыставок «Нижний Тагил: XXI век», экспонирующих фотовпечатления тагильчан XXI века о своем городе. Первая выставка состоялась в 2012 г. и была приурочена к 290-летию города. Фотообъектив участников второй выставки, прошедшей в 2014 г., зафиксировал архитектурно-скульптурное наследие Нижнего Тагила, дизайн городской среды. Выставка 2016 г. «Мой город Нижний Тагил: маршруты выходного дня» стала фотоанонсом пешеходных экскурсий для студентов в выходные дни. В каждый из пяти предложенных комплексов-маршрутов были включены объекты культурного наследия федерального и регионального значения. В проектировании, монтаже выставок участвовали студенты социально-гуманитарного факультета в рамках изучения курса «Музееведение и основы экскурсионного дела».

Еще одним примером удачного учебного проектирования по арт-осмыслению наследия может служить фотокаталог «Объекты культурного наследия г. Нижний Тагил», выполненный выпускницей факультета художественного образования Е. Вижгиной в 2014 г. В него были включены только ОКН федерального и регионального значения. Подобную работу можно выполнить и применительно к объектам индустриального наследия, ранжируя их по хронологическому или функциональному критерию.

Второй год вуз реализует просветительский проект «PRO Город». В 2019 г. он прошел в формате фест-квеста. Один из образовательных квестов этого фестиваля «Тагил Демидовский» побуждал студентов познакомиться, в том числе и с индустриальным наследием. В 2020 г. в связи с эпидемиологической ситуацией проект реализуется в онлайн-формате, тематически он посвящен трудовой доблести тагильчан в годы Великой Отечественной войны. Онлайн-экскурсии и выставки познакомят студентов с деятельностью промышленных предприятий, передовыми для своего времени технологиями. Важно, что проект реализуется на средства гранта, полученного студентами в городском конкурсе «Твоя инициатива», а социальными партнерами являются и музеи, и исторический архив, и центр развития туризма.

Доброй традицией стало проведение в годы юбилеев и круглых дат в истории города научно-практических конференций, организуемых совместно вузом, музеями (музеем-заповедником и музеем изобразительных искусств) и городским историческим архивом [3, 4]. Студенты вуза принимают в них участие в разных ипостасях: в качестве докладчиков, слушателей, участников тематических арт-проектов, волонтеров, помогающих в организации и проведении конференций. На прошедших конференциях проблемы наследия рассматривались в формате секционных заседаний или «круглых столов».

Таким образом, актуализируя индустриальное наследие, музей и вуз становятся инструментами развития человека, формирования его исторической памяти и локальной идентичности. Способов актуализации индустриального наследия среди молодежи много. В современной ситуации оптимизации всего и вся

как в музеях, так и в системе высшего образования, единственным выходом для продолжения этой важной работы может стать усиление кооперации между всеми институтами, занимающимися изучением, сохранением и популяризацией историко-культурного, в том числе индустриального наследия. Эффективность этой кропотливой работы зависит от многих факторов. Определяющими, на наш взгляд, являются обоюдное желание и воля к сотрудничеству с целью актуализации индустриального наследия. Большое значение имеют систематичность, жанровое и содержательное разнообразие, использование интерактивных методов, ИКТ, тщательная подборка контента для просветительской деятельности, вовлеченность в нее студентов и социальных партнеров, регулярный мониторинг результатов проводимой работы.

Более эффективно стоит использовать возможности пока еще сохраняющихся в учебных планах вузов дисциплин гуманитарного цикла («История», «Философия») и активнее «вкраплять» сюжеты по данной проблематике в их контекст.

Считаем, что в изучении индустриального наследия более пристальное внимание стоит уделить историко-педагогическому аспекту. В рамках этого направления необходимо обсуждать опыт, технологии и методики актуализации индустриального наследия в различных социальных группах с учетом их возрастных, психологических особенностей восприятия исторической информации.

Классификация объектов индустриального наследия (ОИН) первого индустриального периода г. Нижний Тагил по их функциональному назначению

№	Название классификационной единицы (по Запарий В.В., 2007)	Перечень ОИН
А	Производственные центры	Объекты Эко-индустриального технопарка (ЭИТ) «Старый Демидовский завод», Высокогорский рудник, производственное оборудование, образцы заводской продукции, технологии, применяемые на производстве.
Б	Склады и хранилища	Верхние и Нижние провиантские склады, здания складов на площадке ЭИТ «Старый Демидовский завод».
В	Энергия	Заводская плотина, гидросистема, энергоцеха «Старого Демидовского завода»
Г	Транспорт	Подвижной состав «Старого Демидовского завода» и другие транспортные средства, узкоколейная железная дорога, старые тракты и др.

Д	Социальная среда	Административно-усадебный ансамбль Главного управления Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых, здание Демидовского госпиталя, здания Горнозаводского училища, Павло-Анатольевской женской гимназии и Земского училища, жилые районы и улицы с сохранением исторической застройки – Ключи, Старая Гальянка, ул. Тагильская, Кирова и др., документальное индустриальное наследие, хранящееся в музеях, архивах, библиотеках.
---	------------------	--

Список источников и литературы:

1. Баранов Ю.М. Индустриально-ландшафтный Демидов-парк [Электронный ресурс]: реновация старопромышленной территории, стратегия модернизации города Нижний Тагил и Нижнетагильского городского округа: электронная монография / Баранов Ю. М., Кузовкова М.В., Бунькова А. А.; Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Нижнетагильский технологический ин.-т (фил.). Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2014. ил.
2. Город: годы, события, люди: материалы II региональной научно-практической конференции, Нижний Тагил, 17 февраля – 17 апреля 2012 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. – 526 с.: ил.
3. Город, социум, среда: история и векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 14 – 15 сентября 2017 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил: НТГСПИ (ф) РГППУ, 2017. – 280 с.
4. Григорян Г.Г. Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур, 1700 – 1950: материалы международной научной конференции. Нижний Тагил, 15 – 18 августа 1996 г. – Екатеринбург, Банк культурной информации, 1997. С. 137 – 138.
5. Запарий В.В. К вопросу о понимании концепции «Индустриальное наследие в России и за рубежом» // Российский научный журнал. 2008. № 2(3). С. 77 – 83.
6. Запарий В.В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании концепции в России и за рубежом) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL :www.LIT.I-DOCX.RU (24.10.2020).
7. Запарий В.В. Индустриальное наследие в России и на Урале: проблемы актуализации // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25 – 26 окт. 2010 г. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; [редкол.: Е. Т. Артемов (отв. ред.) и др.]. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – с. 70 – 77.
8. Камынин В. Д. Изучение индустриального наследия на Урале на рубеже XX – XXI столетий // Веси. 2015. № 10. С. 89 – 96.
9. Курлаев А. Е. Историографическое осмысление индустриального наследия в России // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 47–53.
10. Лахтионова Е. С. К вопросу об изучении проблем сохранения индустриального наследия на Урале / Е. С. Лахтионова // VII ежегодная научная конференция кафедры истории и социальных технологий УрФУ «Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение». Екатеринбург,

бург, 8 февраля 2018 г.: материалы конференции. — Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. — С. 134 – 139.

11. Лахтионова Е. С. Уральский федеральный университет как центр российского движения за сохранение индустриального наследия / Е. С. Лахтионова // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, 19-20 октября 2018 г., Екатеринбург, УрФУ. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. — С. 51 – 57.

12. Рыжкова О. В. Историко-культурное наследие Урала в контексте высшего профессионального образования // Десятые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19-20 апреля 2012 г.) / под ред. Г. Е. Корнилова. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2013. С. 443–446.

13. Рыжкова О.В. Историко-культурное наследие города: варианты актуализации // Грибушинские чтения – 2015. Кунгурский диалог. Тезисы докладов и сообщений X Международного социально-культурного форума (г. Кунгур, 22-25 апреля 2015 г.) – Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2015. – 568 с. С. 503–506.

14. Рыжкова О.В. Формирование городской идентичности как составляющая учебно-воспитательной деятельности педагогического вуза // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: социальные трансформации и историческая память: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 22 ноября 2019 г. / отв. ред. Н. Ю. Мочалова. – Нижний Тагил: НТГСПИ (ф) РГППУ, 2019.– С. 149–153.

15. Тютюнник Ю.Г. Объекты индустриальной культуры и ландшафт / Предисл. В.М. Пашенко. – К.: Издательско-печатный комплекс Университета «Украина», 2007 – с. 48.

16. Урмина И. А. Актуализация документального научного наследия в музейно-выставочной деятельности // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, Архив РАН, 8 июля 2018 г. / Отв. ред. В. П. Козлов, отв. сост. И. Н. Ильина. – М.: Архив РАН, 2018. С. 54– 60.

17. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ: [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: www.zakonrf.info (20.10.2020).

18. Чайко Д.С. Современные инновационные подходы к сохранению и интеграции производственных объектов в дипломном проектировании МАрХИ // Academia. Архитектура и строительство. 2013. №1. С. 10–17

19. Ютина Т. К. Тема «город-завод» в научных исследованиях студентов института истории и социологии Удмуртского государственного университета // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 сентября 2020 г., Ижевск) / УдмФИЦ УрО РАН – Ижевск, 2020 – 360 с. С. 193–199.

УДК 304.44

Т. В. Неймышева,

специалист по адаптации и использованию
памятников и объектов проекта

Эко-индустриальный Технопарк (ЭИТ)

МКУК Нижнетагильский музей-заповедник

«Горнозаводской Урал», 622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.

tatiananeymisheva@gmail.com

**ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КОМПЛЕКСА
НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
ЗАВОДА (НТМЗ) КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**

В статье проанализированы основные признаки понятия «индустриального наследия», а также рассмотрены его характерные черты на примере объектов комплекса Нижнетагильского металлургического завода (музея-завода): здания бани-душа («гайка») 1929 г., механического цеха 1840 г., листового цеха 1927 г., цеха металлоконструкций 1947 г. Отмечаются этапы становления рассматриваемого комплекса как объекта индустриального наследия, история смены статуса его зданий с действующих производств на объекты, охраняемые государством. Проанализированы способы адаптации рассматриваемых объектов под современные нужды музея и общества.

Ключевые слова: индустриальное наследие, музей-завод, приспособление, адаптация, использование промышленных объектов, развитие объектов индустриального наследия.

Т. V. Neimysheva,

specialist for Eco Industrial Technopark (EIT) project
monuments and objects adaptation and use

The Nizhny Tagil Museum-Reserve

«Mining and Work Ural», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St., 1.

tatiananeymisheva@gmail.com

**ADAPTATION OF THE NIZHNETAGILSKII METALLURGICAL
PLANT (NTMZ) OBJECTS AS
INTERPRETATION OF INDUSTRIAL HERITAGE CONCEPT**

The article analyzes the main features of industrial heritage concept and also considers its particularities as an example of the Nizhny Tagil Metallurgical Plant (museum-plant) objects: the building of baths-shower («nut») 1929, mechanical manufactory 1840, sheet-cutting manufactory 1927, metal structures manufactory 1947. The stages of the complex's formation under consideration as an object of industrial heritage, the history of the change in the status of its buildings from existing production facilities to the objects protected by the state are noted. The ways of adapting the objects under consideration to the modern needs of the museum and society are analyzed.

Key words: industrial heritage, museum-plant, adaptation, use of industrial facilities, development of industrial heritage objects.

В последнее время все больший интерес общественности вызывают история и культура индустриальных объектов, утративших свое первоначальное предназначение. Продолжается процесс перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, когда промышленные предприятия закрываются, и возникает вопрос о дальнейшем использовании их территорий, зданий и оборудования.

Некоторые исторические промышленные объекты получают статус объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и их сохранение регламентируется федеральным законом. Для других объектов индустриального наследия могут быть законодательно установлены не столь строгие требования к реконструкции и использованию. Но, несмотря на это, опыт сохранения подобных объектов и их повторного использования в России пока что невелик.

Часть из подобных сооружений остро нуждается в трансформации, морально устарела или функционально не востребована. Это отнюдь не значит, что необходимо полное их переустройство под новую функцию. Главными целями подобных реконструкций является создание гармоничного единства сохраняемого облика и новой функции, а также бережное сохранение исторических элементов здания при изменении (порой значительном) конструктивных либо архитектурных решений, а также функционального назначения здания.

Сохранение и адаптация уникальных промышленных объектов и их территорий – носителей отголосков определенной историко-технологической эпохи – очень актуально для всех, кому интересно индустриальное наследие нашей страны. Одним из таких выдающихся комплексов является Музей-заповедник «Горнозаводской Урал», в частности, Индустриально-ландшафтный комплекс «Демидов-парк» и входящий в его состав «Старый Демидовский завод» 1725 г., ныне Эко-индустриальный Технопарк «Старый Демидовский завод» (музей-завод). Этот уникальный объект, как и входящие в его состав здания и сооружения с прилегающей территорией, соответствует всем параметрам, присущим понятию «индустриальное наследие». Он обладает, согласно методике Испанского исторического института наследия:

- 1) ценностью, уникальностью, аутентичностью, физической целостностью;
- 2) исторической, социальной, технологической, художественной, архитектурной, территориальной значимостью;
- 3) возможностью полной реконструкции, должным уровнем сохранности, жизнеспособностью и социальной значимостью [1, с.78].

Также комплекс состоит из «материальных объектов индустриальной и технической культуры, созданных для производства, а не с целью обладания исторической, технологической, социальной, архитектурной и научной ценностью», что тоже характерно для индустриального наследия [2, с.118].

На территории музея-завода с 1987 г. располагались как здания, уже относившиеся к музею, так и действующая промышленная площадка с несколькими работающими цехами. С 2014 года действующие цеха перестали использоваться по назначению и также вошли в состав данного комплекса. Ныне музей-завод «раскрывает феномен мощной металлургической империи, созданной Демидовыми в XVIII–XIX вв., переродившейся в советский период и адаптированной к современному экономическому пространству» [1, с.80].

Комплекс занимается презентацией истории горнозаводского дела на Урале, иллюстрируя основные стадии металлургического производства. Музей-завод представляет собой совокупность зданий нескольких исторических эпох, в т. ч. производств «переходного периода», что само по себе является уникальным явлением. Проект Эко-индустриального Технопарка развивает и дополняет это сочетание различных исторических периодов развития горнозаводского дела. На современном этапе развития данного проекта некоторые здания комплекса нуждаются не только в сохранении (как исторически значимые объекты), но и в переосмыслении их функции для современных потребностей музея и общества. Например, такими объектами комплекса являются: здание бани-душа («гайка») 1929 г., механический цех 1840 г., листобойный цех 1927 г., цех металлоконструкций 1947 г.

Здание бани-душа было построено в 1929 г. и имеет в плане восьмиугольную форму, весьма необычную даже для объекта конструктивизма, поэтому получило в народе прозвище «гайка». Сама функция была завязана с этой формой: подразумевалось деление здания на индивидуальные помывочные зоны, что было удобно осуществить по секторам восьмиугольника. По самому краю восьмиугольника вдоль внешней наружной стены с окнами проходил общий коридор, по которому можно было обойти здание и зайти в помывочные помещения [Ил. 1, стр. 90].

Функционально здание являлось баней-душом вплоть до 60-х годов XX в., в последствии оно было отдано под художественную мастерскую, в которую входили макетный участок, а после и участки резьбы по дереву, художественного литья, камнерезов, граверов, художников. Таким образом, здание относилось как к социальным объектам, так и к производственным центрам в разные периоды жизни завода, что, безусловно, отражает историю развития производства. Это первый признак объекта индустриального наследия. В то же время возможности приспособления здания достаточно широки: оно не имеет статуса объекта культурного наследия (ОКН).

Здание претерпело внутренние конструктивные изменения и перепланировку. В 2013 г. здание стало собственностью музея. На данный момент здание сохраняется методом консервации, уже прорабатываются различные варианты использования здания, что вполне осуществимо (при благоприятной финансовой поддержке). Возможно приспособление как архитектурного объекта эпохи конструктивизма или как выставочной площадки, в том числе и в тематике из-

начального использования (интерьерное пространство помывочной кабинки с предметами убранства и быта), или как объекта социальной направленности (школа танцев, школа мастеров) [Ил. 2, стр. 90].

Механический цех был построен в 1840 г. как одноэтажное здание в стиле промышленного классицизма, которое фиксирует историческую периметральную застройку завода. В целом комплекс механического цеха имеет сложную планировку, а также целую сеть старинных подземных гидротехнических коммуникаций.

После реконструкции 1892 г. цех стал представлять собой трехпролетное здание в романском стиле с эффектным главным фасадом, являющимся некой репликой главного фасада здания Императорского коммерческого училища в Санкт-Петербурге, которое принадлежало Демидовым. Сочетание нетривиального внешнего облика и отлаженной производственной функции в одном здании очень интересно, и сохранение этого здания, безусловно, необходимо ради лучшего понимания развития этой эпохи. Это второй признак индустриального наследия. На данный момент здание сохраняется методом консервации, но, так как оно является объектом культурного наследия, то возможности к его адаптации и приспособлению ограничены законом [Ил. 3, стр. 90].

Суть приспособления объекта культурного наследия (ОКН) для современного использования состоит в создании определенных условий его использования (в отличие от консервации, ремонта или реставрации, для которых главными целями являются предотвращение ухудшения, либо поддержания в должном состоянии ОКН, а также сохранность историко-культурной ценности). Поэтому наиболее приемлемым решением представляется приспособление и использование здания как выставочной площадки. Интерес может заключаться в тематическом разнообразии выставок и мероприятий, проводимых в исторических интерьерах, а также в подробной демонстрации внутреннего технического оснащения цеха разных временных периодов, либо в совмещении этих аспектов [Ил. 4, стр. 90].

Цех металлоконструкций, построенный в 1947 г., является одним из самых «молодых» сооружений на территории музея-завода и не имеет статуса ОКН. По сути это стандартный, на тот период, производственный цех с основой – металлическим каркасом, но он является отражением своего времени и одним из паззлов в общей картине зданий и цехов нескольких исторических эпох. Цех дает представление о развитии производства во времени, а также доказывает уникальность данного периода индустриализации в истории Урала. Это третий признак индустриального наследия.

Сейчас здание сохраняется методом консервации, но разрабатываются варианты его адаптации под современные нужды. Наружная, грубая отделка цеха (листы шифера) скрывает внутреннюю металлическую конструкцию, делая цех тяжеловесным, примитивным и не интересным для обозрения. Поэтому одним из вариантов адаптации здания цеха стало решение о

демонтаже наружной отделки цеха и заменой ее на модули остекления.

Такой вариант позволит защитить внутренние металлические конструкции от неблагоприятных факторов внешней среды, и в то же время раскроет возможность их обозрения снаружи. Расширятся и возможности вторичного использования внутреннего пространства: здесь можно устроить и оранжерею, и даже бассейн при оснащении достаточным количеством различных коммуникаций.

Подобный вариант использования имеет достаточно высокую стоимость при реализации, и для воплощения идеи может потребоваться много времени. Поэтому предлагается разделение процесса адаптации на несколько этапов, которые могут существовать как отдельные варианты. Например, первый этап может включать в себя демонтаж наружной отделки и покрытие металлической конструкции защитными составами, а внутреннее пространство цеха можно декорировать зимостойкими ландшафтными композициями и растениями, имитируя оранжерею, лишенную стекла. Данный промежуточный вариант также создаст эффект «прозрачности» цеха: сквозь легкую ажурную металлическую конструкцию цеха откроются прекрасные виды на завод от плотины, и появится возможность сквозного прохода через данный цех на внутреннюю территорию прокатного и доменного цехов.

Листобойный цех был построен в 1927 г. По своему типу он идентичен цеху металлоконструкций, соответственно, возможно применить те же приемы приспособления с заменой металлической наружной отделки на прозрачные модули для защиты и обозрения внутренних металлических конструкций. Пространство цеха планируется использовать как выставочное, в частности, для гранд-макета «Старого Демидовского завода» и его территории.

В заключение стоит отметить, что понятие индустриального наследия в полной мере раскрывается на примере объектов музея-завода, ведь они отражают развитие производственных мощностей горнозаводского дела на Урале, доказывают уникальность данного периода в истории нашего края и лучше всего иллюстрируют различные эпохи становления завода.

Общество должно быть нацелено на приоритетные задачи по отношению к ним: сохранение в силу их особой исторической значимости и приспособлению в гармонии с культурной составляющей. Итогом успешной адаптации зданий станет повышение популяризации объектов в современной среде. Нельзя не упомянуть, что «при продвижении идеи арт-осмысления индустриального наследия немаловажную роль играет психология его восприятия человеком» [2, с.125]. Историческая составляющая подобных объектов всегда должна быть основой для предложения их новой функции и нового облика. Таким образом, можно привлечь как поклонников искусства, так и заинтересованных в истории людей, а также преобразить внутреннюю атмосферу в самом помещении и открыть новую яркую станицу в истории жизни каждого объекта индустриального наследия.

Список источников и литературы:

1. Зайцева А. И. Анализ опыта сохранения и редевелопмента объектов индустриального наследия. [Электронный ресурс] / А. И. Зайцева, О. А. Брель, Ф. Ю. Кайзер. // Культурное наследие. 2018. № 4. С. 77-81. Электронная копия доступна в науч. электрон. б-ке Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opyta-sohraneniya-i-redevelopmenta-obektov-industrialnogo-naslediya/viewer> (дата обращения: 05.10.2020).
2. Копылова А. А. Индустриальное наследие: переосмысление и трансформация [Электронный ресурс] // Туризм: технологии и тренды : материалы III студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург, 2017. С. 117-126. Электронная копия доступна в электрон. архиве УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/53574/1/ttt_2017_012.pdf (дата обращения: 07.10.2020).
3. Бердюгина Ю. М. Критерии приспособления объекта культурного наследия для современного использования [Электронный ресурс] // Академический вестник УРАЛНИИ-ПРОЕКТ РААСН. 2018. № 1. С. 47-51. Электронная копия доступна в науч. электрон. б-ке Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-prisposobleniya-obekta-kulturnogo-naslediya-dlya-sovremennogo-ispolzovaniya/viewer> (дата обращения: 29.09.2020)/

УДК 069

Г.А. Осетрова,
научный сотрудник
МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал»,
622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.

РАРИТЕТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА

В статье рассматриваются вопросы частичной музеефикации территории старого Демидовского завода в Нижнем Тагиле, отведённой под Индустриальный парк, изучения истории наиболее значимых экспонатов, расположенных на данной площадке музея-завода.

Ключевые слова: индустриальное наследие, памятники индустриальной культуры первой половины XX в., паровая машина листопркатного стана, разливочная машина.

G.A. Osetrova,
research associate
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St., 1.

RARITY OF INDUSTRIAL HERITAGE

The article deals with the issues of partial museification of the territory of the old Demidovsky plant in Nizhny Tagil, allocated for an Industrial Park, and the study of the history of the most

significant exhibits located on this site of the Museum-plant.

Keywords: industrial heritage, monuments of industrial culture of the first half of the XX century, sheet rolling mill steam engine, filling machine.

В Нижнетагильском музее вопросы сохранения и изучения промышленного наследия рассматривались как одно из направлений деятельности на протяжении всей его истории. В своё время по распоряжению хозяина заводов П.П. Демидова предписывалось сдавать в Музей естественной истории и древностей по два экземпляра всех видов продукции, выпускаемой в Тагильском округе. В советский период при реконструкции и закрытии ряда производств сотрудники завода и музея сумели сохранить некоторые образцы оборудования металлургического производства. Т.К. Гуськова, Л.П. Лепо, Н.И. Цыпушкина, Л.П. Малеева положили начало коллекции производственного оборудования в нашем музее, когда вопрос о сохранении индустриального наследия как части культурного наследия общества ещё не стоял.

С конца 1970-х гг. коллектив Нижнетагильского музея начал разработку концепции дальнейшего развития учреждения, в которую был включён раздел горнозаводской, промышленной истории края.

Результатом долгой кропотливой работы явился приказ Министерства чёрной металлургии СССР и Министерства культуры РСФСР № 32/22 от 13 января 1989 г. об организации отраслевого музея-завода истории развития техники черной металлургии, который должен был «расположиться на промплощадке бывшего металлургического завода им. В.В. Куйбышева».

Вариант А. На основе научных разработок работников Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала был предложена «Комплексная программа проектно-сметных и ремонтно-восстановительных работ по созданию музея-завода в составе Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала на 1989 – 2000 гг.». Кроме экспозиций по основным производствам металлургического завода – доменное, мартеновское, прокатное, по вспомогательным службам: энергохозяйство, механическое производство было предусмотрено создание экспозиций под открытым небом и зон отдыха.

Вариант Б. Комплексная программа по созданию музея-завода на 1989 – 2000 гг., кроме создания экспозиций по основным и вспомогательным производствам включала в себя облагораживание, благоустройство охранно-исторической зоны и формирование индустриального парка.

Предполагалось, что Индустриальный парк будет включать в себя выставку под открытым небом крупногабаритных экспонатов металлургического оборудования и техники XX в. с разных уральских заводов, исторические культурно-развлекательные игротеки, мастерские по изготовлению и продаже сувениров традиционных промыслов. Место парку отводилось на так называемом

«Острове», территории между руслами рек Тагил и Рудянка.

В данной статье хотелось бы рассмотреть историю появления в Нижнем Тагиле двух образцов заводского оборудования, относящегося к первой половине XX в.

«Чугуноразливочная машина фирмы «Бамаг» [Ил. 1] появилась на Нижнетагильском заводе и была пущена в действие в 1932 г., в рамках реконструкции предприятия. Разливочный участок обновлённого доменного цеха оказался в некотором отдалении от новых доменных печей, так как места для размещения разливочного агрегата рядом с ними не было из-за исторически сложившейся плотной промышленной застройки, поэтому новый агрегат был установлен на «Острове».

История покупки разливочной машины, затянувшаяся почти на полтора года, пример бюрократического подхода к делу руководства «Металлоимпорта», занимавшегося закупкой оборудования за границей. Несмотря на обоснованные документально требования, с посылкой чертежей и разъяснением особенностей производства на промышленной территории, действующей с XVIII в., предпочтения заводского руководства не были учтены [3].

Много сложностей было и с установкой машины, о чём свидетельствуют заводские отчёты [3] и репортажи в газете «Тагильский рабочий» за 1932 г.: «Чертежи поступили за 19 дней до сборки. Над ними ИТР, мастера, рабочие просиживали ночи. Собирали машину по немецкому, непереверённому чертежу. Собирали по догадке, будто дети кубики. Для того, чтобы сравнивать, собирать нужные части – пришлось открывать ящики с деталями машины, сравнивать оригиналы с чертежами. В процессе работы были и переделки. Приходилось исправлять ошибки, допущенные фирмой «Бамаг». Был оставлен лишний угол в нижней стойке. Он не пускал предохранительную плиту на место. Верхний жёлоб пришлось вырезать в углу. Болты оказались слишком короткими, но механический цех заменил их требуемыми. Не все детали были высланы из-за границы. Бригады механического цеха изготовили такие детали, как натяжные рельсы с соединениями, подшипники, болты и т.д. Ударники Андронов, Гаёв, Бахусов не считались ни с чем: 16 часов они считали нормальной сменой в такие горячие дни» [4, с. 2].

18 марта 1932 г. состоялся пробный пуск машины, 20 марта она была полностью введена в действие. Разливочная машина с ремонтами и реконструкциями проработала до закрытия доменного цеха осенью 1987 г.: 6 октября последнюю плавку выдала доменная печь № 2 и на машине провели последнюю разливку чугуна старого завода. По свидетельству работника предприятия, его историографа С.И. Хлопотова, из 14 млн. тонн чугуна, выпущенного на заводе – 11 млн. тонн было разлито на этой машине [1].

Здание разливочного участка, комплекс оборудования, размещённого в нём, участок охлаждения и пр. — могли стать экспозиционной площадкой, максимально приближенной к реальному производственному участку, которую нужно

Ил.1. Нижнетагильский музей-завод.Экспозиция Разливочная машина. Фото А.В. Козлова. 1999 г.

было благоустроить, приспособить для экскурсионных посещений и вокруг неё формировать индустриальный сквер.

Но жизнь вносит свои коррективы: в конце 1980 – начале 1990-х гг. все предприятия страны получают задание расширить выпуск товаров народного потребления. На Нижнетагильском металлургическом комбинате после закрытия доменного цеха № 2 было принято решение строить новый цех по производству ТНП на «Острове». Следовательно, разливочную машину нужно было демонтировать и разместить в усечённом варианте в каком-либо другом месте. Взамен комбинат обещал отреставрировать здания конюшенного двора (XIX в.), в котором ранее размещался цех ширпотреба, и передать их музею как исторические объекты. Но и этому не суждено было случиться. В связи с кардинальными изменениями, которые произошли в общественно-политической жизни страны в 1991 г., резко ухудшилось и экономическое положение. Строительство новых корпусов не было проведено и музей смог вернуться к прежней идее расположения Индустриального парка на «Острове», что отмечено в Пояснительной записке 1992 г. С. И. Хлопотова: «В связи с тем, что НТМК отказался от строительства новых корпусов ПТНП на заводе им. Куйбышева, появилась возможность приступить к размещению экспонатов на «Острове», заявив тем самым о серьёзном намерении создания Индустриального парка с первоначально задуманным размером территории. Установка первых экспонатов, узлов, деталей и оборудования, поспешно демонтированной разливочной машины не мешает проектированию и развитию в дальнейшем предусмотренной концепцией зоны отдыха, так как их целесообразно разместить на прежнем рабочем месте. Такой

показ элементов металлургического агрегата 1932 г. с рассказом экскурсовода и размещением на стенде больших фотографий по теме, дадут чёткое представление об устройстве, назначении и технологическом процессе разливочной машины. Площадка с экспонатами – общий постамент – размещается на месте демонтированного участка разлива чугуна. Размещение экспозиции на историческом месте, а не в стеснённых условиях с устройством куцей РМ, позволит правильно расположить агрегаты. Кроме того, достаточность территории позволит без ущерба наглядности построить кантовальное устройство (лебёдку) с крюком и навес (крышу) над всей экспозицией [1]. Тогда же Сергей Иванович разработал эскиз установки узлов и деталей разливочной машины на «Острове» [1].

Реальная работа по размещению разливочной машины, требующая больших затрат, началась намного позже, потому что первым этапом формирования Индустриального парка стала установка механического и прокатного оборудования с уральских заводов в 1994 – 1995 гг. при подготовке к международной конференции «Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700 – 1950 гг.». Подготовка площадки под разливочную машину происходила в 1997 – 1998 гг., причём ускорение работ произошло благодаря реализации Областной программы празднования 300-летия уральской металлургии. В 1999 г. были завершены монтажно-экспозиционные работы и все другие «кроме покраски по экспозиции «Разливочная машина» [2, Л. 37].

Паровая машина [Ил. 2, стр. 91] – ещё один значимый экспонат Индустриального парка, имеющий весьма интересную историю – паровая машина листового стана прокатного цеха № 1 НТМК.

Участники международной конференции 1996 г. во время экскурсии на НТМК, особенно немцы, были приятно удивлены, увидев работающую паровую машину, изготовленную фирмой «Демаг» в 1912 г. для Общества Путиловских заводов.

Поскольку на комбинате уже стоял вопрос о реконструкции прокатного цеха, понятно было, что агрегат вскоре будет демонтирован. Решение о передаче паровой машины на хранение музею-заповеднику горнозаводского дела Среднего Урала было принято руководством НТМК по просьбе музея. Однако это был нескорый и трудоёмкий процесс. В 1997 г. руководитель музея-завода С.И. Хлопотов и мастер производственного участка Б. П. Безбородов произвели отбор частей паровой машины рабочих валков, шестерён передаточного механизма [2, Л. 47].

В последующие два года шла разработка проекта и подготовка экспозиционной площадки для установки машины [2, Л. 37].

Разработали проект, утвердили смету, план работы, так как необходимо было подготовить бетонную подушку для установки нового экспоната. По воспоминаниям первого директора музея-завода С.И. Хлопотова, все необходимые подготовительные работы были проведены службами комбината и частично работ-

никами производственного участка музея-завода. В 1999 году был оборудован экспозиционный подиум «под паровую машину листопркатного стана». В 2000 г. с территории НТМК «Варвару» перевезли на подготовленную площадку [2, Л. 47].

Установили «Варвару» за разливочной машиной, на территории так называемого индустриального сквера, где расположились крупногабаритные экспонаты металлургического производства.

В Нижний Тагил на Новотагильский металлургический завод паровая машина попала в 1941 г. при эвакуации оборудования с Кировского завода и предназначалась для приведения в действие листопркатного стана для производства броневых плит и листов. После Великой Отечественной войны «Варвара», как называли паровую машину в цехе, продолжала приводить в движение листопркатный стан, катающий толстый лист для котельно-монтажных работ.

В последние годы работы машины на НТМК и при передаче «Варвары» в качестве экспоната на музей-завод, звучали утверждения, что машина была изготовлена немецкой фирмой ДЕМАГ (Deutsche Maschinenfabrik A-G), в Дуйсбурге для линкора в 1911 г.

Поиски истины всегда определяют документы. В январе 2013 г. из прокатного цеха № 1 заводу-музею были переданы папки с чертежами «Паровой двоянной тандем – машины с диаметрами цилиндров 850/1350», как она значится в определении технической конторы паровых машин и двигателей общества Путиловских заводов за 1916 г.

Исходя из анализа штампов предприятий изготовителя и пользователей данной машины, можно сделать вывод, что она была получена Путиловским заводом не позже 1913 г. напрямую от производителя. Во всяком случае, на штампе чертежа Генерального плана реверсивной машины указано: «для Общества Путиловских заводов».

Fundamentplan
zur Zwaillings-Tandem-Revesiermaschine
850/1350 cyl 1100 Hub
für die
Putilovo – Werke, St. Petersburg/
Внизу штамп
Deutsche Maschinenfabrik A-G, Duisburg
Dat 5.IY 1913

Вот легенды и развеялись. Паровая машина была специально изготовлена для общества Путиловских заводов в качестве двигателя для броневых толстолистового стана сталепрокатного цеха Общества Путиловских заводов. Паровая машина, проработавшая на производстве более 80 лет, из них 55 – на НТМК, сама по себе легенда промышленного производства и не нуждается в мифотворче-

стве, чтобы инициировать интерес к себе. Она заняла почётное место на выставке производственных раритетов.

Эти экспонаты Индустриального парка вызывают интерес посетителей не только своими размерами и более или менее понятным предназначением, но и историей своей долгой производственной жизни. Установка агрегатов, связанных с металлургическим производством для всеобщего обозрения позволяет познакомить посетителей, далёких от техники, с конкретными видами металлургического оборудования.

Известный римский грамматик Теренциан Мавр (III в. н.э.) оставил нам изречение, ставшее крылатым - «Книги имеют свою судьбу». Перефразируя этот афоризм, можно сказать: каждый экспонат музея, являющийся объектом индустриального наследия, имеет свою судьбу, тесно переплетённую с судьбой страны и судьбами людей, работавших на производстве.

Список источников и литературы:

1. Личный фонд С. И. Хлопотова.
2. Научный архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМЗ). Ф. 57. Оп. 1. Д. 624. Л. 37, Д. 607. Л. 47. Д. 634. Л. 47.
3. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 228. Оп. 1. Д. 411, 453, 504.
4. Тагильский рабочий. 1932. № 68 (22 марта). С. 2.

УДК 338.48

Е.В. Пятаева,

студентка ГОУ ВПО «Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС»; 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46.
pytaevaekaterina@gmail.com

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проанализированы особенности такого вида туризма, как индустриальный туризм. Изучен зарубежный опыт развития индустриального туризма. Рассмотрены возможности развития туризма в Российской Федерации. Выявлены проблемы, препятствующие развитию индустриального туризма в России.

Ключевые слова: индустриальный туризм, промышленный туризм, предприятие, туристическая отрасль, Российская Федерация.

E. V. Pyataeva,

student Nizhny Novgorod Institute of management —
Ranepa branch; 603950, Nizhny Novgorod, prosp. Gagarina, 46.
pytaevaekaterina@gmail.com

DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the features of this type of tourism as industrial tourism. Foreign experience of industrial tourism development was studied. The possibilities of tourism development in the Russian Federation are considered. The problems hindering the development of industrial tourism in Russia are identified.

Keywords: industrial tourism, industrial tourism, enterprise, tourism industry, Russian Federation.

В настоящее время в мире насчитывается порядка тридцати различных видов туризма, каждый из которых имеет свои уникальные особенности. В последнее время туристическая отрасль начала искать новые виды туристических услуг, одним из которых стал индустриальный или промышленный туризм. Стоит отметить, что в научной литературе еще не сложилось четкого определения данного вида туризма, однако под индустриальным туризмом следует понимать процесс исследования объектов производственного, гражданского, военного назначения, а также заброшенных сооружений и зданий для удовлетворения исследовательского интереса или получения эстетического удовольствия. Промышленный или индустриальный туризм является относительно новым направлением в туризме и содержит в себе многие черты молодежной субкультуры, в переводе с английского означая «городское исследование».

Возникновение индустриального туризма следует отнести к 1960-м гг. XIX в., а именно к возникновению в Великобритании Международного комитета по сохранению индустриального наследия. Данный комитет представлял собой объединение жителей индустриальных центров, выступающих за сохранение промышленных объектов в качестве историко-культурных объектов.

Исследуя зарубежный опыт становления индустриального туризма, следует отметить, что первым предприятием, открывшим в 1866 г. свои двери для туристов, стал завод Jack Daniel's. Впоследствии, в 1930 и 1940 гг., такому примеру последовали известные на сегодняшний день компании «Peugeot» и «Kronenbourg». Целесообразно отметить, что значительному увеличению предприятий, являющихся в наше время основными объектами промышленного туризма, способствовал технический и промышленный прогресс. В настоящий момент странами – лидерами по промышленному туризму являются такие страны, как США, Франция, Германия, Голландия. Так, в США практически не осталось предприятий, которые не проводили экскурсии для посетителей, а во

Франции насчитывается порядка 2 тысяч компаний, предлагающих экскурсии по своим производственным объектам. Многие туристы в восторге от посещения предприятий разной направленности, поскольку в ходе экскурсий можно получить новые интересные знания – узнать о технологиях и методах работы, используемых на конкретном предприятии, ознакомиться с экономическим и промышленным наследием страны.

Кроме того, промышленный или индустриальный туризм приносит пользу самим заводам и предприятиям. К примеру, в условиях жесткой конкуренции проведение экскурсий на предприятии может стать хорошим маркетинговым ходом, благодаря которому предприятие может продемонстрировать свое преимущество перед клиентами относительно основных конкурентов. Кроме того, благодаря проведению экскурсий, предприятие может привлечь не только туристов, но и потенциальных инвесторов, тем самым повысив инвестиционную привлекательность предприятия. Также не следует забывать и о том, что промышленный туризм может стать одним из способов увеличения доходов предприятия. Немаловажным является тот факт, что промышленный туризм может служить отличным инструментом маркетинга территории и сотрудничества местных сообществ по продвижению общих интересов. Именно поэтому многие предприятия, заводы и компании выбирают индустриальный туризм в качестве способа общения с клиентами [1].

Однако посещение предприятий, заводов и фабрик – это не исключительное направление индустриального туризма. На сегодняшний день существует большое число других направлений индустриального туризма, например:

1. Сталкерство, подразумевающее под собой посещение заброшенных или покинутых мест, причем это могут быть не только покинутые жилые здания и заводы, но и целые города (например, Припять);
2. Диггерство – опасное увлечение, предполагающее исследование подземных сооружений, таких, как бункеров или станций-призраков;
3. Руфинг – посещение крыш городских зданий и лазанье по высотным сооружениям;
4. Урбанизм – осмотр городских красот;
5. Постпаломничество – посещение заброшенных культовых сооружений.

Исходя из вышеперечисленных видов индустриального туризма, целесообразно отметить, что данные направления являются опасными и экстремальными, привлекают возможностью получить острые ощущения, новые впечатления, эстетическое наслаждение, а также испытать чувство адреналина.

На сегодняшний день индустриальный туризм также начинает активно развиваться в Российской Федерации, и через определенное время данный вид туризма может занять существенную нишу в российском туристическом бизнесе. В настоящее время действующее законодательство России говорит о том, что туристско-рекреационные активы страны позволяют развивать практически все

виды туризма, поэтому промышленный туризм не является исключением [2].

В России есть достаточное количество мест для развития индустриального туризма, например, это замок Кенигсберг в Калининградской области, заброшенная учебная база ВМФ на острове Русский, усадьба Ольгово в Дмитровском районе Московской области. Также центрами промышленного туризма могут стать отдельные города, например, Челябинск, известный в качестве центра промышленного производства. Кроме того, именно промышленный туризм может спасти имидж тех российских городов, экономика и промышленность которых пришла в упадок. К примеру, такие города могут стать местами, в которых можно наблюдать великолепные руины советской экономики (Красноуральск, Байкальск, Чапаевск и др.)

Однако следует выделить негативные факторы, сдерживающие развитие индустриального туризма в России. К их числу целесообразно отнести незаинтересованность органов местной власти и руководства промышленных предприятий в развитии промышленного туризма; отсутствие квалифицированных экскурсоводов и гидов; недостаточное развитие туристической правовой базы [3, с.123]. Преодоление вышеперечисленных барьеров станет отличным стимулом для развития индустриального туризма.

Таким образом, Российская Федерация обладает значительным туристическим потенциалом для развития относительно нового направления в туристической отрасли – индустриального туризма. Промышленный туризм может решить множество проблем в развитии туризма, а именно – стать отличным инструментом продвижения не только отдельно взятых предприятий, городов и регионов, но и страны в целом.

Список источников и литературы:

1. Визгалов Д. В. Совмещение несовместимого. Промышленный туризм может эффективно работать на благо городов и территорий [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2009. 24 апр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2009-04-24/5_promtourism.html (дата обращения: 27.09.2020).
2. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2019 - 2025 годы): распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 N 872-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/557414759> (дата обращения: 27.09.2020).
3. Сазанова Т. Н. Промышленный туризм как фактор развития территории России / Т. Н. Сазанова, А. В. Ломовцева // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма и сервиса: материалы Международной научно-практич. конференции студентов и аспирантов. Калининград, 2019. С. 122-127.
4. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 77.01.

Д.М. Симонова,
научный сотрудник МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал», 622001
г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1
museum.foto@yandex.ru

**ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
В СОБРАНИИ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»**

В статье дается краткий анализ фотоматериалов по индустриальному наследию Нижнетагильского горнозаводского округа и округа Луньевских заводов Демидовых на рубеже XIX – XX вв. Рассказывается об истории их поступления в музей, особенностях фотографических технологий и проблемах аннотирования.

Ключевые слова: индустриальная фотография, горнозаводской округ Демидовых, комплектование коллекции.

D. M. Simonova,
Researcher The Nizhny Tagil Museum-Reserve
“Mining and Work Ural”
Lenin St. 1, Nizhny Tagil, Russia.
museum.foto@yandex.ru

**INDUSTRIAL PHOTOGRAPHY OF THE LATE 19TH –
EARLY 20TH CENTURIES
IN COLLECTION OF THE NIZHNIY TAGIL MUSEUM-RESERVE
“MINING AND WORK URAL”**

The article presents short analysis photos of the industrial heritage of Nizhny Tagil mining district and area of Demidov's Lunevsky factories at the turn of the XIX – XX centuries. It tells about the history of their admission to the museum, features of photographic technology and problems of description.

Keywords: industrial photography, Demidov's mining district, museum acquisition.

С момента своего появления фотография являлась одним из наиболее точных способов передачи облика реального мира. Это сделало возможным с максимальной достоверностью и точными деталями запечатлеть на фотопластинах объективную действительность в момент съемки. Фотографические технологии стали частью всеобщего научно-технического прогресса. Их активное развитие, начиная со второй половины XIX в., позволило на фотодатчиках отобразить и

сохранить результаты появления новых технических устройств, модернизации в промышленности, изменения архитектурно-пространственных обликов населенных пунктов и само индустриальное общество. Данные фотоизображения относят к жанру индустриальной фотографии. Благодаря музейным и архивным коллекциям сохранился наиболее ценный объем индустриальной фотографии последней четверти XIX – начала XX вв., который в настоящее время является востребованным историческим источником у исследователей объектов промышленного наследия.

Собрание Нижнетагильского музея-заповедника содержит значительное количество единиц фотоматериалов, отражающих индустриальные объекты по Уралу и России в целом. Из общего числа выделяется группа фотодатчиков рубежа XIX – XX вв. в количестве более одной тысячи единиц с изображениями промышленных объектов Нижнетагильского горнозаводского округа и округа Луньевских заводов Демидовых.

Начало формированию данной группы коллекции было положено еще в конце XIX в. Согласно описи в каталоге Горнозаводского музея при главном управлении округами Нижне-Тагильских и Луньевских заводов на 1 мая 1906 г. числилось 12 фотоснимков с общей денежной оценкой – «12 рубл.» [1]. Это были виды заводского селения на панорамных фотографиях, которые находились в коллекции III музейного отдела «Разные вещи» среди материалов по истории техники горнозаводской промышленности [2]. Роль фотографии, как источника сохранения исторической информации, тогда уже вполне осознавалась.

Далее, в апреле 1925 г. после Гражданской войны, во вновь формирующееся собрание «Тагильского Округного музея Краеведения», из Управления Среднеуральского треста было передано около сотни единиц фотоснимков. Из записей в сохранившемся машинописном акте следует, что датчиком материалов был заведующий «Хозяйственно-Квартирным Под/отделом Правления Нижне-Тагильского металлургического Треста» товарищ Колеватов И.В. Основанием для передачи послужило решение «Экспертной Комиссии при Окркомэко по госфондам» от 21 марта 1925 г. [3]. В само Правление фотокарточки попали после национализации всего имущества Главного управления Демидовского округа, о чем свидетельствуют проставленные в акте номера инвентарных описей Треста.

В период с 1925 г. по 1927 г. благодаря активной деятельности сотрудников по сохранению исторических источников в собрание Тагильского Округного музея были перевезены материалы из контор заводов бывшего горного Демидовского округа и окрестностей Тагила. В частности, из Черноисточинска, Висимо-Шайтанска, Висимо-Уткинска. В их числе, вместе с чертежами, рукописным фондом и технической литературой, были представлены фотографии с видами производств и фабрик. Некоторые из вывезенных фотоматериалов являлись дублями материалов Главной конторы заводоуправления [4].

В последующем комплектовании и пополнении фондов музея на протяжении

XX в. значительную долю из всего музейного собрания составили сборы материалов в ходе историко-бытовых и историко-этнографических экспедиций. Они организовывались сотрудниками в рамках приоритетных тем научных исследований не только в старые районы Нижнего Тагила, но и поселения Нижнетагильского горнозаводского округа, которые в XVIII – XIX вв. входили в систему заводского хозяйства Демидовых [5, с. 71]. Благодаря экспедиционным сборам тематические разделы фотоколлекции пополнялись материалами из семейных архивов потомков рабочих, служащих, смотрителей демидовских заводов, рудников и золотоплатиновых приисков. Очень часто в середине XX в. представители из данных семей сами обращались в музей с просьбой принять в дар семейные реликвии. Все это позволило сформировать в музейном собрании уникальный объем материалов по Нижнетагильскому горнозаводскому и Луньевскому округам рубежа XIX – XX вв.

По территориальному делению округов, который изначально был заложен при формировании коллекционной картотеки музея, объем материалов распределяется следующим образом.

Фотоматериалы по Нижнетагильскому горнозаводскому округу включают:

- изображения рудных мест и природных богатств (Высокогорский, Меднорудянский, Лебяжинский рудники, платиновые и золотые прииски);
- изображения металлургических производств, рабочих и заводских селений (Нижнетагильский чугуноплавильный и железодельный завод, Выйский медеплавильный завод, Висимо-Шайтанский чугуноплавильный и железодельный завод, Висимо-Уткинский железодельный завод, Черноисточинский железодельный завод, Верхне-Салдинский чугуноплавильный и железодельный завод, Нижне-Салдинский железодельный завод, Нижне-Лайский железодельный завод).

Фотоматериалы по Луньевскому округу включают изображения:

- изображения рудных мест (Луньевские каменноугольные копи);
- изображения металлургического производства, рабочих и заводского селения (Александровский чугуноплавильный и железодельный завод).

Все указанные выше фотоисточники по материалам и технологии исполнения представлены: негативами на стекле, видовыми фотооткрытками, отдельными фотоотпечатками, выполненными в разных техниках, и оформленными в альбомы.

Стеклянных негативов в фотоколлекции сохранилось до нашего времени меньше всего из данного перечня. В основном это половинки пластины с размером в 13 x 18 см и меньше. На них запечатлены наружные виды заводских корпусов, технических заведений и фабрик, выполнены съемки внутри помещений, зафиксированы устройства и нового оборудования. Данные негативы отражают производственные реалии рубежа XIX – XX вв. только одного из заводов горнозаводского округа с полным металлургическим циклом производства – Нижне-

тагильского чугуноплавильного и железодельного [Ил. 1]. Среди негативов всего несколько единиц имеют размер полной пластины 18 x 24 см с изображением панорамной съемки горных разработок месторождений г. Высокой. Они были исполнены в первые десятилетия XX в.

Видовые фотооткрытки – это следующая группа материалов, на иллюстративных сторонах которых помещались монохромные репродукции с фотографий. На рубеже веков в типографиях они печатались методом фототипии, что позволяло точно воспроизвести полутона оригинальных снимков. Всемирный почтовый союз строго регламентировал размеры печати 9,0 x 14,0 см. С 1895 г., когда в Российской империи были разрешены «бланки открытых писем частного изготовления», расширился ассортимент выпуска с видами городов, селений, производственных, горнодобывающих объектов [6, с. 85]. Издателями были как известные столичные агентства, так и местные предприниматели. Горнозаводской округ Нижнетагильских и Луньевских заводов Демидовых был широко проиллюстрирован в начале XX в. сперва на открытых письмах, а чуть позже, с 1909 г., на почтовых карточках. Одними из ранних публикаций стали вышедшие в 1903 г. открытые письма с видами Луньевских копей к празднованию пятидесятилетия своего основания. На них размещены изображения рудных штолен. Эти открытки ещё напечатаны на бланках, которые не позволяли писать заметки на адресной стороне [Ил. 2, стр. 92]. Наибольший массив из всех открыток, иллюстрирующих Нижнетагильский и Луньевский округа, был выпущен с видами Нижне-Тагильского, Верхне и Нижне-Салдинского заводов, заводских поселков и близлежащих рудников. Особый интерес представляет серия открытых писем «Виды Урала» екатеринбургского издателя и фотомастера В.Л. Метенкова. Она состоит из более четырехсот видов Северного, Южного и Среднего Урала, запечатленных самим мастером в начале XX в. На них города, уральские заводы и поселки, рудники и прииски, уральские реки, уральская железная дорога. В коллекции Нижнетагильского музея-заповедника собрана часть данной серии. В основном это панорамные виды. Так Нижнетагильский завод проиллюстрирован четырьмя открытками: «Общий вид. Доменные печи и плотина», «Общий вид завода», «Медный рудник. Лисья гора», «Средний Урал – Гора Высокая (Магнитная) близ Тагила» [7]. Помимо открыток в 1910 г. В.Л. Метенковым был издан печатный альбом с фотоработами [8]. Название альбома повторяло название

Ил. 1. Листоотделочный цех Нижнетагильского завода. 1910-е гг. Негатив, стекло. НТМЗ. Фотофонд. НТМ-225.

открыточной серии – «Виды Урала». В нем фотограф разместил вместе с видами уральских заводов фотографии, показывающие труд и быт рабочих.

В коллекции «Кинофотоматериалы» имеется всего несколько альбомов с фотографиями по данной теме. Они были оформлены в начале XX в. Помимо указанного ранее собрания В.Л. Метенкова, имеется несколько дублей альбома, иллюстрирующего виды платиновых приисков Нижнетагильского горного округа. Это собрание было оформлено в 1915 г. Автором фотографий стал екатеринбургский фотограф Н.Н. Введенский. В наиболее полном варианте собранного альбома содержится 23 фотографии, на них изображения: общих видов приисковых посёлков, работающих драг, виды реки Мартьян и групповые фотографии служащих [9]. Все остальные фотоматериалы коллекции по старателям и добыче золота и платины размещены на отдельных снимках.

Самодельный альбом с фотографиями был составлен выпускником горнозаводского училища, конструктором Тагильского завода К.И. Серебряковым. В нем размещены 215 отпечатков с негативных стекол с видами: Нижнетагильского, Черноисточинского, Нижне-Салдинского, Невьянского, Кушвинского заводов, реки Чусовой и др. [10]. Если составителем и автором фотоотпечатков 1920-1950 гг. был сам Константин Иванович, то негативы, которые он использовал для печати, были выполнены тагильским фотографом В.А. Вишняковым ещё в начале XX в.

Отдельные фотографии и отпечатки с негативных пластин наиболее многочисленны в музейной коллекции. Именно на них запечатлены промышленные объекты Нижнетагильского горнозаводского и Луньевского округов начиная с последней четверти XIX в. и до революционных событий XX в. По тематике изображений выделяется несколько групп:

- панорамные видовые снимки заводов и рудников;
- панорамные виды заводских селений округа и достопримечательных зданий, транспортных сетей;
- отдельные виды цехов, производств, оборудования;
- групповые портреты рабочих и служащих на фоне фасадов заводских цехов;
- виды приисков и технические средства старательских артелей;
- презентационные фотографии продукции и павильонов демидовских заводов на Всероссийских промышленно-художественных выставках.

Все эти фотоматериалы, передавая мельчайшие детали изображения, обладают достоверностью исторического документа и имеют художественную ценность. Они выполнены профессиональными фотографами в разных техниках. Их большая часть – это отпечатки на альбуминовой, а с 1884 г. на коллодионной и других видах хлорсеребряной фотобумаги [11]. Именно с зарождением техники альбуминовой фотопечати появилась возможность делать большеформатные снимки [Ил. 3, стр. 92]. Многие из панорамных фотографий имеют размер «Панель», т.н. выставочный образец (31 x 48 см и 20 x 32 см) [12, с. 16]. Заключение вирирование солями золота или платины придавало им благородный

тон от коричневого до серо-бежевого, что улучшало внешний вид фотографий и помогало избежать быстрого выцветания. Отпечатки делались на тонкой бумаге, поэтому они монтировались на паспарту, часто с фирменным бланком ателье.

К сожалению, у некоторых фотографий края паспарту были утрачены во времени, и авторство данных снимков пока в настоящее время не установлено. Так же не подтверждено архивными данными, кто выступал заказчиком данных снимков. Можно только предположить, что часть из них была выполнена приглашёнными фотографами по заказу Главного управления заводов Нижнетагильского горнозаводского округа. Трудности в определении точной даты каждого из снимков решаются уточнением временного периода отдельных элементов в изображении. Но, несмотря на то, что пока данная часть коллекции ещё не полностью детально атрибутирована, большая доля материалов уже была опубликована в исследованиях, посвященных 300-летию уральской металлургии, в качестве иллюстративного материала. В настоящее время фотоматериалы выступают самостоятельным историческим источником для работ по сохранению и реставрации объектов индустриального наследия.

Список источников и литературы:

1. МКУК «Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Научный архив (далее НТМЗ. Архив). Ф. 7. Оп. 1. Д.5. Л. 19.
2. Гуськова Т. К., Рудый. История комплектования фондов Нижнетагильского краеведческого музея [Рукопись] // НТМЗ. Архив. Ф. 5. Оп.3. Л. 24.
3. Акты поступлений за 1925-30-е гг. Акт от 21.04.1925 г. // НТМЗ. Сектор учёта.
4. Документы об открытии музея, его работе и сборе экспонатов июль 1923 г. – 18 октября 1927 г. // НТМЗ. Архив. Ф. 57. Оп.1. Д. 3.
5. Хранители исторического наследия: статьи и воспоминания сотрудников Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» / [авт.-сост. И. Г. Семёнов; ред. совет: Э. Р. Меркушева (пред.) и др.]. Екатеринбург, 2013. 492 с.
6. Симонова Д. М. Обзор коллекции видовых открытых писем и почтовых карточек начала XX в. из фотособрания Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» // Фотография в музее: сб. докладов междунар. конф. Санкт-Петербург, 2018. С. 84-88
7. НТМЗ. Коллекция «Кинофотофономатериалы». НВ-25939/6, НВ-25939/100, ФТМ-7512/8, ФТМ-7512/9.
8. ТМ-20733/1-50 // НТМЗ. Коллекция «Кинофотофономатериалы».
9. ТМ-7622/3 // НТМЗ. Коллекция «Кинофотофономатериалы».
10. ТМ-17767 // НТМЗ. Коллекция «Кинофотофономатериалы».
11. Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках [Электронный ресурс]. / ФГБУК Гос. музейно-выставочный центр РОСФОТО. Санкт-Петербург, 2013. 48 с. URL: <https://rosphoto.org/science-department/publications/identifikatsiya-hranenie-i-konservatsiya-fotootpechatkov-vy-polnenny-h-v-razlichny-h-tehnikah/> (дата обращения: 16.10.2020).
12. Бирюков Е. М. Метенков и Ко – фото. 1857-2007 / Е. М. Бирюков. Екатеринбург, 2007. 224 с.

УДК 904:72

М.Н. Скочилова,
научный сотрудник,
Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал» 622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.
mariaskochilova@gmail.com

ВЫЙСКИЙ ЗАВОД. ИСТОРИЯ ДОМОВЛАДЕНИЯ

В статье приводятся новые данные по истории Выйского медеплавильного завода – старейшего из предприятий Демидовых в Нижнетагильском округе. Исследуются вопросы имущественной принадлежности и технического состояния зданий и сооружений, расположенных на площади бывшего завода в 1920-1950-е гг.

Ключевые слова: Выйский завод; промышленное наследие; заводская архитектура; промышленность; домовладение

M.N. Skochilova,
research associate
The Nizhny Tagil Museum-Reserve
«Mining and Work Ural», 622000, Nizhny Tagil, Lenin St., 1.
mariaskochilova@gmail.com

VYISKY PLANT. THE HISTORY OF HOME OWNERSHIP

The article presents new data on the history of the Vyisky copper-smelting plant, the oldest of the Demidovs' enterprises in Nizhny Tagil district. The article examines the issues of property ownership and technical condition of buildings and structures located on the former factory area in the 1920s-1950s.

Keywords: Vyisky plant; industrial heritage; factory architecture; industry; home ownership.

В советские времена, в условиях жесткой экономии, нередко в производстве использовали старые промышленные и заводские помещения [6, с. 6]. Именно это сделало возможным сохранение уникальных памятников индустриальной культуры Тагильского края до наших дней. Однако в настоящий момент многие, некогда важные, промышленные предприятия и сооружения находятся в крайне плачевном состоянии. Именно поэтому выявление, изучение и сохранение памятников индустриального наследия являются наиболее важными задачами, стоящими перед исследователями истории горнозаводского производства на Урале.

Выйский медеплавильный завод – старейший из предприятий Демидовых в Нижнетагильском округе. В начале XX в. он входил в группу технически передовых заводов. Однако, начиная с 1910 г. в связи с истощением сырьевой базы Меднорудянского месторождения, масштабы производства начали постепенно сокращаться и в 1916 г. завод был остановлен [3, с. 137]. 31 января 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров Выйский медеплавильный завод национа-

лизировали и впоследствии закрыли. Оборудование было демонтировано и частично передано другим предприятиям округа. Основную же часть механизмов отправили в качестве металлолома на Нижнетагильский завод для дальнейшей переплавки [8, с. 167]. Согласно воспоминаниям краеведа И.А. Орлова закрытие завода совпало по времени с началом боев с белогвардейцами под Нижним Тагилом [9, с. 219].

Дальнейшая история бывшего Выйского завода во многом малоизучена. Однако материалы фондов музея-заповедника «Горнозаводской Урал» способны отчасти прояснить некоторые вопросы имущественного, финансового и технического характера, связанные с этим архитектурным комплексом. В 1929-1930 гг. Тагильской Окружной Комиссией по инвентаризации имущества Местных Советов было составлено «Дело №145. Сводный материал по инвентаризации домовладения расположенного на Площади бывшего Выйского завода» [5]. В нем представлены: инвентарные карточки на строения завода (1929, 1934, 1944 гг.), планы территории и заводских сооружений (1929, 1934 гг.), многочисленные технические и инвентарные ведомости (1929 г.), различные акты и справки (1923, 1930, 1934, 1944 г.) о передаче прав собственности на эту территорию и другие материалы. Обозначенные документы дают возможность подробнее узнать, какие здания находились на территории бывшего Выйского завода, в чем пользовании они были, каково было их назначение и техническое состояние в разные временные периоды.

В нач. 1920-х гг. комплекс сооружений бывшего Выйского завода находился на балансе Отдела местного хозяйства, и впоследствии на основании распоряжения Облисполкома от 7.10.1923 г. был передан Городскому отделу коммунального хозяйства. Часть строений инвентарной стоимостью 86 413 руб. находились в аренде у завода «Механик» [5].

Важной частью инвентаризационных документов 1929 г. являются планы отдельных зданий завода, чертеж поперечного и продольного разрезов земляного вала плотины, а также генеральный план площади завода со всеми существующими на тот момент постройками [5]. Так на плане 1929 г. обозначены:

Литера по ген. плану	Наименование строений
А.	Контора (кирпичная)
Б.б.	Мастерские (кирпичные) с пристроем
В.в.	Токарная (кирпичная) с пристроем
Г.г.	Кирпичный цех с пристроенной деревянной уборной
Д.д.	Котельный цех (кирпичный) с деревянным крыльцом
Е.	Механическая (кирпичная)

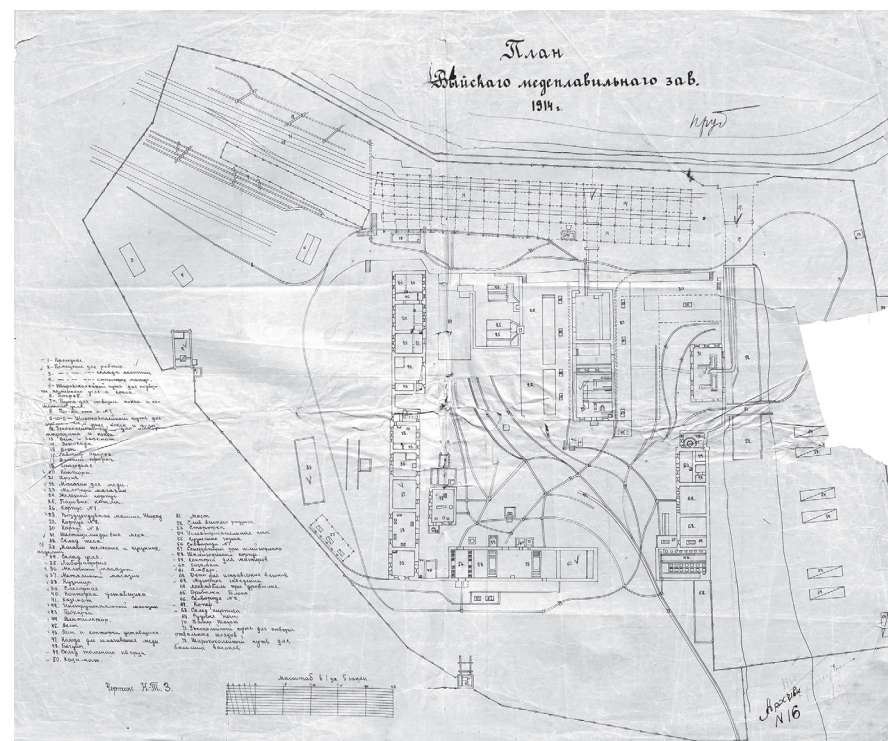
Ж.	Сторожка жилая (кирпичная)
З.	Погреб (деревянный)
И.	Склад (деревянный)
К.Л.М.	Сторожки не жилые (кирпичные)
Н.н.	Сторожка не жилая (кирпичная) с пристроем
О.	Склад (деревянный)
П.Р.С.Т.У.Ю.Ф.	Шатры (деревянные)
Х.	Сторожка жилая (кирпичная)
Ч.	Плотина
Ш.	Сливной мост
Ш.1.	Земляной вал плотины
Я.	Река
Я.1.	Двор

В сравнении фотографиями начала XX в., а также с ранее существующими планами Выйского завода стоит отметить почти полное отсутствие на плане 1929 г. старых медеплавильных цехов, а также корпуса Механического заведения, где в 20 – 40-е гг. XIX в. работали крепостные изобретатели Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы [2, с. 47]. В этом смысле, особенно показательно сравнение плана Выйского завода 1914 [10] [Ил. 1] и 1929 гг. [Ил. 2, стр. 94]. Из всех дореволюционных сооружений, существовавших в 1914 г., до 1929 г. сохранились: главная контора (Лит. А.), здание мастерских (Лит. Б.), токарный (Лит. В.), механический (Лит. Е.) и котельный (Лит. Д.) цеха, две жилые (Лит. Ж.Х.) и нежилые сторожки (Лит. К.Л.), деревянный склад (Лит. И.) и деревянные шатры или навесы (Лит. П.Р.С.Т.У.Ю.).

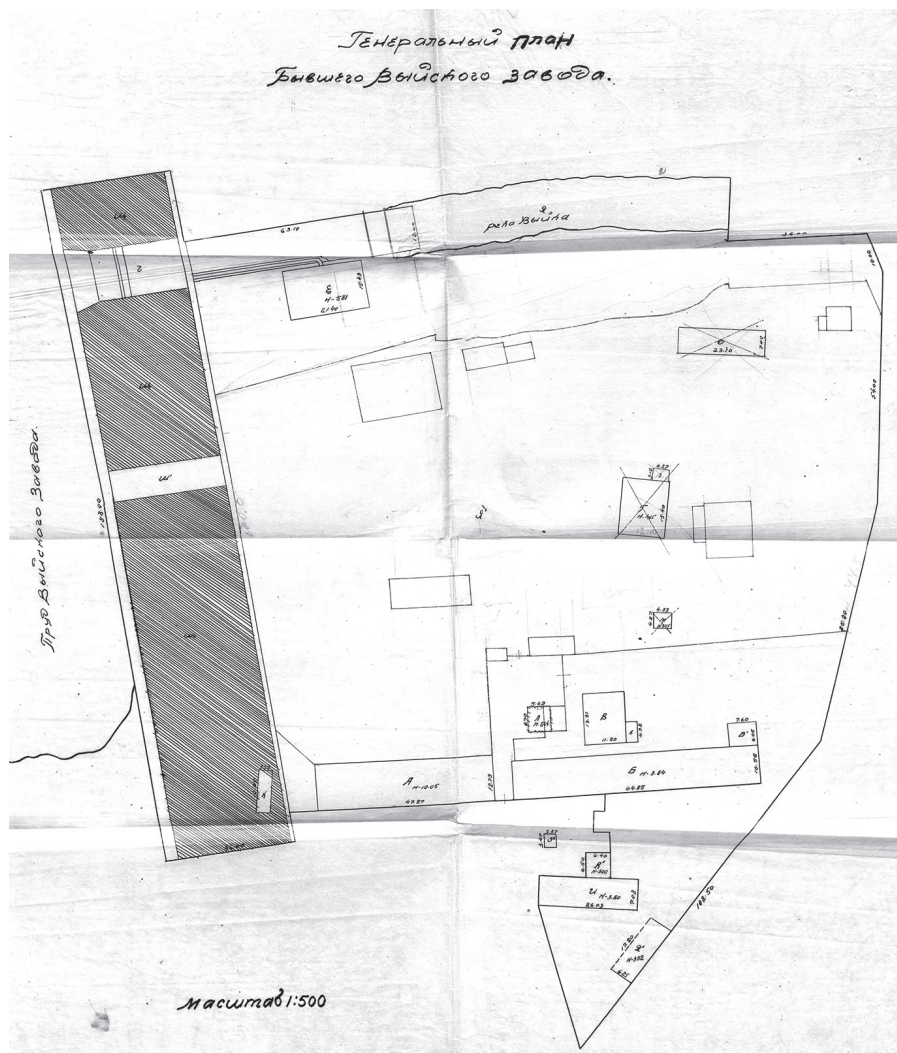
Одним из итогов проведенной в 1929 г. инвентаризации стал протокол от 7.02.1929 г. с результатами обследования надворного участка и строений бывшего Выйского завода [5]. Комиссия пришла к заключению, что по своему техническому состоянию при условии нормальной эксплуатации здания могли прослужить:

Литера по ген. плану	Наименование строений	Количество лет
АБ	Главные здания	90
Е	Мастерские	40
ДВ	-//-	50

Г	-//-	40
КЛМН	Сторожки	10
О	Склад деревянный	10
ПРСТУФ	Навесы	3
ЖХ	Сторожки	30
З	Погреб	5
И	Склад	15
ЧШЩ	Плотина	30
	Заборы	4
	Ворота	5

Ил. 1. План Выйского медеплавильного завода. 1914 г. Из фондов НТМЗ «Горнозаводской Урал» (НВ-12888).

Ил. 3. Генеральный план площади бывшего Выйского завода. 1930-е гг. Из Фондов НТМЗ «Горнозаводской Урал» (НВ-5278).

В 1930 г. были произведены дополнительные инвентаризационные мероприятия и осмотры площади бывшего Выйского завода. Так, согласно карточке обследования земельного участка от 28.05.1930 г., со дня основной инвентаризации в границах участка и в наружных сооружениях не произошло никаких измене-

ний, в то же время отмечено, что многие строения находятся в неремонтируемом и даже разрушенном состоянии [5].

8 июля 1930 г. заведующий Городским отделом местного хозяйства Г.И. Чулков, заведующий инвентаризацией М.К. Поздняк и заведующий Городским промышленным отделом А.А. Крылов составили акт о том, что постройки и внешнее усадебное благоустройство площади Выйского завода состоят в фактическом пользовании и переданы на баланс Горпромхоза. Отдел принял на себя все расходы, связанные с содержанием земельного участка площадью 54 328,56 м², а также построек общей инвентарной стоимостью 173 606,67 руб. [5].

В том же 1930 г. часть строений, располагавшихся на территории бывшего Выйского завода, была сдана в аренду заводу «Механик», занимавшемуся выпуском различной продукции для предприятий города [11, с. 168]. Завод арендовал: кирпичное здание литейного цеха (Лит. Б.), кирпичное здание (Лит. В.), деревянный склад (Лит. И.) и кирпичную сторожку (Лит. Л.). Общая стоимость переданных в аренду помещений составила 145 543 руб. В результате изучения генерального плана территории Выйского завода 1930-х гг. [Ил. 3] есть основания предполагать, что именно в это время корпуса завода «Механик» были обособлены от остальной части завода [5].

20 сентября 1934 г. Нижнетагильское Инвентаризационное Бюро произвело новое обследование домовладения на площади Выйского завода с целью учета инвентарных изменений в составе, состоянии и оценке строений и сооружений, а также в составе использования земель. В результате исследования данной территории было выявлено, что с момента предыдущей инвентаризации произошла смена землепользователей. Так в 1934 г. среди арендаторов и пользователей значатся Горкомхоз, завод «Механик» и Горсовет. Общая площадь земельного участка была значительно уменьшена (на 1/3), поэтому некоторые сооружения (Лит. Ж.) вышли из площади завода. Отдельные кирпичные здания переоборудовали и использовали в качестве жилых (Лит. А.М.) или смешанных (Лит. Б.) помещений. Большое количество сооружений (Лит. Д.З.Н.П.Р.С.Т.У.Ф.Х.) было снесено. Старое здание механической (Лит. Е.) к 1934 г. вышло из эксплуатации и также было готово к сносу. Из вновь построенных сооружений обозначены только конторка (Лит. Я.2.) и электрическая будка (Лит. Я.3.).

Несмотря на активное разрушение старых исторических корпусов 1920-1930-е гг. стали временем постепенного возрождения промышленной жизни бывшего Выйского завода. Эта территория должна была послужить местом размещения некой промышленной зоны, куда планировалось переместить несколько крупных артелей и небольших предприятий. Так в 1931 г. в одном из складов завода разместился хлебозавод. Большая же часть помещений бывшего завода была занята различными складами и конторами. В частности, здесь находились склады Ленинского райпищеторга, а также его отдел снабжения и бухгалтерия [7]. В 1937

г. на площади бывшего Выйского завода размещался Нижнетагильский лесной отдел «Главлесдрев», торговавший лесом и пиломатериалами. При лесоскладе находилась столярная мастерская, занимающаяся изготовлением мебели и реставрацией старых столярных изделий [12].

В военные годы территорию на правом берегу реки Выя занимал военный городок №2 и склад Народного Комиссариата Обороны №740. 7 июня 1944 г. здания, находящиеся в пользовании склада, были переданы Городскому исполнительному комитету. Основанием для передачи стало предписание Заместителя Командующего Войсками Уральского военного округа по материальному обеспечению от 5 июня 1944 г. №4363 и приказ по нижнетагильскому гарнизону от 7 июня 1944 г. №12. В результате Горисполком принял на баланс: управление склада, караульное помещение, контрольно-пропускную будку, склад, склад-кузницу, склад-бензохранилище, гараж, пожарное депо, мастерскую и уборные. Территория передаваемых сооружений с двух сторон была обнесена сплошным деревянным забором высотой 2,25 метра. А уже 10 октября 1944 г. решением Исполкома Нижнетагильского Городского Совета Депутатов трудящихся здания, расположенные на территории Выйского завода, были переданы вновь организованному в Нижнем Тагиле Пищекombинату Свердловской базы «Оптбакалея» на правах бессрочного пользования [5].

В последующие годы домовладение, состоящее из одного каменного одноэтажного с подвалом и двух каменных одноэтажных домов с надворными постройками, расположенных в городе Нижнем Тагиле по улице Фрунзе №83, было зарегистрировано по праву собственности за Нижнетагильским Пищекombинатом (Кондитерской фабрикой) [5]. В сер. XX в. единственными сооружениями, сохранившимися с дореволюционных времен, являлись здания заводской конторы, мастерских и механического цеха, а также входная арка [5], построенная по проекту Комарова и Луценко в 1852 г. [1, с.135]

Однако в дальнейшем многочисленные перестройки сильно изменили без того поврежденный облик заводской площади и комплекса зданий вообще. Так, с 1950-х гг. в здании заводской конторы разместился карамельный цех Кондитерской фабрики. В нем была подновлена кирпичная кладка, сделаны пристрой, заменены арочные окна, углублен полуподвал, надстроен второй этаж, деревянные полы были заменены бетонными. Внутри помещения сняли все перегородки и установили колонны, поддерживающие потолок, печное отопление заменили паровым, сделали новый вход со двора. В 70-е гг. XX в. была уничтожена входная арка завода [4]. В настоящий момент здание Главной заводской конторы также отсутствует на карте Нижнего Тагила. Единственным сохранившимся сооружением из всего промышленно-архитектурного комплекса старого Выйского завода является здание Мастерских. Поэтому именно его можно считать наиболее перспективным объектом для дальнейшего изучения и сохранения.

Список источников и литературы:

1. Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века / Н. С. Алферов. Свердловск, 1960. 215 с.
2. Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века / Т. К. Гуськова; Независимый ин-т истории материальной культуры, Нижнетагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала. Челябинск, 1995. 233 с.
3. Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие: монография / Т. К. Гуськова. Нижний Тагил, 2007. 292 с.
4. Гуськова Т. К. Паспорт памятника истории и культуры Бывшей Конторы Выйского медеплавильного завода [Рукопись]: 1979 / Т. К. Гуськова // Научный Архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 30. Д. 30. Л. 7.
5. Дело № 145. Сводный материал по инвентаризации домовладения расположенного на Площади бывшего Выйского завода. 1920-1950-е гг. // НТМЗ «Горнозаводской Урал», НВ-5278.
6. Запарий В. В. Индустриальное наследие России и Урала: выявление, исследование, использование // Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 27-28 мая 2010 года). Екатеринбург, 2010. С. 4-10.
7. Кужильный Д., С. Волков Город, которого нет: Выйский медеплавильный завод [Электронный ресурс] // Агентство новостей «Между строк»: [сайт]. 2018. 10 июня. URL: <https://mstrok.ru/news/gorod-kotorogo-net-vuyyskiy-medeplavilnyy-zavod> (дата обращения: 15.09.2020).
8. Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия / глав. ред. В. В.Алексеев. Екатеринбург, 2001. С. 164—167.
9. Орлов И. А. Старый Тагил глазами краеведа: воспоминания / И. А. Орлов; ред.-сост. Т. К. Гуськова; Нижнетагил. музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Нижний Тагил, 2011. 371 с.
10. План Выйского медеплавильного завода. 1914 г. // НТМЗ «Горнозаводской Урал». НВ-12888.
11. Пудовкин С. И. Мой Тагил: исторические очерки. / С. И. Пудовкин ; [гл. ред., рук. проекта А. Ю. Хлопотов]. Нижний Тагил, 2016. 287 с. Т. 3. Город мастеров.
12. Список абонентов Н.-Тагильской городской телефонной сети на 1937 год. Тагил, 1937. 62, [15] с. // НТМЗ «Горнозаводской Урал», НВ-4382/1.
13. Техничко-экономическая записка к планировке г. Н.-Тагила. Книга 1. Горстройпроект Н.-Тагильское отделение. г. Н.-Тагил. 1933 г. // НТМЗ «Горнозаводской Урал», НВ-13253/1.

УДК 94(47).06+069+004.5

Т.В. Смирнова,

научный сотрудник МКУК Нижнетагильский музей-заповедник
«Горнозаводской Урал», 622000, г. Нижний Тагил, пр. Ленина, 1.
t.v.smirnova00@mail.ru

СОХРАНЕНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕДИАФОРМАТЕ БУДУЩЕЙ СТАЦИОНАРНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬБОМА НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДОВ 1828 г.)

В статье даны описание и характеристика альбома чертежей Нижнетагильских заводов 1828 г., хранящегося в Российском государственном историческом архиве. Альбом представляет богатый материал для изучения промышленной, гражданской, культовой архитектуры второй половины XVIII – начала XIX вв. Уникальность собрания чертежей 1828 г. в том, что оно дает возможность реконструкции в 3-D технологии архитектурного облика каждого из девяти заводов Нижнетагильского округа и всех заводских селений на 1828 г. для включения в экспозицию Музея горнозаводской истории при создании Единого многофункционального музейного центра к 300-летию Нижнего Тагила как сохранение и презентация индустриального наследия.

Ключевые слова: Нижнетагильские заводы, Урал, горнозаводская промышленность, чертежи, промышленная, гражданская архитектура, индустриальное наследие, мультимедийные технологии в музейном пространстве.

T.V. Smirnova,

research associate «The Nizhny Tagil's Museum-Reserve
«Mining and Work Ural»,
622000, Nizhny Tagil, pr. Lenina, 1.
t.v.smirnova00@mail.ru

THE PRESERVATION AND PRESENTATION OF INDUSTRIAL HERITAGE IN THE MEDIA FORMAT OF THE FUTURE PERMANENT EXPOSITION OF THE MUSEUM OF MINING AND METALLURGICAL HISTORY (ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY TAGIL WORKS ALBUM DATED 1828)

The article describes and characterizes the drawings from the album of the Nizhny Tagil Works dated 1828, which is held in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The album provides rich data for the studies of industrial, civic and religious architecture of the 2nd half of the 18th – early 19th centuries. The drawings provide a unique opportunity to reconstruct the architectural appearance of the nine Nizhny Tagil works and all the factory settlements in the year 1828 using the 3-D technology. The 3-D reconstruction will be included as an example of the preservation and presentation of industrial heritage in the exposition of the Museum of Mining and Metallurgical History in the process of creating the Integrated Multifunctional Museum Centre to the 300th anniversary of Nizhny Tagil.

Keywords: the Nizhny Tagil Works, Ural, mining and metallurgical industry, drawings, industrial, civic architecture, industrial heritage, multimedia technologies in the space of a museum.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Государственного департамента находится собрание альбомов чертежей девяти заводов Нижнетагильского горнозаводского округа 1828 г. [1 – 9]. Оно дает наиболее полную картину деятельности Нижнетагильских заводов первой половины XIX в. Чертежи съемочные, выполнены в феврале 1828 г., возможно, предназначались для оценки и раздела имущества в связи с болезнью и последующей через несколько месяцев смертью владельца Нижнетагильских заводов Николая Никитича Демидова (9 ноября 1773, Чирковицы, Ямбургский уезд, Санкт-Петербургская губерния – 22 апреля 1828, Флоренция).

Чертежи хорошо сохранились, выполнены черной тушью на плотной бумаге, с подцветкой акварелью, окаймлены черной рамкой (тушь). Размер чертежей: высота – 37 см, ширина – 54 см, рабочее поле чертежа (изображение в рамке): 34x50 см. Иногда чертежи имеют другой размер, например, 74x108см [9, л. 8].

В XVIII – первой половине XIX вв. на Урале чертежи выполнялись методом прямоугольных проекций. Прямоугольное (ортогональное) проектирование есть метод точного изображения предмета в двух и более видах на плоскостях, расположенных под прямым углом друг к другу. Проекция на уральских чертежах в данный период располагались по методу третьего угла (квадранта) – вертикальная, горизонтальная и профильная плоскости. При таком методе проекции размещались следующим образом: вид спереди, вид сзади, вид слева, вид справа, вид сверху, вид снизу. В альбоме 1828 г. на чертежах зданий заводских цехов, культовой и гражданской архитектуры применялись две проекции: вид спереди – фасад, вид сверху – план.

На каждом чертеже 1828 г. обозначена масштабная линейка и указан масштаб в сажнях. Масштаб на чертежах различен: например, план и профиль конной водоподъемной машины – «4 сажени», план деревень – «10 сажен», на общих планах масштаб – «15 сажней», карта лесной дачи – «20 сажен», план Высокогорского железного рудника – «25 сажен», план и профиль штанговой машины начерчен в масштабе «50 сажен», план Нижнетагильского заводского и обывательского строения – масштаб «250 сажен». [1, лл. 2, 3, 15, 16, 21, 29, 37, 38]. На общих планах заводов и заводских поселков изображены расположенные с топографической привязкой к местности здания заводских цехов, заводские устройства или культовые и обывательские здания. Заголовок (название) чертежа выполнен заглавными буквами рукописным связным шрифтом. Далее все надписи выполнены обыкновенным мелким рукописным несвязным шрифтом строчными буквами, по правилам орфографии в начале слов – заглавные буквы. На каждом чертеже – экспликация под названием «Изъяснение литер». Литеры выполнены латинским алфавитом заглавными буквами. Каждый чертеж подписан приказчиками

Нижнетагильских заводов Данилой Осиповым, Петром Соловьевым, Петром Макаровым, Федором Шептаевым. Датированы чертежи 10 февраля 1828 г. Общие чертежи заводов имеют нумерацию (перед заголовком, например, чертеж Нижнетагильского завода – «№1», чертеж Выйского завода – «№ 2»).

Собрание включает в себя комплекс чертежей заводов: Нижнетагильского чугуноплавильного и железодельного (48 листов) [1], Выйского медеплавильного (13 листов) [2], Верхнесалдинского доменного (9 листов) [3], а также пять железодельных заводов округа – Нижнесалдинского (11 листов) [4], Верхнелайского (4 листа) [5], Нижнелайского (5 листов) [6], Висимошайтанского (8 листов) [7], Висимоуткинского (10 листов) [8], Черноисточинского (8 листов) [9]. В альбоме чертежей каждого из девяти заводов округа представлен общий план завода, на котором очерчено контурами и обозначено литерами расположение заводских и обывательских строений, планы и фасады которых показаны на отдельных чертежах, что дает возможность реконструкции архитектурного облика как заводов, так и заводских поселков. Кроме того, на тех же планах представлена своеобразная статистическая таблица, которая дает информацию о количестве и социальном составе населения заводов. В таблице указывается не только общее количество заводских жителей, но и выделяются социальные группы – крепостные Н.Н. Демидова, а также негорнозаводское население – духовенство, купцы, мещане, чиновники. Анализ планов заводов Нижнетагильского округа позволяет выявить количество жителей округа в 1828 г. в целом – 22825 человек – и по заводам в отдельности. Среди чертежей Нижнетагильского завода – карта лесной дачи округа, планы и фасады зданий гражданской и культовой архитектуры, планы и профили штанговой и конной водоподъемных машин, общие планы 13 деревень, расположенных на территории Нижнетагильской лесной дачи. Это деревни Северная, Усть-Уткинская, Фотеева, Горбунова, Бобровка, Галашки, Шайтанка, Воскресенская, Талая, Большие Галашки, Нелоба, Салка, Черемшанка. На планах указывается общее число жителей каждой деревни и особо выделяются социальные группы крепостных людей Н.Н. Демидова и государственных крестьян.

Следует оговориться, что гражданская и культовая архитектура также представлена в комплексе чертежей и других заводов округа, но в значительно меньшем объеме.

В начале XIX в. завершается формирование многоотраслевого заводского хозяйства Нижнетагильского горнозаводского округа, основой которого была металлургическая мануфактура – совокупность заводов-цехов, обеспечивающих полный производственный цикл. Полностью складывается сложная самообеспечивающаяся система, получившая в 1806 г. название окружной и состоящая из ряда вспомогательных отраслей, снабжающих металлургическую мануфактуру всем необходимым и обеспечивающих сбыт готовой продукции. Нижнетагильский округ представлял собой сложный экономический комплекс

в составе 9 заводов: ведущий Нижнетагильский чугуноплавильный и железодельный завод (построен в 1725 г.) – завод полного металлургического цикла, 5 железодельных заводов – Нижне- и Верхнелайские (построены в 1726 г.), Черноисточинский (построен в 1729 г.), Висимошайтанский (построен в 1741 г.), Нижнесалдинский (построен в 1760 г.), Висимоуткинский (построен в 1771 г.); Верхнесалдинский чугуноплавильный завод (построен в 1778 г.) и Выйский медеплавильный завод (построен в 1722 г.). На огромной земельной территории Нижнетагильского округа (638044 десятины или 6,7 тыс. кв. км) находились уникальные месторождения природных ископаемых – железные и медные руды, в 1822 г. были открыты залежи золота, в 1825 г. – платины. В округ входили десятки железных и медных рудников, платиновые и золотые прииски, пристани, а также 7 заводских поселков и 13 деревень, в которых проживали свыше 22 тыс. человек.

В альбоме чертежей Нижнетагильского завода имеется план (карта) лесной дачи девяти заводов Нижнетагильского горного округа [1, л. 21]. На плане указаны данные о количестве лесов, порослей, покосных и пашенных угодий и количестве так называемой «неудобной» земли, т.е. не пригодной для нужд горнозаводской промышленности и сельского хозяйства [1, л. 21]. В плане лесной дачи Нижнетагильских заводов есть примечание, в котором перечисляются деревни, находящиеся внутри лесной дачи, и указывается, какие из этих деревень принадлежат Нижнетагильским заводам, а какие заселены государственными крестьянами разных волостей. Это 13 вышеназванных деревень, принадлежащих Нижнетагильским заводам, и 21 деревня, в которой живут государственные крестьяне: Заплатина, Батракова, Юря, Малая Ния, Черная, Карпова, три Шумковых, Маскалка, Гаева, Кваршина, Шульгина, Новожилова, Киприна, Медведева, Принишникова, две Балакиных, Ясьва, Дунаева [1, л. 21].

В комплексе чертежей Нижнетагильских заводов имеется план Высокогорского железного рудника, на котором разными цветами и обозначением литер выделены 6 частей, которыми владели Н.Н. Демидов, наследники и наследницы Яковлева, корнет Яковлев, наследник Демидова, Зеленцовы [1, л. 29].

В комплекс чертежей каждого из девяти заводов включены планы заводского строения, на которых очерчены контурами и обозначены литерами расположение заводской плотины, вешнячного и ларевого прорезов, сливных мостов, лесопильной мельницы, заводской конторы, кузницы, различных служб и конюшен, кладовых металлов. В состав каждого альбома входят планы и фасады корпусов цехов, заводских устройств. Например, в состав альбома Висимоуткинского завода включены чертежи кричной, проволочной, сталетомительной фабрик, «токаренной» машины, хлебных магазинов. В собрании чертежей Нижнесалдинского завода имеются чертежи корпусов машинной, кузницы, кричных, сталетомительной и скульптурной фабрик. Эти чертежи составляют третью группу чертежей, представленных в альбоме.

Особенность и значимость собрания чертежей заводов Нижнетагильского

Ил. 1. План. Нижнетагильский заводской поселок. 1828 г.

округа состоит не только в наличии фасадов и планов заводского, обывательского и культового строения, но и в конкретной привязке к местности всех данных сооружений, расположение которых показано на общих планах заводов и заводских поселков [Ил.1].

Чертежи данного альбома были обнаружены в Центральном государственном историческом архиве (ныне – Российский государственный исторический архив) в 1986 г. [10]. С момента открытия чертежи были использованы для разработки научно-проектной документации по реставрации объектов культурного наследия: Нижних (1979 – 1989 гг.) и Верхних (1989 – 2005 гг.) провиантских складов, а также Лисьегогорской башни (2015 г.). Единичные чертежи из альбома 1828 г. экспонировались в стационарной экспозиции Нижнетагильского музея-заповедника (Историко-краеведческий музей, 1992 г.). Реконструкции на основе чертежей альбома 1828 г. – Предзаводская площадь [Ил. 2, стр. 93], Нижнетагильский и Выйский заводы - и планы обывательского и заводского строения Нижнетагильского и Выйского заводов демонстрируются на выставке «Город-завод», открытой в Нижнетагильском музее-заповеднике ко Дню города – 2019. Материалы альбома чертежей Нижнетагильского округа 1828 г. были достаточно подробно описаны в докладе Т.В. Смирновой на Всероссийской научно-практической конференции «IX Худояровские чтения» в Нижнем Тагиле в октябре 2019 г. [12, с.253 – 263].

Материалы альбома чертежей Нижнетагильских заводов 1828 г. в 3D – тех-

нологии будут включены в экспозицию «Музея горнозаводской истории» при создании «Единого многофункционального музейного центра» к 300-летию Нижнего Тагила. Мультимедийный продукт «Нижнетагильский округ в первой половине XIX в.» будет размещен в экспозиционном зале № 3 «Взаимодействие Демидовых и государства в период расцвета Нижнетагильского округа» (литера А, второй этаж, помещение А 204). Тип продукта – программно-архивный: текст, фото чертежей (цветная графика). При создании мультимедийного продукта будут использованы цифровые материалы по теме деятельности Нижнетагильского округа, который формировался на протяжении первой половины XIX в. Будет создан образ Нижнетагильского округа 1828 г. в виде карты с пространственным размещением на территории округа заводов, поселков, деревень, привязкой их к конкретному местоположению. Сенсорный экран позволяет одним кликом раскрывать на карте округа зрительные образы предприятий – отдельных заводских цехов и заводов в целом, зданий управленческих контор, поселений. Посетитель одним касанием может раскрыть план Нижнетагильского обывательского строения 1828 г., где показаны улицы, контурами обозначены здания, расположенные на Предзаводской площади, главным украшением которой, ее центром и доминантой всей застройки поселка стала построенная в 1777 г. каменная Входа-Иерусалимская церковь. Планы и фасады этих зданий также представлены в альбоме - магазины для провианта, заводская контора, господский дом, где размещалась управа благочиния и живописная школа, главный господский дом, Входа-Иерусалимская церковь [1, лл. 2, 17, 20, 22, 23, 27]. Благодаря этим чертежам можно восстановить облик Предзаводской площади конца XVIII – начала XIX вв. В этот период в Нижнем Тагиле побывало немало путешественников. Все они отличали типичную для уральских поселений деревянную застройку многочисленных тагильских улиц, где жили в основном мастерские и работные люди, работавшие на демидовских заводах и рудниках. Дома их ничем не отличались от крестьянских изб и также имели хозяйственные постройки и огороды. Совсем иначе выглядел центр Нижнетагильского посёлка – особенно главная Предзаводская площадь. Побывавший в Нижнем Тагиле академик П.С. Паллас уже в 1770 г. отмечал «пышность и цветущее состояние поселения». Он с восхищением описывает «богато отделанную каменную» Входа-Иерусалимскую церковь, а также расположенный напротив целый комплекс «господских домов» и административных зданий. Паллас так описывает каменную двухэтажную контору – «расчётный дом» с приказной и казённой «избами» и «погребом для хранения денег». Впечатляющий архитектурный ансамбль Предзаводской площади должен был, по замыслу заводладельцев, свидетельствовать о значении Нижнетагильского завода, который, по словам Палласа, был «других сибирских заводов лучше и прибыльней» [11, с. 252 – 253].

Поскольку Нижний Тагил – центр горного округа, для посетителя представляет интерес рассмотреть застройку центра административно-хозяйственного

управления округа, где размещались здания конторы, господских домов и служб, в 1828 г. Посетитель может наведением курсора одним кликом (или двумя повторяющимися кликами) менять увеличение, выбирать масштаб просмотра, увеличивать и рассматривать детали здания управления, церкви (фасады этих зданий представлены в альбоме), ту же Предзаводскую площадь и административно-хозяйственный центр. Планы всех девяти заводов и девяти обывательских селений, а также отдельные строения промышленной, культовой и гражданской архитектуры будут представлены в горизонтальной ортогональной проекции в архитектурной графике, но каждое из зданий по желанию посетителя также будет всплывать в увеличенном формате и его можно будет рассмотреть со всех сторон в 3D – технологии (объемный формат).

Также предлагается проведение реконструкции архитектурной застройки на территории заводов на основе материалов альбомов каждого из 9 заводов округа. Примером такой реконструкции может служить уже проведенная реконструкция Нижнетагильского и Выйского заводов (чертежи до реконструкции и после представлены в качестве приложения). Как вариант (или в дополнение) может быть предложен просмотр (трансляция) альбома с чертежами всех 9 заводов тагильской группы – 168 листов (цветная графика).

Источниками для создания мультимедийного продукта «Нижнетагильский округ в первой половине XIX в.» являются цифровые копии чертежей альбома Нижнетагильских заводов, оригиналы которых хранятся в Российском государственном историческом архиве [1-9]. Для демонстрации материалов в медиаформате будет служить напольная сенсорная интерактивная стойка с экраном 32 дюйма. Способ извлечения информации (способ управления) – сенсорный. На главной навигационной странице будет представлено меню на все разделы:

- карта с иконками заводов, поселений и деревень;
- отдельная иконка для просмотра (демонстрации) альбомов чертежей 9 заводов округа в целом (в режиме пролистывания автоматически или самостоятельно);
- реконструкция на основе материалов альбомов каждого из 9 заводов округа;
- общий текст по созданию округа (около 1000 знаков) и текст к каждому заводу (когда построен, краткая характеристика – вид деятельности, число жителей, примерно 500 -700 знаков);
- текст появляется постепенно блоками согласно иллюстрациям;
- при демонстрации альбомов — листы располагаются горизонтально, и соответственно, перелистываются по горизонтали;
- режим поиска (по ключевому слову) – заводы, поселения, культовые сооружения, здания Нижнетагильского административно-хозяйственного управления;
- возможность рассмотреть фасады зданий со всех сторон в 3D (объемная графика) технологии;

- звука не будет вообще или, как вариант, тихое музыкальное сопровождение без смены музыкального трека при перелистывании;

- 168 фото;

- ссылки на архивные источники.

Итак, альбом представляет богатый материал для изучения промышленной, гражданской, культовой архитектуры второй половины XVIII – начала XIX вв. Уникальность собрания чертежей 1828 г. в том, что оно дает возможность воссоздать точное местоположение на карте округа и архитектурный облик каждого из девяти заводов и заводских селений Нижнетагильского округа первой четверти XIX в., реконструировать архитектурный облик культовых сооружений, административно-усадебного комплекса (административных зданий, господских домов, контор) и обывательского строения и в технологии макетирования, и в медиаформате, восстановить отдельные заводские здания цехов или заводских устройств на территории сохранившихся заводов, а также реставрировать сохранившиеся сооружения.

Таким образом, внедрение мультимедийных технологий в музейное пространство обеспечивает сохранение и презентацию индустриального наследия. Материалы альбома чертежей Нижнетагильских заводов 1828 г. в 3D-технологии будут включены в экспозицию Музея горнозаводской истории при создании Единого многофункционального музейного центра к 300-летию Нижнего Тагила.

Список источников и литературы:

1. Альбом чертежей Нижнетагильского чугуноплавильного и железодельного завода //РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 88. (48 листов).
2. Альбом чертежей Выйского медеплавильного завода. - РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 83 (13 листов).
3. Альбом чертежей Верхнесалдинского доменного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 84 (9 листов).
4. Альбом чертежей Нижнесалдинского железодельного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 86 (11 листов).
5. Альбом чертежей Верхнелайского железодельного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 81 (4 листа).
6. Альбом чертежей Нижнелайского железодельного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 80 (5 листов).
7. Альбом чертежей Висимошайтанского железодельного завода. - РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 82 (8 листов).
8. Альбом чертежей Висимоуткинского железодельного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 85 (10 листов).
9. Альбом чертежей Черносточинского железодельного завода // РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Ч. II. Д. 87 (8 листов).
10. Комшилова Т. В. Тагильский Кремль // Тагильский рабочий. 1991. 29 марта.
11. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. II. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1786. С. 252 – 253.

12. Смирнова Т. В. Альбом как источник изучения горнозаводской промышленности Урала // Девятое Худояровские чтения : материалы Всероссийской науч.-практич. конф. (24-25 октября 2019 г.). Нижний Тагил, 2019. С. 253 – 263.

УДК 338.48

Ю.Г. Тютюнник,

доктор географических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,

Институт эволюционной экологии

Национальной академии наук Украины.

03143 Украина, Киев, ул. Академика Лебедева, д. 43.

yulian.tyutyunnik@gmail.com

ЗАВОДСКИЕ РУИНЫ КАК ФОРМА ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Заводские руины рассматриваются как одна из разновидностей индустриального наследия, не интегрированного в комплекс формальных, официальных способов и методов его институционализации. Показаны значение и ценность не институционализированного индустриального наследия в системе наследия культурно-исторического и природного.

Ключевые слова: руины, онаслеживание, субкультура, историческая память, биотическое и ландшафтное разнообразие, смешанные формы наследия.

Yulian G. Tyutyunnik,

Dr. Sci. (Geograf.), Prof.,

Leading Researcher, Institute for Evolutionary Ecology
of the National Academy of Sciences of Ukraine;

43, Akademika Lebedeva st., Kyiv, 03143, Ukraine.

yulian.tyutyunnik@gmail.com

FACTORY RUINS AS A FORM OF INDUSTRIAL HERITAGE

Factory ruins are considered as one of the varieties of industrial heritage, not integrated into the complex of formal, official ways and methods of its institutionalization. The significance and value of non-institutionalized industrial heritage in the system of cultural, historical and natural heritage are shown

Keywords: ruins, heritagization, subculture, historical memory, biotic and landscape diversity, mixed forms of heritage

Разнообразие форм индустриального наследия исключительно велико, может быть, максимальное по сравнению с другими формами культурно-исторического наследия. Это объясняется, с одной стороны, разнообразием форм памятников науки и техники (из области которых категория индустриального наследия происходит), с другой – разнообразием проявлений производственной деятельности человека в ландшафте. Однако всё великое разнообразие форм индустриального наследия можно поместить между двумя «полюсами». На одном «полюсе» будут находиться действующие промышленные и горно-промышленные предприятия, транспортные объекты, продолжающие выполнять свои прямые функции, но одновременно представляющие ту или иную культурно-историческую ценность – мемориальную, просветительскую, архитектурную и пр. На другом краю – целиком и полностью заброшенные, не вовлечённые ни в какие институциональные, целенаправленно организованные формы общественно-полезного использования, остатки карьеров, дорог, заводов, фабрик и целых промзон. Это просто *руины*. Их обходят туристские маршруты и они не значатся ни в каких каталогах. Они не рассматриваются в контексте ревалоризации, реновации, рекультивации – как самого заброшенного промобъекта, так и сформированного им постиндустриального ландшафта. Они не несут особо ценной исторической информации мирового, национального или регионального значения и не связаны с деятельностью выдающихся личностей или с попавшими в учебники истории событиями. Они не занесены в списки памятников архитектуры (промышленной архитектуры). В них нет музеев. А в воспитательно-образовательном плане, мамы и учителя о них чаще говорят: «Не смейте ходить на развалины!..»; нежели: «Вот у нас был завод, а на заводе...». В общем – одни сплошные «нет». А «да», если и появляются, то только в каких-нибудь кадастрово-землеустроительных анналах: бросовые-де земли, неудобья, свалки, «что с ними делать?..» и т.п. Возникает закономерный вопрос: а форма ли это индустриального наследия вообще? Стоит ли на бесхозные фабрично-заводские развалюхи и руины, как на беспородных дворняг – собак и кошек, вообще обращать внимание? Нужно ли беречь их? По нашему мнению, нужно, и даже очень! Вот почему.

Прежде всего, из-за того, что таких объектов много, весьма много, куда больше, чем индустриально-археологических объектов, в той или иной мере институционализированных, то есть официально рассматриваемых и учитываемых как форма индустриального наследия. Они не озвучены и не проговорены «на уровне»? – Ну и что? Они не подходят под категорию «памятник»? – Зато в силу своей массовости они насыщают большие территории специфическим индустриально-историческим «духом», делают ландшафт индустриально *онаследженным*. Онаслеживание (англ. heritagization) это нечто большее, чем «охрана памятников истории и культуры» или «сбережение наследия». Это превращение в наследие всей среды обитания человека, а не её охраняемых фрагментов, сообщение ланд-

шафту специфических ментальных и духовных качеств, объединяющихся в широким и ёмким понятии «наследие» [5]. При этом высокий бытийный (онтологический) смысл онаследивания на практике конкретизируется во вполне бытовые, повседневные, но исключительно важные формы человеческого поведения.

«Нельзя лазить по развалинам?» – «А мы полезем тайком от мам, в пику учителям и назло полиции». Ну, такая природа подростка – и ничего с этим не поделаешь. С точки зрения техники безопасности, это очень плохо, но ведь есть и другие, в общественном смысле не менее важные моменты. Что вынесут во взрослую жизнь мальчишки и девчонки вот из такого вот «лазания»? – Не просто воспоминания детства, отрочества и юности, а щемящее чувство малой родины. Малой индустриальной родины. А большая Родина начинается с малой...

Более продвинутый подростково-юношеский контингент возьмёт в руки краску, гитару, фотоаппарат или наденет кроссовки с шипами и превратит заводскую руину в ... картинную галерею молодёжного настенного рисунка (мурал, граффити), в театральные-концертные подмостки, в фотовыставку «абандонов» (словечко из молодежного сленга), в спортивный тренировочный полигон, одним словом – самым прямым и непосредственным образом интегрирует заводскую развалюху в культуру, сделав её *de facto* своеобразной формой культурного наследия. Эта культура – молодёжная *субкультура*? А кто сказал, что субкультура это плохо или недостойно внимания? Каждый человек в дни юности проходит через молодёжную субкультуру. Посмотрите снимки заводских «абандонов», сделанные юными фотохудожниками и «вывешенными» в интернете: разве это не разновидность индустриального наследия? Ведь фотографии и чертежи промобъектов не первый год и даже не первое десятилетие вполне «официально» считаются разновидностью памятников науки и техники [1].

При желании руинно-художественную рефлексию можно углубить, выводя её далеко за пределы молодёжной субкультуры. Например, вспомнить, что изображение руин, введённое в живописный дискурс мастерами Итальянского Возрождения, в эпоху барокко получило большое распространение и даже оформилось в самостоятельный жанр пейзажа – каприччо. А в период романтизма в садово-парковом искусстве стало популярным создание искусственных руин «а ля античность» и «а ля готика» – для придания парку в английском стиле особой таинственности, загадочности и духа древности. Руина органически входила в художественное видение окружающего мира, ландшафта в прошлые века (особенно в XVII – XVIII вв.). Что мешает ей быть такой же и сейчас? А поскольку сегодняшняя эпоха – постиндустриальная, то логично, что художественно осмысляемая руина вполне может быть фабрично-заводской (рисунком). В молодёжной «промышленной фотографии» сегодняшнего дня именно это и наблюдается.

Но что же взрослые дяди и тётки? Как они относятся к фабрично-заводским

развалинам? – В сущности, они недалеко ушли от своих детей, только любовь к этим развалинам у них проявляется в более спокойных и житейски умудрённых формах. Для них самое главное то, что и не «покрытый славой» заброшенный и разрушенный завод их города, городка, деревни никуда из исторической памяти не делся. Даже, если в населённом пункте нет местного музея, из поколения в поколения были и небылицы о бывшем производстве передаются из уст в уста [Ил. 1, 2, стр. 95].

В школах учителя с детьми и их родителями собирают историю городка или села и оформляют в альбомы: там обязательно находится место и «бывшему заводу». Они, а также сельские библиотекари, завклубами, нередко даже местное начальство, да просто рядовые любители старины и энтузиасты – все те, кого в теории памятниковедения метко назвали «партнёрами наследия» [3], выискивают старые газеты и делают из них вырезки, бережно хранят старые снимки, записывают воспоминания бывших сотрудников завода. Часто бывает, что среди сельской и районной интеллигенции находятся любители писать книжки – и пишут. Эти брошюры про родное село или местечко издаются мизерными тиражами, но в них обязательно присутствует рассказ о заводе и земляках-заводчанах. Бывает, что книжка вообще посвящена только заводу, а история местечка – только фон для повествования. Проводя индустриально-археологические исследования в местечке Ивановполь Чудновского р-на Житомирской области, я с приятным удивлением обнаружил, что в этой тмутаракани разными авторами написаны целых две книжки о местном сахарном заводе, исторически ничем, в общем-то, не выдающемся и сегодня уже заброшенном [4, 7]. Скромных исторических трудов сельской и местечковой интеллигенции вполне достаточно, чтобы заводская развалина и память о ней прочно вошли в официальную историю населённого пункта. И пусть селение маленького размера – *историческая память* места от этого нисколько не умаляется в своей непреходящей ценности. Даже если её носителей остаётся не более полдюжины и село умирает, она не становится менее ценной, наоборот – более: ведь пройдёт немного лет – и сказ о бытии местного завода попросту вычеркнется из истории и людской памяти. А этого очень не хотелось бы допустить.

Если в селе, местечке есть краеведческий музей, или хотя бы краеведчески ориентированный исторический кабинет в школе, то память и воспоминания о его индустриальном прошлом концентрируются здесь. Историко-краеведческая работа «кипит», и промышленная старина, как правило, оказывается в центре историографического и архивариусного внимания, во всяком случае, никогда им не обходится.

Историко-краеведческие реминисценции имеют глубокие философские корни. Думаю, я не преувеличу (и всяк, кто изучал индустриальное наследие «в поле», подтвердит это), что умирающие, обречённые на небытие старые заводы и фабрики вызывают какой-то особый настрой, наталкивают на глубокие

размышления о бренности бытия, провоцируют щемящую ностальгию по уходящему индустриальному миру. Местные их просто жалеют. Заметьте: жалеют – без кавычек. Здесь мы сталкиваемся с экзистенциальным аспектом наследия. Конечно, он свойствен любой его форме – развалившаяся церквушка, умершая деревенька, заброшенный город (Припять, например) вызовут похожие чувства и мысли. Но в промышленно более-менее развитых регионах среди руин чаще всего встречаются именно заводские...

Немаловажно и то, что мёртвые заводы, фабрики, дороги, горные выработки возвращают природе то, что во времена своей технологической жизни у неё отобрали – *биотическое* и *ландшафтное* разнообразие. Тем самым индустриальное наследие приобретает черты *смешанной формы наследия*, то есть наследия культурно-исторического и природного одновременно.

Тем, кто привык слепо верить экологическим декларациям анафеманствующим индустрию и индустриализм, утверждение о том, что индустриальное наследие в ряде случаев может быть относимо и к природному наследию, покажется парадоксальным, если не абсурдным. Тем не менее, это так. Сей феномен можно считать установленным для старых горнопромышленных ландшафтов. Например, украинские исследователи из Криворожского национального университета уже не первый год наблюдают возрождение в экосистемах карьеров и отвалов, пребывающих в состоянии демутиации 30 – 40 и более лет, редкие, красно-книжные виды животных и растений. Площади карьеров и отвалов Кривбасса огромны, сельское хозяйство здесь не развивается, докучливых отдыхающих тоже нет, и охотники сюда заходят редко: все условия для возвращения дикой природы! Но восстановление биоты это только половина дела. Монотонные просторы криворожских степей испещряются глубокими карьерными озёрами, едва ли не альпийскими обрывами, склонами и обнажениями скальных пород, увалами, холмами, грядами, мелкосопочниками, разве что не низкогорьями, состоящими из глыб пустой и суглинков вскрышной породы. Зброшенный карьерно-отвальный ландшафт отличается большим петрографическим и геоморфологическим разнообразием. Геопластически он очень выразителен, а значит, имеет эстетическую ценность.

Специалисты по рекультивации подметили естественный природовосстанавливающий потенциал демутирующих горнопромышленных ландшафтов – и вот уже в повестке дня проекты по созданию на нарушенных землях экологических коридоров и резерватов. С развалинами фабрично-заводских ландшафтов дело обстоит сложнее, и они в этом контексте изучены намного хуже. Тем не менее, как показали наши исследования [6], и здесь картина та же: демутирующий посттехногенный ландшафт заводских развалин увеличивает биотическое, геоморфологическое и даже почвенное разнообразие территории. Это никакие не «шрамы» на поверхности земли, это её своеобразный «пирсинг». Разумеется, чтобы видеть в подобной «косметике» художественное и пластическое начало,

нужен особый поворот эстетического вкуса. Но он имеет место, а споры о вкусах, как известно, бесполезны.

Синтез природы, постиндустрии и даже индустрии в разнообразных художественно-ландшафтных и ландшафтно-архитектурных, ландшафтно-экологических решениях – последний «писк моды» в градостроительстве, архитектуре и ландшафтном дизайне. Это высокое и технологически очень сложное градостроительное и архитектурное искусство, восходящее к концепции города-сада конца XIX – начала XX вв. Оно сегодня популярно и за ним будущее. Помимо прочего, в нём выразительно и концентрированно проявляется практический момент того биосферного понимания памятника истории и культуры и памятника науки и техники как его разновидности, о котором в теории памятниковедения говорится не первое десятилетие [2]. Но этот момент – уже момент институционализации заводских развалюх. Основная же их масса продолжает порастать бьельём, радуя своими ходами и башнями мальчишек и девчонок, «подбрасывая» работёнку краеведам-энтузиастам, вызывая щемящие воспоминания у стариков, да потчужа сочной травой овец и коз, забредающих сюда в поисках пажити...

Список источников и литературы:

1. Боярский П. В. Классификация памятников науки и техники // Памятники науки и техники. Москва, 1981. С. 12 – 26.
2. Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы) // Памятниковедение. Теория, методология, практика. Москва, 1986. С. 8-31.
3. Каулен М. Е. Средовый музей : современные проблемы и перспективы развития // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: материалы 9-й Всероссийской научной конференции, Бородино (16-17 ноября 2004 г.). Москва, 2005. С. 37 – 54.
4. Кругликов Л. Івано-пільському цукровому заводу – 120. Нариси, репортажі, інтерв'ю / Л. Кругликов. Житомир, 2006. 256 с.
5. Тютюнник Ю. Г. Онаслеживание ландшафта / Ю. Г. Тютюнник. Киев, 2010. 212 с.
6. Тютюнник Ю. Г., Пашкевич Н. А., Губарь Л. М. Производственные ландшафты и их демутиация (на примере свеклосахарной промышленности Украины) // Известия РГО. 2019. Т.151, вып. 5. С. 48 – 66.
7. Янчук І. Є. Літопис селища / І. Є. Янчук. Житомир, 2010. 162 с.

УДК 81.373

А.Л. Чуднов,

геолог

ОАО «Высокогорский горно-обогатительный комбинат»,
622002, г. Нижний Тагил, ул. Фрунзе, 17;

педагог-организатор

МБУ ДО ГорСЮТур,

622000, г. Нижний Тагил, ул. Челюскинцев, 61.

chudnov_andrei@mail.ru

ГЛОССАРИЙ ШАХТЫ «МАГНЕТИТОВАЯ» КАК ЧАСТЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья является первой попыткой создания глоссария современных терминов, употребляемых в разговорной лексике горняков на шахте «Магнетитовая» Высокогорского горно-обогатительного комбината. Наряду с фиксацией самих терминов приводятся объяснения рабочих ситуаций, пояснения сопутствующих им технологических процессов.

Ключевые слова: Нижний Тагил, индустриальное наследие, шахта «Магнетитовая», глоссарий.

A.L. Chudnov,

geologist

Vysokogorsk mining and processing plant,
622002, Nizhny Tagil, st. Frunze, 17;

teacher-organizer

MBU DO GorSYUTour,

622000, Nizhny Tagil, st. Chelyuskintsev, 61.

chudnov_andrei@mail.ru

GLOSSARY OF «MAGNETITOVAYA» MINE AS A PART OF THE INDUSTRIAL HERITAGE

The article is the first attempt to create a glossary of modern terms used in colloquial vocabulary of miners at the «Magnetitovaya» mine of the «Vysokogorsk mining and processing plant». Along with the fixation of the terms themselves, explanations of working situations, explanations of the accompanying technological processes are given.

Keywords: Nizhny Tagil, industrial heritage, «Magnetitovaya» mine, glossary.

Как известно, индустриальное наследие представляет собой материальные объекты индустриальной и технической культуры. Сохраняются они для того, чтобы понять их роль, функции, назначение, применение в ходе того или иного производственного процесса. Однако, сохраняя какой-либо объект, совершенно естественным следует считать и сбережение относящейся к нему терминологии:

от названия самого объекта до технологических и производственных процессов, связанных с ним. То есть, в какой-то мере, можно говорить о том, что индустриальное наследие – это не только реально существующие объекты, предметы, но и неразрывно связанные с ними нематериальные идеи, образы, получающие отражение в простой разговорной лексике участников трудового процесса.

Даже имея знания о производстве, порой интересно было бы услышать, как то или иное оборудование, процесс называли сами работники. Этот «сленг» позволяет почувствовать время, место, с которым связан данный объект.

В настоящее время в Нижнем Тагиле, городе с трёхсотлетней историей горного дела, возникла особая ситуация и появилась необходимость сохранения специальной «шахтёрской», горняцкой терминологии. В постиндустриальную эпоху тагильский край утратил своё былое значение одного из основных центров по добыче полезных ископаемых. К началу XXI в. на территории города и в его ближайших окрестностях либо совсем прекратили своё существование, либо значительно снизили объёмы производства горнодобывающие объекты – карьеры, шахты, предприятия по добыче и переработке торфа, медных и железных руд, асбеста, известняка, облицовочного и строительного камня. Ещё 30 – 35 лет назад на территории города существовало четыре «агломерации» с подземной добычей полезных ископаемых – это рудник имени III Интернационала, шахты «Эксплуатационная», «Естюнинская» и «Магнетитовая». В настоящее время действуют только две последние.

Старейшая из тагильских шахт – «Магнетитовая» – более семидесяти лет выдаёт «на гора» железную руду. Введённая в эксплуатацию в конце 40-х гг. XX столетия, она к 60 – 70-м гг. стала лидером передовых горных технологий, флагманом по добыче руды. Не останавливаясь на рассказе о её истории, скажем лишь, что на сегодняшний день доступные к разработке запасы практически исчерпаны. Однако существует идея создания на её базе музея-шахты, а в идеале целого горного парка с естественным и техногенным ландшафтом, производственными и технологическими зданиями и сооружениями [1, с.158].

В любом случае, осуществляются эти идеи или нет, необходимо сохранить память о шахтёрском прошлом края. Формы могут быть самые различные. Например:

- коллекции минералов, горных пород и руд, добытые на глубоких подземных горизонтах. В настоящее время добычные работы ведутся на отметках свыше 800 метров от земной поверхности, и подобное собрание сохранит естественнонаучную информацию о составе земной коры. Кроме того, оно даст повод для размышлений: ведь оказаться на такой глубине, взять в руки отобранный здесь образец – это довольно экзотичная для простого человека ситуация, хотя для горняков она является обычной, повседневной работой. Образцы также могут показать динамику снижения качества добываемых руд – от богатых (Fe = 30 – 40 %) в прошлом, до бедных и убогих в настоящее время (Fe = 18 – 23%), что без сомнения подтвер-

дит мысль об ограниченности и конечности «несметных земных богатств»;

- картографический материал - планы и разрезы с геолого-маркшейдерскими данными, схемы вентиляции, водоотлива, откатки руды – дадут представление о разнообразии шахтёрского труда, о протяженности и объемах горных выработок;
- различные чертежи оборудования и механизмов позволят представить их облик, размеры. Особенно это важно для такого оборудования, демонтаж которого невозможен;
- фото- и видеофиксация оборудования, механизмов и технологических процессов в действии;
- создание парка горной техники и оборудования.

Ещё одним способом сохранения памяти или нематериального индустриального наследия может стать своего рода глоссарий – собрание терминов и выражений, не общей горной лексики, которую можно найти в специальных словарях, учебниках, а той, что бытовала в прошлом и той, что продолжает использоваться в наше время шахтёрами в их повседневном труде. Пусть эта статья станет началом такой работы.

В качестве необходимых пояснений следует сказать, что слова и выражения выстроены в алфавитном порядке. Для некоторых терминов, после их краткого объяснения, курсивом приводится пример использования.

Глоссарий шахты «Магнетитовая»

Баян – самодельный, не заводского производства, сварочный аппарат. Одну из частей этого устройства делают из закрученного спиралью металлического листа, получается подобие шнека мясорубки, но с более частыми оборотами, что вызывает ассоциацию с растянутыми мехами баяна. Отсюда, скорее всего, и происхождение этого слова.

Брызгать – закреплять горную выработку слоем бетона (торкрет бетоном) незначительной, до нескольких сантиметров, толщины. *Забрызгать выработку.*

Бут – большой кусок горной породы. В разговорной лексике существует и превосходная степень этого слова. Бутияра – это очень большой кусок горной породы. Рудяной бут – большой кусок руды. Бутистая руда – руда, состоящая преимущественно из крупных кусков.

Веер – серия скважин, пробуренных для отбойки рудной массы. Бурение производится станком с одного места и в одной вертикальной плоскости, изменяется только угол наклона скважин. В случае, если бурение производится из той же точки, но меняется направление скважин, азимут бурения, то такой веер называют «веер с наворотом».

Добыча – в профессиональной лексике зачастую происходит изменение слов путём переноса ударения. Так произошло со словом «добыча». Горняки произно-

сят его с ударением на первый слог, ещё и выскажут неправильно говорящему: «Добыча в лесу, а в шахте добыча».

Дучка – горная выработка, служащая для дозированного выпуска рудной массы из взорванного массива. Выражение «зависла дучка» означает, что выпускное отверстие перекрыли крупные куски руды, которые не дают просыпаться руде к скреперному скребку. Для ликвидации зависания, или, как говорят горняки, чтобы «посадить дучку», зачастую приходится делать взрыв – *«стрелять в дучке».*

Забурить вагон – сход вагонетки или «kozy» с рельсов.

Забурить скважину – процесс начала бурения скважины.

Закол – кусок горной породы, отделившийся от массива, в кровле, либо в стенке горной выработки. *Висит закол. Упал закол. Обобрать заколы.*

Зарядка – заполнение скважин, пробуренных для отбойки руды от массива, взрывчатыми материалами с последующей установкой взрывных устройств. Зарядка скважин проводится перед массовыми взрывами, которые, как правило, производятся в нерабочие выходные дни. Длится она в течение нескольких часов, одну или несколько рабочих смен. Для проведения этих работ набираются специальные бригады шахтёров.

Клетевая, Бис, Магнитка – так работники называют шахтные стволы «Клетевая», «Магнетитовая-Бис» и «Магнетитовая», служащие для спуска и подъёма грузов и людей на шахтные горизонты. Над опускающимися в недра шахтными стволами высятся надшахтные сооружения – копры. *Поехать по Магнитке.*

Коза – грузовая вагонетка с низкими бортами. На «козе» перевозят различные технологические и вспомогательные грузы (крепёжные материалы, крупногабаритные инструменты и детали, материалы для ремонта железнодорожных путей и др.).

Красить руду – означает подсыпку небольшого количества более богатой руды сверху в загруженную бедной рудой вагонетку. Я никогда не видел, чтобы прибегали к такому действию, но о нём постоянно говорят. Сделать это получится, если в выработке есть возможность поставить вагонетку под погрузку, сначала под полок с низким качеством, а затем перевезти её под полок с более богатой рудой. Кроме того, делать это имеет смысл лишь тогда, когда качество в вагонетке будет замерено контролёром ОТК (отдела технического контроля). Поскольку такая ситуация складывается редко, то об этом в основном лишь говорят, как о потенциальной возможности, но практически никогда не делают.

Лес – так называют, как правило, круглые, не пиленные брёвна, предназначенные для крепления горных выработок. Изредка «лесом» называют и распиленные на доски материалы.

Партия – состав из электровоза и прицепленных к нему вагонеток, служащий для перевозки руды или породы с проходческих работ, по откаточному горизонту. *Отправить партию; ушла партия.*

Породисты – работники, которые занимаются уборкой отбитой горной поро-

ды из забоя, при проходке горной выработки.

Продуть скважину - очистить скважину от шлама, перед её зарядкой, с помощью шланга, по которому подаётся сжатый воздух.

Поставить кресты (вынести кресты) – означает: нарисовать на стенках выработки кресты краской. Такие кресты рисуют на одной или двух противоположных стенках. Работу эту выполняют маркшейдеры. Кресты обозначают либо центральную ось горной выработки для проходки, либо направление проектируемых скважин.

Похоронили скребок – скреперный скребок завалило породой, высыпавшейся из дучки и нет возможности его достать.

Резина – шахтерский непромокаемый костюм из прорезиненной ткани.

Сигналистка – так называют женщин, работающих в клету при перевозке людей на шахтные горизонты. Официальное название этой профессии – стволочная.

Стакан – оставшийся не отбитым участок шпура в породном массиве.

Сто тридцать, триста семьдесят, четыреста полсотый, пять тридцать (иногда – пятьсот), шестьдесят (шестьсот) – так сигналистки в клету называют шахтные горизонты: минус сто тридцатого (-130), минус триста семидесятого (-370), минус четыреста пятидесятого (-450), минус пятьсот тридцатого (-530) и минус шестьсот десятого (-610) метра.

Стрелять – производить технологические взрывы для выпуска руды из дучки или дробления крупных, не помещающихся в вагонетку бутов. *Стрелять на полкё.*

Сыпуха – мелкие обломки горной массы.

Тошуба – самодельный, не заводского производства сварочный аппарат. Это слово имеет новейшее происхождение. Имеет то же значение и используется как синоним слова «баян», правда, в последнее время всё более часто заменяет его.

Тяни-толкай – железнодорожный состав с двумя электровозами. Электровозы прицепляются в двух противоположных концах: один в «голове», другой в «хвосте». Такой состав используется в выработках, где нет сквозного проезда для загрузки вагонов под полками, то есть в тушиковых выработках.

Ходок – обычно так называют ходовое отделение в каком-либо вертикальном шахтном стволе. *Спустится по ходку.* Иногда так же называют горизонтальные выработки вспомогательного назначения. Например: ходовой штрек, ходовой орт.

Хозяйка – электровоз для хозяйственных работ (доставка отдельных вагонеток, коз и т.д. с грузом). *Увезти на хозяйке; работать на хозяйке.*

Список источников и литературы:

1. Хранители исторического наследия: музеи Нижнего Тагила: статьи и воспоминания их создателей и сотрудников / Администрация г. Нижний Тагил; [сост. и авт. кн. проекта: И. Г. Семенов]. Нижний Тагил, 2015. 470 с.

2. Чуднов А. Л. Концепция геопарка «Гора Высокая» // Музей-заповедник в культурном пространстве старопромышленного города: сб. докладов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 175-летию Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Нижний Тагил, 2016. С. 158.

УДК 72

О.А.Шипицына,

кандидат архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций,

Уральский государственный архитектурно-художественный университет, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23.

oshipits@usaaa.ru

Н.С. Солонина,

кандидат архитектуры, доцент кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций, Уральский государственный архитектурно-художественный университет, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23.

saydan86@gmail.com

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА: ОПЫТ РЕВАЛОРИЗАЦИИ ЗА 50 ЛЕТ (1970 – 2020 гг.)

В статье рассмотрено становление движения за сохранение и повторное использование исторических промышленных объектов в передовых европейских странах. Раскрыта специфика процесса изучения памятников промышленного зодчества, проходившего параллельно с подобным общемировым движением в 1960-1970 гг. в Екатеринбурге и на Урале. Определено наличие двух волн перепрофилирования объектов индустриального наследия в Екатеринбурге: 1970-е гг. и 2000-е гг. Согласно выявленной хронологии проанализирован опыт ревалоризации индустриального наследия Екатеринбурга за 50 лет (1970-2020 гг.).

Ключевые слова: индустриальное наследие, индустриальное наследие Екатеринбурга промышленная архитектура, ревалоризация

O.A. Shipitsyna,

Candidate of Sciences of Architecture, Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Urals State University of Architecture and Arts, 620075, Yekaterinburg, K.Liebnecht Str, 23.

oshipits@usaaa.ru

N.S. Solonina,

Candidate of Sciences of Architecture, Assistance professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Urals State University of Architecture and Arts, 620075, Yekaterinburg, K.Liebknicht Str, 23.
saydan86@gmail.com

INDUSTRIAL HERITAGE OF YEKATERINBURG: 50 YEARS OF REVALORIZATION EXPERIENCE (1970 – 2020)

The article considers the formation of the movement for the preservation and reuse of historic industrial sites in the advanced European countries. The specificity of the process of studying monuments of industrial architecture, which took place in parallel with a similar global movement in 1960-1970 in Yekaterinburg and the Urals is revealed. Two waves (in the 1970s and 2000s) of re-profiling of industrial heritage objects in Yekaterinburg have been identified. According to the revealed chronology, the experience of revalorization of the industrial heritage of Yekaterinburg for 50 years (1970-2020) is analyzed.

Keywords: industrial heritage, industrial heritage of Yekaterinburg, industrial architecture, revalorization.

В передовых европейских странах с 60-х гг. прошлого XX в. начался процесс выявления, сохранения, восстановления и повторного использования исторических промышленных объектов как ответ на уничтожение ценных материальных свидетельств индустриального развития общества. Первой страной, в которой было проведено множество акций по буквальному спасению памятников индустриальной эпохи, стала Великобритания. В последующие годы именно здесь «спонтанно организовывались общества, которые не только следили за сохранностью старинных сооружений, но и предпринимали усилия по материальному обеспечению и организации их правопередачи» [4, с.10]. Своеобразным символом движения за сохранение индустриального наследия стал памятник промышленной революции XVIII в. Айронбридж Гордж (The Ironbridge Gorge) в Шропшире (Англия). Здесь в 1968 г. «на берегу реки Северн, на базе старинных металлургических заводов Дарби» создается индустриальный музей-заповедник под открытым небом, в котором «в цехах конца XVIII века демонстрируются первые паровые машины и другое техническое оборудование в среде, сохранившей первоначальный характер» [4, с.126].

Всего через пять лет, уже летом 1973 г. в Айронбридже проводится Первый Международный конгресс по сохранению промышленных памятников, на котором участники из восьми стран обсуждают национальные и региональные методики регистрации и охраны объектов индустриального наследия, а также представляют научно-исследовательские и практические проекты музеефикации конкретных комплексов, зданий и сооружений. Самым важным результатом конгресса стало осознание всеми его участниками того, что индустриальные

ландшафты, объекты и сооружения представляют собой важную область исторических исследований, а сохранившиеся памятники промышленной деятельности являются фундаментальной составляющей наследия народов всего мира [5]. Подобное единодушие специалистов привело к тому, что вскоре после конгресса был создан Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТИССИН). Сферой деятельности этой всемирной организации стало изучение и сохранение промышленных территорий, строений и архитектуры, заводов и оборудования, промышленных поселений, ландшафтов, продукции, технологий, а также документации индустриальных объектов [6].

Следует отметить, что параллельно с общемировым движением за сохранение индустриального наследия и в какой-то степени независимо от него на Урале в 60 – 70-е гг. XX в. начинается очень похожий процесс, однако в большей степени ориентированный на выявление, изучение, паспортизацию исторических промышленных объектов/территорий, являющихся частью активно работавших в тот период предприятий. Подобные исследования с выездом в научные экспедиции по старым заводам Урала осуществлялись коллективом ученых-единомышленников, в том числе и с привлечением студентов в рамках нового, основанного Н.С. Алфёровым, научного направления «История архитектуры Урала» и действовавшей в то время комплексной научно-творческой программы «Каменный пояс» [3].

Однако в Екатеринбурге изучение объектов индустриального наследия, построенных в первой половине XIX в. преимущественно в стилистике классицизма, все же позволило добиться определенных достижений в области сохранения и повторного использования памятников промышленного зодчества. Так, в начале 1970-х гг. в самом центре тогда еще Свердловска на месте бывшего Екатеринбургского железодельного завода был создан музейно-мемориальный комплекс «Исторический сквер» по проекту авторского коллектива архитекторов под руководством Н.С. Алфёрова. Приспособление бывшей промышленной территории под актуальные для города общественную и рекреационную функции определило начало (первую волну) процесса перепрофилирования объектов индустриального наследия Екатеринбурга. После небольшого перерыва, связанного с изменением социально-экономических условий развития нашей страны, в середине 2000-х гг. началась вторая волна перепрофилирования исторических промышленных зданий. Ее специфика состояла в разнообразии направлений повторного использования подобных объектов в диапазоне: от уже привычных для города общественной, музейной и культурной функций до совсем новых – жилой, спортивной, образовательной и коммерческой. Согласно обозначенной хронологии был проанализирован опыт реvalorизации индустриального наследия Екатеринбурга за 50 лет (1970 – 2020 гг.).

Рассмотрим более подробно перепрофилирование территории бывшего железодельного завода, которое было необходимой мерой, поскольку в 1960-е

гг. находящиеся на ней производства были закрыты и перенесены на другую площадку, а место расчищено от старых строений, которые обладали историко-архитектурной ценностью. Однако вскоре снос исторических промышленных зданий был остановлен, а сохранившиеся объекты индустриального наследия вошли в структуру музейно-мемориального комплекса «Исторический сквер», создание которого завершилось в 1972 – 1973 гг., к 250-летию города [1].

Ревалоризация этой бывшей промышленной территории была направлена на восстановление историко-архитектурной и градостроительной ценности того места, с которого начал свое развитие Екатеринбург. По замыслу авторов проекта, территория комплекса была разделена на две части: восточную, где располагается музейная зона, и западную, где размещается мемориальная зона. Обе части были ограничены с севера плотиной городского пруда. В музейную зону вошли бывшие корпуса завода: здание малой кузницы и котельной (1865 г.), здание цехового магазина, чертежной и бюро механика (1833 г.), складское и лесозаготовительное отделения (1857 – 1860 гг.), а в мемориальную – госпиталь завода (1749 г.). Эти объекты индустриального наследия соответственно были перепрофилированы под Музей природы Урала, Музей по проблемам истории и перспективам развития архитектуры Урала, Музей изобразительных искусств. Кроме того, в комплекс также вошли: плотина (1723 г.), фрагменты ограды и сохранившиеся ворота, водонапорная башня (1880-е гг.), выставка старой техники под открытым небом, площадь, примыкающая к подпорной стенке с барельефом и южнее от нее «сад камней» [1,2].

После перепрофилирования территории железодельного завода в городе появилось востребованное открытое общественное пространство, где уже многие годы регулярно проводят различные мероприятия, выставки и ярмарки. Создание «Исторического сквера», запустившее в Екатеринбурге процесс сохранения объектов индустриального наследия, явилось и первым отечественным примером комплексной ревалоризации и перепрофилирования бывшей промышленной территории в культурное пространство.

Вторая волна перепрофилирования началась в Екатеринбурге в середине 2000-х гг. в связи с реконструкцией ряда музейных объектов музейно-мемориального комплекса «Исторический сквер». В этот период были обновлены благоустройство, малые формы, фонтан, расположенный в русле реки, а также реконструированы некоторые исторические объекты. В частности, в 2008 г. началась перестройка всех корпусов переименованного в 1985 г. Музея истории архитектуры и промышленной техники Урала. В 2015 г. после завершения работ отдельные здания теперь уже Музея архитектуры и дизайна УралГАХА были объединены в многофункциональный комплекс с общим атриумным пространством на месте бывшего двора. В этот комплекс наряду с музеем вошел и Уральский центр развития дизайна с его образовательной функцией. Выставка крупногабаритной техники, которая раньше располагалась во дворе, была перенесена на площадку

около музея, благодаря чему юго-восточная часть Исторического сквера значительно преобразилась и стала выполнять еще и экспозиционную функцию. Позже, в 2018 г., была реконструирована и Водонапорная башня завода. Первый этаж приспособили под кофейню, а на втором – создали музей. Проведенная в 2010-х гг. реконструкция Исторического сквера позволила закрепить за этим местом статус одного из самых значимых общественных пространств Екатеринбурга, теперь уже окончательно.

В связи с возросшим интересом к индустриальному наследию в 2010-е гг. началось приспособление и других ценных промышленных объектов Екатеринбурга под самые разные функции, чего не было раньше.

Примером комплексного перепрофилирования стало воссоздание ансамбля Госпиталя Верх-Исетского завода, построенного в 1824 – 1826 гг. в стиле «классицизм» архитектором М.П. Малаховым и состоящего из пяти зданий (больница, амбулатория, дом для врачей, земская аптека и изолятор) [2]. До 2016 г. этот комплекс находился в аварийном состоянии. В 2019 г. после реконструкции исторических объектов и строительства нового трёхэтажного здания в архитектурной стилистике комплекса был открыт культурно-выставочный комплекс «Синара Центр». В новом комплексе разместились галерея современного искусства, зал для проведения концертов и конференций, творческие мастерские, итальянский ресторан и бары.

В свою очередь, здание типографии «Гранит», построенное в 1914 г., и дважды перепрофилированное, сначала в Екатеринбургскую картинную галерею, а затем в 2020 г. в культурно-выставочный корпус «Эрмитаж-Урал» является примером повторного использования под объект культуры федерального значения. В ходе реконструкции сохранен первоначальный облик здания, а вновь пристроенная входная группа делает бывший промышленный объект более актуальным. Первый этаж здания приспособлен под экспозиции «Эрмитажа», на втором – организовано выставочное пространство Екатеринбургской картинной галереи.

За последние пять лет в Екатеринбурге появилось и несколько примеров перепрофилирования исторических промышленных объектов под жилую функцию в различном сочетании с другими.

Мельница Симанова-Макарова, построенная в 1884 г. на берегу реки Исеть, представляла собой каменное шестиэтажное здание, соединенное с каменным восьмиэтажным зернохранилищем [2]. В 2015 г. после разработки нескольких проектов реконструкции бывшей территории мельницы (Екатеринбургского мукомольного завода) было одобрено строительство жилого комплекса «Макаровский». Сейчас на месте снесенных корпусов завода возводятся три жилых дома и заканчивается реконструкция двух исторических зданий. Мельницу приспособляют под апартаменты, а здание мастерских под детский клуб. Новый жилой комплекс с объектом индустриального наследия удачно вписан в панораму городского пруда.

В 2017 г. начали приспособлять под жилую и общественную функции мельницу Борчанинова-Первушина, построенную в 1890-х гг. Бывшее промышленное здание стало композиционным центром нового жилого комплекса «Мельница». В состав исторического комплекса мельницы входили машинное и котельное отделения, а в глубине территории находилось двухэтажное здание конторы и одноэтажная каменная столярная мастерская [2]. В ходе приспособления здания мельницы под апартаменты был сохранен внешний вид исторического объекта и сформирована комфортная среда для проживания и работы.

Примером соединения в перепрофилированном объекте жилой и общественно-культурной функции является жилой комплекс «Главный проспектЪ», созданный в результате приспособления к новому использованию двух корпусов завода цветных металлов. Исторический корпус аффинажного завода был построен в 1916 г. и представлял собой двухэтажное, прямоугольное в плане здание, выполненное в кирпичном стиле [2]. В 1970-е гг. к этому зданию был пристроен новый лабораторный девятиэтажный корпус. В 2015 г. начались работы по перепрофилированию корпусов завода. В историческом здании была отреставрирована кирпичная кладка, а перекрытия и конструкции кровли сохранены. В лабораторном корпусе были заменены все конструктивные элементы, включая лестнично-лифтовые узлы, нетронутыми остались только наружные стены. После перепрофилирования в этом комплексе расположены квартиры-студии и пентхаусы, имеется музей истории золота, выставочные пространства, рестораны, торговые галереи, офисы, пространства для проведения различных мероприятий.

Кроме приспособления исторических промышленных объектов под описанные функции в Екатеринбурге имеется пример перепрофилирования объекта индустриального наследия под спортивную функцию. Так, во внутреннем пространстве Водонапорной башни на ул. Московской, которая была построена в 1925 г. в самой высокой точке города, была организована школа горных видов спорта. В ходе приспособления еще в 1990-х гг. был разобран бак для воды, но оставлена одна его стена для скалодрома, была утрачена ротонда, историческую лестницу удалось сохранить. В здании были сделаны перекрытия для залов скалолазания, после этого башня стала трёхъярусной. В 2020 г. планируется повторная реконструкция.

Следует также упомянуть объекты, которые уже признаны памятниками индустриальной эпохи, и сейчас нуждаются в проведении скорейшей реконструкции. Это Водонапорная башня УЗТМ, возведенная в 1931 г. по проекту М. Рейшера. Известная как Белая башня и символ Уралмаша, она долгое время находилась в состоянии крайнего запустения. Следующий объект – это здание типографии «Уральский рабочий», построенное в 1929 г. Объект постепенно становится общественным центром, выполняющим развлекательную, культурную, деловую функции, и нуждается в реконструкции.

Вторая волна перепрофилирования объектов индустриального наследия в Екатеринбурге позволила выявить и сохранить ценные памятники промышленной эпохи, некоторые из которых еще находятся в процессе реконструкции или даже просто на стадии переосмысления ценности.

Исследование опыта ревалоризации индустриального наследия Екатеринбурга в период с 1970-х по 2020-е гг. показал, что многообразие функций, которыми наделяются сегодня бывшие промышленные объекты, во многом объясняется огромным скачком в развитии общества. Он произошел буквально в последние десятилетия под влиянием мирового опыта приспособления и эффективного использования памятников индустриальной эпохи и благодаря быстрому развитию технологий, информационного и культурного пространств и не менее быстрому приспособлению к ним современного человека. Вслед за этим процессом произошел рост, и возникла потребность уплотнения и насыщения городских территорий, в связи с чем заброшенные промышленные участки и аварийные объекты, расположенные в стратегически важных общественных, деловых и коммерческих зонах, обрели высокую ценность и стали привлекательными для инвесторов.

Список источников и литературы:

1. Екатеринбург: история города в архитектуре / А. А. Стариков, В. Е. Звагельская, Л. И. Токменинова, Е. В. Черняк. Екатеринбург, 1998. 240 с.
2. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007. 536с.
3. Шипицына О. А. История промышленного зодчества Урала: эволюция научных исследований // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 1. С. 67-75.
4. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «индустриальной археологии» / М. Штиглиц. Санкт-Петербург, 2003. 272 с.
5. First International Congress on the Conservation of Industrial Monuments [Электронный ресурс] / Transactions of the TICCIH Congress Ironbridge (29 May – 5 June 1973). England, 1975. URL: <http://works.bepress.com/the-internationalcommitteefortheconservationoftheindustrialheritage/11/> (дата обращения: 23.10.2020).
6. The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage [Электронный ресурс]. URL: <https://ticcih.org/about/> (дата обращения: 23.10.2020).

УДК 338

Е. А. Штафетова,начальник отдела по объектам культурного наследия
и землепользования,Муниципальное казённое учреждение культуры «Нижнетагильский
музей-заповедник «Горнозаводской Урал», г. Нижний Тагил.
shtafetova@mail.ru**К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ.
АКТУАЛЬНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ БЕЗ
ГОСУЧАСТИЯ В СФЕРУ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ**

Доклад посвящен вопросу правового регулирования таких аспектов индустриального наследия, как архивы предприятий без государственного участия и музеи, музейно-выставочные центры предприятий без государственного участия. Отсутствие культурной экспертизы ставит архивные документы частных предприятий вне культурного и правового поля, тогда как подавляющее их количество представляет собой несомненную культурную ценность. Аналогичная ситуация и с музеями и музейными центрами предприятий без государственного участия. Поскольку их правовой статус не определен, хранящиеся в них предметы не имеют статуса культурных ценностей официально и находятся вне научного поля зрения. Регистрация архивных документов и культурных ценностей музеев предприятий позволит ввести в культурный и широкий научный оборот значительный объём информации, обеспечит доступ к ним более широких научных и общественных кругов.

Ключевые слова: архивы предприятий без государственного участия, индустриальное наследие, экспертиза, культурные ценности, музеи, музейно-выставочные центры.

E.A. Shtafetova,Head of the Department for Cultural Heritage and Land Use Objects
Municipal state cultural institution «Nizhny Tagil Museum-Reserve»
Gornozavodskaya Ural «, Nizhny Tagil.
shtafetova@mail.ru**ON THE ISSUE OF PRESERVING INDUSTRIAL HERITAGE.
THE RELEVANCE OF THE INCLUSION OF LEGAL ENTITIES
WITHOUT STATE PARTICIPATION IN THE PRESERVATION OF
INDUSTRIAL HERITAGE**

The report is devoted to the issue of legal regulation of such aspects of industrial heritage as archives of enterprises without state participation and museums, museum and exhibition centers of enterprises without state participation. The lack of cultural expertise places the archival documents of private enterprises outside the cultural and legal field, while the overwhelming number of them is of undoubted cultural value. The situation is similar with museums and museum centers of enterprises

without state participation. Since their legal status is not defined, the items stored in them do not have the status of cultural property officially and are outside the scientific field of vision. Registration of archival documents and cultural values of the museums of enterprises will make it possible to introduce a significant amount of information into the cultural and wide scientific circulation, provide access to them for wider scientific and public circles.

Key words: archives of enterprises without state participation, industrial heritage, expertise, cultural values, museums, museum and exhibition centers.

В многочисленных научных исследованиях, касающихся индустриального наследия, затрагиваются вопросы сохранения промышленных зданий, территорий, ландшафтов.

При этом открытым остаётся вопрос сохранения иных материальных и нематериальных культурных и исторических ценностей, касающихся индустриального наследия, а именно: архивы предприятий без государственного участия в виде писем, чертежей, приказов иных документов, а также устаревшие технологии и механизмы, исторические сведения о цехах предприятий, их развитии, перестройке и так далее.

Действительное положение дел свидетельствует о том, что ценная информация, открывающая истинные причины того или иного явления, подлинная история людей, предприятий, районов, городов не только не введена в научный оборот, но и зачастую предается забвению.

Между тем, законодатель предусмотрел возможность для сохранения и публикации архивов предприятий без государственного участия путём введения в Федеральный закон от 22.10.2004 N 125-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об архивном деле в Российской Федерации» ряда статей, предоставляющих возможность перевести их в разряд научных документов либо культурных ценностей. Так, статья 3 указанного закона вводит понятие архивного документа: «документ Архивного фонда Российской Федерации - архивный документ, прошедший экспертизу ценности документов, поставленный на государственный учет и подлежащий постоянному хранению; уникальный документ – это особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) его внешним признакам, невозможный при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности».

Здесь же содержится понятие архивного фонда: «архивный фонд - совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой».

Из изложенного следует, что для получения статуса архивного документа, имеющего культурную ценность, документ должен пройти определённую процедуру – экспертизу ценности. Из упомянутого выше закона следует, что экспертиза ценности документов - это процесс изучения документов на основании критериев их ценности в целях определения сроков хранения документов и отбора их для включения в состав Архивного фонда Российской Федерации.

Законом определено, что к частной собственности относятся архивные документы организаций, действующих на территории Российской Федерации и не являющихся государственными или муниципальными, в том числе общественных объединений со дня их регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации об общественных объединениях и религиозных объединений после отделения церкви от государства, а также созданные гражданами или законно приобретенные ими.

Однако процедура экспертизы на данный момент носит добровольный характер. Редко кто из учредителей, руководителей, а тем более – работников частных, негосударственных организаций, знает и выполняет положения Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации». Это находится вне зоны их компетенции, а тем более – интереса.

Однако законодатель аккуратно предусмотрел возможность их отчуждения и перехода от владельца к владельцу.

Установлено, что документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в частной собственности, могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом. При этом правопреемник в тридцатидневный срок со дня отчуждения или перехода прав обязан уведомить о переходе к нему прав собственника соответствующий государственный, муниципальный архив, музей, библиотеку, научную организацию, включенную в перечень, который утверждается Правительством Российской Федерации, с которыми прежний собственник заключил договор. При переходе прав собственника на документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в частной собственности, к другому лицу к этому лицу переходят обязанности, указанные в договоре, предусмотренном частью 7 статьи 6 настоящего Федерального закона.

Если собственник особо ценных и охраняемых государством документов не выполняет свои обязанности по хранению, учету и использованию этих документов, что может привести к утрате ими своего значения, такие документы по решению суда могут быть изъяты у собственника в соответствии со статьей 240 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако все изложенные выше положения вступают в силу только в случае, если в отношении документов проведена экспертиза. В ином случае они имеют статус внутренних документов общества. Их судьба в настоящий момент целиком и полностью зависит от руководителей предприятий, поскольку их позиция в деле сохранения, изучения и популяризации документов становится решающей. Ведь в действующем законодательстве имеется немало неурегулированных вопросов, предоставляющих возможность либо игнорировать существующие положения закона, либо избежать ответственности в случае выявления их нарушений.

Таким образом, документы, хранящиеся в архивах частных предприятий и

корпораций без государственного участия не введены в гражданский оборот, поскольку в отношении них не проведена процедура экспертизы и постановки на учёт в государственном архиве.

Между тем, зачастую они представляют собой огромный культурный пласт, изучение и введение в оборот которого невозможно переоценить.

При этом исполнение обязанности собственника документов каким-либо образом обеспечивать их хранение, учёт, введение в оборот либо иное использование возможно отследить в случае, если собственник добровольно осуществил мероприятия по включению архива в Архивный фонд РФ. В противном случае документы находятся вне правового поля. Безусловно, здесь необходимо исключить хранение и использование документов, содержащих коммерческую тайну. Однако это лишь малая часть документов, которые хранятся (или не хранятся, выбрасываются) из архивов или отделов, структурных подразделений предприятий и корпораций. Безусловно, их необходимо дифференцировать и решать, какие необходимо хранить, а какие – уничтожить или засекретить.

Таким образом, существует массив закрытой информации, который необходимо хранить, изучать и публиковать в целях преемственности информации, обоснования принятия решений, определения путей развития, в целях подтверждения своего высокого статуса, исторической основы. В то же время изучение архивов позволит брать на вооружение и совершенствовать новые технологии, которые не получили распространение или признание вследствие отсутствия необходимой научной (или материальной) базы.

Фактом, характеризующим состояние дел в этом вопросе, является, например, отсутствие поступления документов по Нижнетагильскому металлургическому комбинату после 1993 г., когда он был преобразован в открытое акционерное общество, или Высокогорского горно-обогатительного комбината – после 1994 г. То есть более двадцати лет документы в архив не сдаются, экспертиза по ним не проводится. При этом оба предприятия теснейшим образом связаны как с историей города, так и с его экономическим положением вчера, сегодня и завтра.

Во взаимосвязи с вопросом сохранения и изучения архивных документов стоит и вопрос существования музейно-выставочных центров частных предприятий. Целый ряд музеев существуют как корпоративные, являясь непрофильными подразделениями частных структур.

Они являются собирателями и хранителями корпоративной истории и культуры, обладающей специфическими чертами. При этом корпоративные музеи являются также структурой, раскрывающей социальные, экономические и исторические, культурные процессы, происходившие и происходящие как в регионах, так и в стране в целом. В крупных предприятиях они являются одним из звеньев социальной ответственности бизнеса. При этом основополагающим является осознание важности сохранения истории, достижений, исторических и культурных ценностей всеми сотрудниками предприятия. В научной среде это

обстоятельство связывают с осознанием в обществе того, «...что свидетельства воплощения в жизнь достижений науки и техники не менее важны для мировой цивилизации, чем произведения искусства» [4, с. 116 – 121].

Целью их существования является, тем не менее, решение узкокорпоративных интересов, – в первую очередь, рекламирование корпорации, ее достижений, создание определённого имиджа на рынке услуг, а также профорентация, укрепление внутрикorporативных коммуникаций. При этом основополагающим фактором является поддержка принципов накопления и сохранения исторических ценностей персоналом компании и его руководством.

Однако при всех очевидных положительных чертах имеется одна отрицательная, присущая всем корпоративным музеям: неопределённость юридического статуса на протяжении всего своего существования.

Сказанное в полной мере можно отнести и к ведомственным музеям (то есть музеям предприятий).

В отношении предметов, хранящихся в музеях и музейно-выставочных центрах предприятий, не действует Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», поскольку хранящиеся в них предметы не поставлены на учет в Государственный музейный фонд Российской Федерации, а значит – не вовлечены в оборот культурных ценностей.

В соответствии с понятийным аппаратом закона о музеях и музейном фонде, культурные ценности – движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение; музейный предмет – культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление; музейная коллекция – совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам;

Музейный фонд Российской Федерации – совокупность подлежащих государственному учету и постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, гражданский оборот которых допускается с соблюдением ограничений, установленных настоящим Федеральным законом; музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом.

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации.

Музейный фонд Российской Федерации состоит из государственной части Музейного фонда Российской Федерации и негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Следовательно, музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, могут находиться в государственной, муниципальной, частной или иных формах собственности.

Музейные предметы и музейные коллекции, в том числе включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, независимо от того, в чьей собственности или во владении они находятся, подлежат государственному учету.

Государственный учет музейных предметов и музейных коллекций, в том числе включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации (далее – государственный учет), представляет собой комплекс мер, обеспечивающих идентификацию и предметно-количественный учет музейных предметов и музейных коллекций, в том числе включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, в целях их правовой защиты и государственного контроля.

Первичный учет музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в негосударственной (кроме муниципальной) собственности, осуществляется в порядке, установленном положением о Музейном фонде.

В положении о Музейном фонде содержится порядок включения и в Музейный фонд предметов из федеральных и муниципальных музеев. Кроме того, имеются статьи, регулирующие порядок проведения экспертизы культурных ценностей. Здесь же указано, что собственники музейных предметов письменно уведомляют Министерство о ликвидации музея, в собственности, во владении или в пользовании которого находятся музейные предметы, и о лице, принявшем на себя гражданские права и обязанности в отношении этих музейных предметов в течение 40 (сорока) рабочих дней с момента принятия решения о ликвидации.

Однако о том, что необходимо сделать частным собственникам культурных ценностей или музеев, ничего не сказано, равно как и о корпоративных музеях. А ведь зачастую именно музеи предприятий являются значительными по масштабу и значимости хранилищами культурных ценностей.

Безусловно, музеи предприятий в настоящее время являются активными членами культурных пространств, осуществляя значимые для регионов, в которых расположены, мероприятия и решая задачи, в том числе государственного масштаба. Однако пока их юридический статус не определен и не закреплён, пока хранящиеся в их закромах предметы не опубликованы, не поставлены на учёт, у собственников предприятий, руководства нет ответственности за их судьбу. И здесь остаётся уповать только на социальную ответственность, которая может снижаться под давлением экономической ситуации.

Однако, в случае выполнения норм действующего законодательства, широкие общественные и научные круги получают доступ к значительному объёму

информации и культурным ценностям. Данное обстоятельство способно послужить основой как для разработки новых идей в различных областях науки, так и для повышения качества жизни каждого человека.

Список источников и литературы:

1. Антропова А. С. Организационно-правовой статус архива организации в исторической ретроспективе // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2014. Вып. 14. С. 36-54.
2. Казакова С. А. К вопросу о формировании базы данных частных и корпоративных музеев России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 47-50.
3. Корнилова С. В., Трошина Т. М. Культурное наследие региона в корпоративных музеях и галереях Урала. // Актуальные проблемы современного краеведения на Среднем Урале : материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2015. С. 44-53.
4. Левочкина Н. А. Корпоративный музей как элемент социальной ответственности (на примере ПО «Полёт») // Социальное, культурное, экономическое и образовательное пространство России XXI век: материалы III Международной конф. Центр содействия развитию научных исследований, 2015. С.116-121.
5. Сербина Н. В. Российские корпоративные музеи: перспективы развития и продвижения [Электронный ресурс] // Argori. Серия Гуманитарные науки : [электрон. науч. журнал]. 2014. № 6. С. 29-37. Электронная копия доступна на сайте науч. электрон. б-ки Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-korporativnye-muzei-perspektivy-razvitiya-i-prodvizheniya> (дата обращения: 22.10.2020).
6. Об архивном деле в Российской Федерации : федерал. закон от 22.10.2004 N 125-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс] // Гарант : [правовая электрон. система]. URL: <https://base.garant.ru/12137300/> (дата обращения: 03.08.2020).
7. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : федерал. закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Консультант Плюс: [правовая электрон. система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 03.08.2020).

Администрация города Нижний Тагил

Управление государственной охраны объектов
культурного наследия Свердловской области

МКУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»

Научное издание

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ.
ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЙ. 300 +**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Нижний Тагил, 3 – 4 декабря 2020 г.

Корректор: Краева Т. П.

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Робин Гуд»

РПГ «Робин Гуд» (И.П. Гончар А.В.)

622000, г. Нижний Тагил, ул. Вогульская, 54

+7(912)622-32-04,

E-mail: info@robingood-nt.ru

vk.com/robingood_nt

Сайт: robingood-nt.ru

Отпечатано:

РПГ «Робин Гуд» (И.П. Гончар А.В.),

622000, г. Нижний Тагил, ул. Вогульская, 54

Подписано в печать 30.07.2019

Бумага мелованная 130 г./ кв. см.

Печать офсетная. Формат 69х90 1/16.

Заказ № 2056. Тираж 300 экз.

